

Виктор Пономаренко

Виктор Пономаренко

ПРАКТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРОЛОГИЯ

Методика 7 радикалов

Издательство АСТ
Москва

УДК 159.9
ББК 88.37
П56

Дизайн обложки *Анны Кузьминой*

Пономаренко, Виктор Викторович.

П56 Практическая характерология : методика 7 радикалов / Виктор Пономаренко. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 224 с. — (Практический тренинг).

ISBN 978-5-17-116268-9

В книге рассматривается методика «7 радикалов» В.В. Пономаренко, которая представляет собой новый системный подход по распознаванию характера. Не случайно этот прием классификации типов поведения уже более 20 лет используется в спецслужбах РФ, а также в научном психологическом мире.

Созданная методика автора полезна тем, что, не углубляясь в «дремучую» психологию, а опираясь на внешний поведенческий, наблюдательный подход, читатель находит понимание, кто есть кто в нашем сложном и запутанном мире. У вас есть возможность лучше понять себя, научиться лучше выстраивать отношения с окружающими и даже профессионально самоопределиться.

**УДК 159.9
ББК 88.37**

ISBN 978-5-17-116268-9

© Пономаренко В.

© Оформление.

ООО «Издательство АСТ», 2019

От автора

По мере того как в человеческом обществе растёт потребность ценить и беречь имеющиеся ресурсы (а как иначе, если нас, людей, всё больше, а их, ресурсов, всё меньше?), психология перестаёт быть наукой о душе — захватывающей, но несколько отвлечённой дисциплиной — и превращается в науку о закономерностях поведения. Психология сегодня ищет (и находит!) средства и способы управлять поведением человека для достижения максимальных результатов в его деятельности, в общении, в саморазвитии. А ведь в этом заинтересованы все, без исключения.

Рациональное поведение человека в окружающей его социальной среде невозможно без достаточно высокого уровня психологической компетентности.

Никого не удивляет, что для эффективного использования любого механизма, например персонального компьютера или автомобиля, необходимо как минимум разбираться в принципах, владеть элементарными технологиями сопровождения его работы. Никто разумный не прикоснётся к клавиатуре, не сядет за руль, не прочитав хотя бы брошюры из цикла «для чайников», не взяв начальных уроков мастерства. Судя по всему, механизмы мы ценим больше, чем людей, с которыми нередко позволяем себе обращаться, как Бог на душу положит.

Между тем психологические ресурсы каждого человека определены и ограничены, а поведение подчиняется закономерностям столь же строгим, как и все иные естественные законы. Только зная объёмы и качество этих ресурсов, характер этих закономерностей, можно построить осознанное, результативное управление поведением других людей, да и своим собственным.

К сожалению, мы плохо знаем себя и ещё меньше — других. Желая извлечь пользу из взаимодействия, уси-

лить радость общения, мы полагаемся часто лишь на интуитивное представление о нашем партнёре (или партнёрах) по той или иной социальной группе. Мы легко создаём в своём воображении иллюзорный образ небезразличного нам человека и ориентируемся при построении взаимоотношений на эту иллюзию. И как же глубоко бывает наше разочарование, когда она разбивается о реальность, «не оправдывает надежд»...

Не надеяться нужно, а знать! Когда мы видим маленький, изящный, как лаковая миниатюра, автомобиль, прекрасно приспособленный для поездок по городским улицам, нам не приходит в голову, что неплохо было бы с его помощью вытащить из болота застрявший там тягач. И даже мысль о перевозке на этом чуде техники и дизайна небольшого количества цемента и кирпичей для постройки дачи кажется нам кощунственной, ведь для этого есть другие, более подходящие транспортные средства.

Увы, вновь приходится констатировать, что в неживой природе мы разбираемся лучше, чем в людях. По нашему глубокому убеждению, с бытовыми и производственными задачами, какими бы они ни были, обязан справляться любой. «Я же смог, и он смог. Почему же ты не можешь?» — с искренним возмущением спрашиваем мы нередко у наших близких, коллег, партнёров. В правильном ответе на это «почему?» заключено многое: высокое качество жизни, успех, общественное признание, профилактика социальных кризисов и конфликтов.

Если перевести сказанное на современный технологический язык — речь идёт о том, что люди, как правило, пытаются ставить перед собой и окружающими цели без тщательного, объективного анализа ресурсной базы, обрекая всех участников процесса на заведомый неуспех (или в лучшем случае — на большие затраты, несоразмерные полученному результату). Не в этом ли причина того, что мы так трудно живём?

Где же выход? Он очевиден: следует научиться разбираться в людях — этого требует современность, это необходимая составляющая культуры.

То, что человек астенического телосложения не справится со штангой весом в четверть тонны, даже если его долго обучать технике подъёма тяжестей, и после ряда неудачных попыток возненавидит этот спортивный снаряд, нам худо-бедно понятно. Теперь нужно уяснить, например, что человек с сильной нервной системой, подвижной психикой не сможет качественно подготовить бухгалтерский отчёт или тщательно проверять документы у всех входящих-выходящих; что обладатель яркой, броской внешности не станет долго хранить корпоративную тайну, а постарается всеми правдами и неправдами вынести её на публичное обсуждение; что целеустремлённость и склонность брать на себя ответственность являются врождёнными (хотя, разумеется, и усиливаются воспитанием), и что общественная полезность этих качеств далеко не безусловна, и так далее, и многое другое.

Поиском ответа на вышеупомянутое принципиальное «почему?» научная психология занимается давно. Однако накопленных фактов и найденных закономерностей, по-видимому, пока не достаточно для создания единого, универсального знания, охватывающего все аспекты человеческого поведения.

Отсутствие единства в теории, тем не менее, вовсе не обезоруживает практику. Активно развивается практическая психология — систематизированный опыт применения одной или нескольких методик, позволяющих решить широкий круг задач по распознаванию и эффективному использованию человеческих ресурсов. Проблема заключается лишь в реальной ценности (т.е. результативности) подобных методик.

Точное, объективное, имеющее практическую ценность знание о регуляторах поведения человека — большая редкость в сегодняшнем океане весьма неравноценной психологической информации.

Автору повезло, поскольку на его долю выпала желанная для любого профессионала удача: решать задачи повышенной сложности, часто уникальные, как рутинные, составляющие повседневную практику. В кругу подобных решённых автором задач, например, успешно проведённые специальные психологические экспертизы в ходе расследований противоправных действий¹. Такая работа, поверьте, требует не только филигранной психологической техники, но и интеллектуальных прорывов в ранее неведомое, совершенствования имеющихся и разработки новых, более объективных подходов к диагностике, прогнозированию и управлению поведением людей.

Предлагаемая вашему вниманию книга обобщает представления автора о природе человеческих поступков и, хочется надеяться, послужит неплохим подспорьем тому, кто поставил перед собой задачу научиться понимать людей.

Автору повезло, но повезло ли читателю, вознамерившемуся прочесть этот материал, — покажет время.

С самыми добрыми пожеланиями,
Виктор Пономаренко

¹ В т.ч. совершённых в отношении журналистов Д. Холодова, В. Листьева, группы тележурналистки Е. Масюк в Чечне, а также серийных преступлений в лесопарке "Лосиный остров", терактов в московском метро, в культурном центре на Дубровке и др. В этих и других случаях автор работал в качестве эксперта над созданием социально-психологических портретов преступников, занимался оценкой их психического состояния, прогнозированием поведения и т.д. И хотя некоторые из этих преступлений до сих пор до конца не раскрыты, автора невозможно упрекнуть в том, что он не дал следствию полезных сведений.

Предисловие к изданию 2017 года

Мой друг и коллега Карэн Рафаэлович Камалов постоянно упрекает меня в том, что до сих пор я не написал книгу о методике «7 радикалов» для бизнеса. Упрек не вполне заслуженный мной, поскольку в 2008 году в издательстве АСТ-«Олимп» вышла моя книга с названием «Практическая характерология, или Как управлять поведением других людей». Она была ориентирована, в первую очередь, на представителей мира бизнеса — управленцев, продавцов, предпринимателей. И примеры в ней содержались в основном из практики делового общения.

Видимо, все-таки, бизнесу в ней чего-то не хватило. Может, утилитарности: сколько и как можно заработать, применяя эту методику? Как лучше интегрировать ее в известные технологии продаж? Как с ее помощью принимать на работу перспективных, подстегивать отстающих и увольнять безнадежных сотрудников? Как склонить оппонента к принятию нужной точки зрения? Кое-что на эти животрепещущие темы в той книжке, конечно, было. Но, судя по вялой реакции делового сообщества и продолжающимся упрекам друзей, маловато.

Написать книгу для бизнеса — «бизнес ждет»... Я представляю себе розовощекого пузана с еще младенческим, неструктурированным мышлением, но уже с хорошо развитым хватательным рефлексом. Все, что видит, до чего может дотянуться, он отправляет в рот и смачно пережевывает, периодически срыгивая. Дать ему книгу, как пончик в шоколадной глазури, чтобы он съел и еще больше прибавил в весе? Если честно, не хочется.

Не лучше ли вначале попробовать вырастить из него человека? Внушить ему, бизнесу, чувство ответственности за тот мир, который впустил его в себя; открыть нехитрую истину: все мы люди, и друг без друга мы ничто, и надо учиться повышать нашу общую жизнеспособ-

ность, постигать науку сотрудничества, а не вульгарно манипулировать нами?

Не с «бизнесом» я хотел бы говорить, а с человеком. И неважно, чем конкретно этот человек занимается — производит, продает, лечит, оказывает услуги, учит или учится. Главное — он существует среди людей, и ему неплохо было бы знать себя и других, чтобы быть увереннее, не бояться жизни, общения, а значит, быть терпимее и добрее. Об этом — книга про «7 радикалов». И, надеюсь, другой она никогда не станет.

Психолог
Виктор Пономаренко

ГЛАВА 1. Введение в характерологию

Уважаемые коллеги! (Ибо отныне — не знаю, обрадует вас это или огорчит, — мы коллеги, т.е. люди, сплочённые общим делом — изучением закономерностей поведения человека.)

Трудно представить себе знание более важное и полезное для каждого из нас, живущих на этой планете, чем знание о природе наших поступков. Почему мы ведём себя так, а не как-либо иначе? Почему из множества вариантов достижения цели или форм реагирования на внешние и внутренние воздействия мы выбираем именно те, которые выбираем? Почему люди, воспитанные примерно в равных (а порой практически идентичных) социальных условиях, поступают в близких по содержанию, аналогичных, жизненных ситуациях по-разному, подчас — принципиально по-разному?

В ответах на эти вопросы — залог нашего объективного отношения к миру людей, к нашим близким: родственникам, друзьям, единомышленникам, к сослуживцам: руководителям, подчинённым, кандидатам на должности тех и других, к деятелям политики и культуры, к чиновникам, исполняющим нелёгкие служебные обязанности, к потребителям произведённых нами продуктов: предметов, услуг, идей, et cetera. И, самое главное, в этом — залог нашего непредвзятого отношения к самим себе.

Вы спрашиваете: а разве это возможно — непредвзято относиться к самому себе? Ответ: не только возможно, но и должно! Поскольку ничто так не вредит формированию и полноценной реализации личности, как самообман — ложное, иллюзорное представление о собственном потенциале, особенностях приспособительного (адаптивного) поведения, социальном предназначении.

Вопрос: а если в процессе объективного самопознания мы узнаем нечто такое, что не только не повысит, а, наоборот, существенно понизит нашу самооценку, породит пессимистическое отношение к собственным перспективам, заставит, не приведи бог, возненавидеть самих себя?

Ответ: чепуха!

Психика человека, который здоров, т.е. хорошо себя чувствует, способен продуктивно трудиться, не мешает жить большинству окружающих, это в определённом смысле набор инструментов для решения широкого круга задач по обеспечению выживания, развития и размножения.

У каждого из нас (а мы, хочется думать, здоровые люди) этот набор индивидуален. И каждый инструмент, входящий в наши индивидуальные наборы, выдержал суровое испытание миллионами лет эволюции, закалился в горниле естественного и искусственного отбора.

Можете в нём — в этом инструменте — не сомневаться. Он доказал свою полезность, и природа в союзе с обществом сохранила его, передавая из поколения в поколение. Так что, коллеги, не существует плохих качеств психики. **Природа не производит некачественных людей!** Следовательно, нет повода для пессимизма и снижения самооценки. Не существует качеств — однозначных достоинств и недостатков. Любое из них становится достоинством, если используется по назначению, соответственно (адекватно) сложившейся ситуации.

Точно так же любое качество, обнаружившее себя не к месту, зачастую — не по вине его обладателя — превращается в недостаток.

Это общее правило. Так, микроскоп — хороший оптический прибор, но плохое подспорье для забивания гвоздей... Однако, друзья, довольно вопросов! Теперь вопрос вам: как вы думаете, кто на нашей планете является носителем (обладателем) разума?

Только не спрашивайте автора, что такое «разум», иначе придётся утомить вас рассуждениями о способности субъекта создавать в своём внутреннем психическом пространстве модель внешнего, объективно существующего мира, и не просто моделировать то, что воспринимается непосредственно, в режиме, так сказать, реального времени, но и воссоздавать прошедшее, и прогнозировать будущее этого мира. Кроме того, в понятие «разум» принято вкладывать также способность субъекта управлять собственным поведением, сообразуясь с вышеуказанной моделью, и, конечно же, активно преобразовывать предметный мир с целью создания наилучших условий для адаптации... Словом, что-то в этом роде. Надеюсь, несмотря на некоторую расплывчатость этих объяснений, мы все понимаем, о чём идёт речь.

Итак, кто же он — носитель разума? Правильный ответ: человек. Прекрасно!

Вопрос номер два: откуда в человеке берётся разум? Что является его источником? Подсказываю: «чело...». Что вы говорите? «...век»? Нет. Правильный ответ: человечество, человеческое общество, социум.

Со школьной скамьи всем хорошо известен т.н. «феномен Маугли». История действительно знает несколько случаев, когда «человеческий детёныш», волею судеб разлучённый с родителями, попадал в стаю животных, а потом вновь возвращался к людям, но не исполненным мудрости и благородства мускулистым красавцем — царём джунглей, как это изобразил романтичный Киплинг, а жалким, затравленным, агрессивным существом, издающим немелодичные звуки. Все старания психологов, педагогов (а надо полагать, это были далеко не худшие представители своих профессий) не помогли вернуть этим созданиям полноценного человеческого облика!

Вот характерный пример: одного из таких детей, затратив титанические усилия, научили с горем пополам пользоваться ложкой и вилок, усадили за стол и по-

ставили перед ним — голодным, как волчонок, — тарелку с аппетитно пахнущим мясом... И что же? Он не притронулся к еде. Только когда наблюдавшие за ним люди вышли в соседнюю комнату, он юркнул вниз и стал оттуда, из-под стола, как зверёк, воровать куски с тарелки. Жалкое зрелище! Даже простые стереотипы социального поведения оказывались недоступными таким детям, что говорить о человеческом сознании — мышлении, высших эмоциях, речи, которые у них никогда уже не развивались.

Менее экзотическое название этого феномена — «педагогическая запущенность». Когда ребёнок растёт хоть и не в лесу, но в примитивном социальном окружении, его поведение мало чем отличается от поведения олигофрена (человека, страдающего врождённым слабоумием, вызванным повреждением мозга), что свидетельствует об одинаковой недоразвитости психики и у того, и у другого.

Всё это убедительно доказывает, что, несмотря на набор генов, определяющих принадлежность субъекта к биологическому виду *Homo sapiens* (Человек разумный), разум в нём отнюдь не самозарождается. Человеческая генетика, таким образом, — необходимое, но не достаточное условие превращения человека в носителя разума, в разумное существо. Решающая роль здесь принадлежит обучающему, воспитательному воздействию со стороны социума. Древние говорили по этому поводу: человек приходит в мир, будучи *tabula rasa* (чистой доской). Надписи на этой доске, определяющие содержание его психической жизни, делает человечество.

В современной науке бытует понятие «личность». При всём многообразии его определений это понятие раскрывает сущность человека как объекта (формирующегося под воздействием) и одновременно субъекта (деятеля, творца) общества, общественных отношений.

Процесс формирования личности под воздействием общества, приобретение человеком разнообразных знаний, навыков, умений и в результате его интеграция в систему общественных связей и отношений называется социализацией.

Итак, уважаемые коллеги, выходит, что не столько человек, сколько социум как единое целое является разумным существом, населяющим Землю. Как тут не вспомнить созданный воображением писателя-фантаста мыслящий и чувствующий Океан на далёкой планете (С. Лем «Солярис»). Впечатляющий, проникновенный образ... Но незачем далеко ходить, точнее, летать! Разумный Океан — это мы с вами. Люди. Земляне... Каждый человек — капля этого Океана, его неотъемлемая частица. Мы не существуем без него, он — без нас...

Впрочем, всё это общеизвестно. Интересно другое. Если разумное начало и формирующееся на его основе содержание нашей психики мы черпаем из окружающей нас социальной среды, то почему мы так отличаемся друг от друга? Среда-то ведь для многих из нас одна. Почему дети, сидящие в школе за одной партой, обучаемые педагогами по одной и той же методике, по одной и той же программе, так не похожи один на другого?

Прежде чем дать ответ на этот важнейший вопрос, посмотрим, как происходит формирование личности. Самой наглядной, хотя, разумеется, упрощённой, аналогией, которую можно использовать для пояснения этого процесса, будет посещение магазина... Скажем, одежды. Представьте себе человека, решившего приодеться. Даже если он задумал полностью — от носков до шляпы — укомплектовать свой гардероб, всё равно всего, что есть в магазине, ему не скупить. Он выберет только то, что ему по вкусу, по размеру, по фигуре, по карману. Словом, он выберет одежду, соответствующую его возможностям. Нечто подобное происходит и в процессе социализации.

Должен заметить по ходу дела, что информация, накопленная социумом за многие тысячелетия его эволюции, существует и передаётся из поколения в поколение в основном в виде относительно устойчивых форм, наполненных конкретным содержанием, — в виде стереотипов, повторяемых технологий решения поведенческих задач.

Взгляните повнимательнее, коллеги, и вы увидите, что наши с вами знания, навыки, умения, взгляды, оценки, пристрастия и т.д. есть некий набор стереотипов.

Мы оформляем свою внешность, укрепляем здоровье, отдаём дань санитарии и гигиене, решаем широчайший круг профессиональных задач, знакомимся с окружающими, принимаем пищу, высказываем своё отношение к глобальным проблемам, признаёмся в любви и занимаемся ею стереотипно. До нас точно так же поступали многие поколения людей. Они же нас этому и научили.

Даже если кто-то пытается оригинальничать или, допустим, бороться против общепринятых стереотипов, он делает это тоже стереотипно. Социум припас на всякий случай стереотипы и оригинального, и протестного, и маргинального, и даже асоциального поведения. По существу, личность во многом складывается из таких стереотипов, усваиваемых в течение всей жизни.

Вы расстроились? Напрасно! В том, что человек, приходя в этот мир, сразу же начинает накапливать стереотипную информацию о нём и стереотипно воспроизводить её в собственном поведении, есть глубокий смысл.

Во-первых, не секрет, что возможности человека — как психические, так и физические — ограничены. И эти ограничения отражаются на форме и содержании социальных стереотипов. Согласитесь, в нашем арсенале форм поведения есть стереотипы походки, но нет стереотипов полёта по воздуху без использова-

ния технических средств (автор сознательно упускает из виду крайние случаи). Например, с пещерных времён мы используем стереотипы защиты от кровососущих насекомых, в последние десятилетия в социуме распространились и заняли устойчивое место стереотипы противодействия болезнетворным бактериям и вирусам, но стереотипов реагирования на движение молекул в окружающем нас пространстве у нас нет. Мы их, эти молекулы, не видим, они нас как будто не трогают (хотя объективно играют в нашей жизни огромную роль), ну, стало быть, мы и не считаем нужным реагировать на них поведенчески, формировать, копить и передавать потомству стереотипы общения с ними.

Таким образом, поведенческие стереотипы — это устойчивые формы поведения¹, обусловленные природными возможностями человека, позволяющие использовать их (эти самые возможности) оптимально, т.е. с наибольшей эффективностью.

Это первое обстоятельство. Во-вторых, если бы наше поведение — поступки, оценки, высказывания — было сугубо индивидуальным, уникальным (сколько людей, столько и вариантов), мы с вами не смогли бы понимать друг друга, общение и взаимодействие в социуме стали бы невозможными.

Теперь вернёмся к примеру с магазином одежды. Получается, что окружающий нас мир, интегрируясь в который, каждый из нас становится личностью, — это некий «магазин готовой одежды». На его полках, вешалках и манекенах — разнообразные по цвету и стилю, но в каждом однородном стилистическом ряду стереотипные вещи.

И вновь зададимся вопросом: почему, усваивая стереотипы, мы, тем не менее, обретаем индивидуальность? Что, собственно, индивидуально?

¹ В широком смысле, включая деятельность, общение, реализуемые социальные установки, отношения, ценности и т.д.

Ответим себе: индивидуальны набор и сочетание усвоенных и реализуемых нами стереотипов. Они индивидуальны настолько, насколько индивидуальны наши возможности и уникален наш жизненный опыт.

Поговорим об этом, поскольку понимание природы индивидуальности станет ключом ко всем последующим нашим рассуждениям о характере человека, способах его исследования, описания, прогнозирования поведения индивидуума в интересующих нас ситуациях, повышения эффективности профессиональной деятельности, общения и взаимодействия в социальной среде.

Представьте себе, уважаемые коллеги, спортивный снаряд. Штангу весом в двести пятьдесят килограммов. Вопрос: каждый ли человек способен без посторонней помощи поднять эту штангу и удержать её над головой хотя бы в течение нескольких секунд?

Ответ: не каждый.

Вопрос второй: каждый ли человек способен решить математическую задачу высокого уровня сложности?

Ответ: не каждый.

Вопрос третий: каждый ли человек способен рационально обустраивать своё рабочее место?

Ответ: см. выше...

А между тем существуют стереотипы подъёма штанги, решения математических задач, организации труда. Есть люди, владеющие этими стереотипами профессионально и готовые научить других. В чём же дело?

Любой инструктор автошколы расскажет вам, как охотно он берётся обучать вождению одного, а на другого не желает даже тратить время из-за полного отсутствия перспективы. Любой учитель танцев или профессор химии с гордостью назовёт своих самых способных учеников и отмахнётся, с его точки зрения, от бездарей.

Следовательно, не все из существующих, культивируемых в социуме поведенческих стереотипов доступны каждому. Кто-то легко и быстро осваивает технику

сложных физических упражнений, кто-то легче других перенимает ремесло, требующее терпения и ювелирной точности движений, кому-то нравится переживать чувство интеллектуального напряжения, игры ума при анализе шахматных комбинаций...

А кто-то не справляется ни с тем, ни с другим, ни с третьим, но зато без особого труда овладевает навыками оператора, управляющего сложной — многоуровневой и многоцелевой — автоматизированной системой и, к тому же, рисует акварелью...

В течение жизни мы полноценно усваиваем (и, следовательно, используем как инструментарий для адаптации к социальной среде) лишь те поведенческие стереотипы, воспринять которые позволяют наши индивидуальные возможности, внутренние условия.

Что ещё за «внутренние условия»? — спрашиваете вы.

Ответ: внутренние условия, определяющие, какого рода стереотипы поведения будут усвоены конкретным человеком (индивидуумом), а какие он не сможет воспринять даже при интенсивном обучении — не что иное, как присущие ему (врождённые и / или приобретённые на этапах внутриутробного и младенческого периодов развития) базовые психические и, в какой-то мере, физические качества.

Нас с вами главным образом будут интересовать качества психики: свойства нервной системы (сила и скорость процессов, протекающих в центральной нервной системе), интеллекта (прежде всего — стиль мышления), эмоциональной сферы, поскольку физические возможности человека оказывают сравнительно меньшее влияние на стиль его социального поведения. Более подробно и внятно об этих внутренних условиях наука, во всяком случае, в лице автора, сказать не в состоянии (буквально, видится град камней, летящих из стана нейропсихологов и психофизиологов!).

Да, действительно, по поводу влияния особенностей функционирования мозга, выявляемых нейрофизио-

логическими методами, на поведение человека написано немало литературы (в том числе — полуфантастической). Однако наиболее, на взгляд автора, честные и объективные исследователи говорят, что до сих пор не найдено прямых содержательных связей между феноменами нейрофизиологическими (например, биоэлектрической активностью коры головного мозга) и психологическими (поведением человека).

Один весьма уважаемый учёный как-то — лет десять назад — грустно качая головой, пошутил: «А мозгом ли мыслит человек?». Насколько автору известно, коллеги, с тех пор кардинальных прорывов в этой области знаний не произошло.

Тем не менее давайте оставаться в убеждении, что мыслит человек всё-таки мозгом. На самом деле, для нас не так уж важны эти физиологические подробности, поскольку мы не копаемся в черепе, а исследуем закономерности поступков. Главное — уяснить, что процесс превращения человека как биологической особи в личность идёт не как попало (куда кривая вынесет!), а в соответствии с объективно существующими качествами психики, играющими основополагающую роль. В дальнейшем, там, где это необходимо и возможно, мы будем пытаться называть (разумеется, на уровне гипотезы) эти объективные качества — но только для того, чтобы лучше понимать, как под их влиянием формируется поведение человека.

Итак, мы вплотную подошли к определению основного понятия этой книги — **«характер»**. Договоримся — и это не войдёт в противоречие с общепринятым теоретическим подходом — под характером человека понимать индивидуальный стиль его поведения в социальной среде, формирующийся за счёт избирательного¹ усвоения и реализации поведенческих стереотипов.

¹ Благодаря врождённым, а также приобретённым на ранних этапах жизни качествам психики — «внутренним условиям».

Таким образом, характер — это способ адаптации индивидуума к социальной среде.

Основным принципом формирования характера является общее для всего материального мира стремление минимизировать энергетические затраты на существование. Действительно, человек из всего многообразия стереотипов поведения лучше всего усваивает и реализует те, которые не требуют от него значительных усилий, даются легче других, соответствуют его внутренним условиям как «ключ замку». Попытки (например, под влиянием энергичных, но мало знакомых с психологией воспитателей) усвоить иные — «чужие» — стереотипы оплачиваются, с точки зрения расходования энергии, дорого, и, как правило, не бывают успешными. Наверное, можно, путём длительных, усердных тренировок, добиться решительного поведения от человека тревожного, робкого. Но чего это будет ему стоить?! Всплеск решительности потребует исчерпывающих затрат и, с высокой степенью вероятности, приведёт к психическому истощению, к срыву адаптации. В то время как в данной конкретной ситуации не вымученной решительностью, а своей разумной осторожностью он мог бы добиться гораздо большего...

Теперь, после того, как мы определили главный предмет нашего изучения — характер, попробуем обсудить возможные способы его исследования, а также варианты практического применения знаний, полученных в результате этих исследований.

Проблемой характера научная психология занимается много десятилетий. За это время накопилось множество интересных наблюдений, предприняты многочисленные попытки их классификации и систематизации — создан целый ряд т.н. типологий характера. В нашу задачу не входит знакомство с существующими типологиями (позвольте, уважаемые коллеги, для повышения вашей эрудированности в данном вопросе адресовать вас к библиотечным полкам). Мы лишь

отметим один очевидный недостаток большинства из них, мешающий их полноценному практическому использованию.

Этот недостаток связан (только, бога ради, не заскучайте!) с философской проблемой соотношения единичного (неповторимого, уникального), особенного (отличающегося от других) и общего (делающего похожим на остальных) в человеке.

Да, каждый конкретный человек уникален. Точно такого же, как он (во всех деталях — психических и физических), никогда не было и не будет. «Под каждым могильным камнем погребена Вселенная!» — сказал, если автору не изменяет память, немецкий поэт Гейне. Но это вовсе не означает, что в каждом уникале нет тех качеств, которые присутствуют и в других людях.

Разумеется, они есть — эти общие для всех нас качества. Более того, именно они и являются нашими главными человеческими свойствами: наличие разума, общественный образ жизни, «человеческое» строение мозга, скелета и внутренних органов и т.д.

Предметом науки всегда является общее, редко — особенное, в то время как практика имеет дело прежде всего с единичным. Не с человеком «вообще», а с конкретным Ивановым-Петровым-Сидоровым. Вот здесь-то, при переносе знаний из теоретических сфер в практическую плоскость, и возникает условие для совершения ошибки.

Исследование качеств характера, выявление среди них близких по происхождению (по внутренним условиям формирования) и объединение этих однородных качеств в группы — разумеется, не ошибка. Выявление в этих однородных группах ведущего (-их) качеств (-а), определяющего (-их) основное предназначение данной группы, как средства и способа адаптации к социальной среде — не ошибка. Нахождение аналогичных групп качеств у разных людей и построение на их основе типологии характера — ещё не ошибка... Попытка описать качества (особенности, черты) характера

конкретного человека, индивидуума, исключительно как представителя того или иного типа — ошибка, поскольку при этом не проводится содержательной границы между единичным (Ивановым как уникальным явлением) и общим (Ивановым как обладателем ряда типичных, общих для многих людей, психологических свойств, качеств характера).

Чувствую сам, коллеги, что несколько усложнил объяснение. Попробую выразить эту мысль проще, яснее.

Поскольку вы наверняка читали или, по крайней мере, слышали о существовании различных типов характера, воспользуюсь вашими знаниями и приведу пример.

В психологической (научной и популярной) литературе нередко упоминается демонстративный тип характера. Речь идёт при этом о группе качеств (особенностей) характера человека, главным из которых является стремление быть в центре благожелательного, сочувственного внимания.

В той же самой литературе встречается и определение, скажем, тревожного типа характера. К основным поведенческим качествам этого типа относится, напротив, желание скрыться от посторонних глаз, уклониться от любой (даже мало-мальской) ответственности и т.п.

Хорошо было бы, если бы изучаемый нами человек (тот же полюбившийся нам Иванов) всем своим поведением соответствовал либо демонстративному, либо тревожному типу. Как было бы нам легко заниматься психологической диагностикой — исследованием и описанием его характера!

Но так не бывает. Тип характера — теоретическая модель, не более. То, что существуют однородные (близкие по происхождению) и взаимообусловленные качества характера, — это факт (и мы в дальнейшем будем это активно использовать). Но то, что этими качествами характер реального человека исчерпывается — это не есть факт.

То, что в литературе принято называть типом характера, на самом деле — поведенческая тенденция, из множества которых формируется реальный характер.

Вот почему наш с вами Иванов в жизни в ряде случаев проявляет себя как представитель тревожного, а в иных — как представитель демонстративного типа. И исследовать на практике нам приходится не тип, и даже не каждую отдельно взятую тенденцию, а целостный характер реального Иванова, рождающийся из активного взаимодействия и взаимовлияния нескольких тенденций.

Как же быть? Как в этой ситуации «снискать хлеб насущный»?

Не унывайте, коллеги, способ есть! Нам с вами вовсе не надо изобретать велосипед. Сразу скажу, что этот способ известен и применяется, в том числе и в прикладной психологии, но ещё не в полную силу. Так, по крайней мере, кажется автору. А вот кто его по-настоящему хорошо освоил, так это... дегустаторы вин, коктейлей и пр.

Многие из нас, особенно любители посидеть в баре или ресторане (а кто не любит этого, назови?), знают, как вкусны и изысканны порой бывают коктейли. Мы смакуем их, пытаюсь прочувствовать и сохранить в памяти удивительный, специфический вкус. Профессиональные дегустаторы при этом имеют возможность не только наслаждаться коктейлем как неким целым, но и способны различить составляющие его элементы, ингредиенты. Заметьте, различить как по качеству, так и по количеству, долевого содержанию в данном напитке.

Реальный характер — это коктейль, смесь, микстура из тенденций, определяющих различную стилистику поведения.

Как было сказано выше, подобные тенденции, в основе которых лежат объективные качества психики, в литературе принято описывать как типы характера, что не совсем корректно с практической точки зрения.

Правильнее, на взгляд автора, рассматривать их как самостоятельные группы качеств в структуре реального характера. Они, эти качества, однородны по происхождению, т.е. в их основе лежат одни и те же внутренние условия. Иными словами, это качества, происходящие «из одного корня», а потому и название этим группам следует давать соответствующее — **радикалы** (от латинского *radix* — корень).

Таким образом, наиболее продуктивным подходом к психологическому исследованию (диагностике) характера будет: а) определение входящих в него радикалов; б) описание характера как единого целого, как результата взаимодействия и взаимного влияния радикалов.

Надеюсь, принцип понятен. Теперь перейдём ближе к технологии. Чтобы дегустатор мог определить наличие и процентное содержание того или иного ингредиента в коктейле, он должен хорошо знать свойства этого ингредиента (в первую очередь — его вкус) в чистом виде. Так же дело обстоит и с радикалами. Прежде чем приступать к исследованию реального характера (т.е. характера конкретного живого человека), нужно изучить существующие типичные «чистые» радикалы.

Да, именно типичные, поскольку одинаковые радикалы встречаются у разных людей, и перечень радикалов, известных психологам, не так уж велик.

Многолетний опыт решения сложных, подчас уникальных задач практической психологии подсказывает автору, что в большинстве случаев для достаточно полного описания характера любого человека, ставшего объектом психодиагностики, хватает знания **семи основных радикалов**.

Эту методику «семь радикалов», ставшую результатом преломления общепринятой теории характера через собственный профессиональный опыт, автору и хотелось бы передать вам, уважаемые коллеги.

Для начала назовём эти семь радикалов. Истероидный, шизоидный, эпилептоидный... Стоп! «И это назы-

вается психологией? — недоумеваете вы. — Туда ли мы попали? Истероидный, шизоидный... Не решил ли этот, с позволения сказать, автор отправить нас на экскурсию в сумасшедший дом?»

Нет, уважаемые коллеги. Здесь нет никакого недоумения. Дело в том, что регулярное, пристальное, систематическое научное наблюдение за поведением людей осуществлялось и осуществляется доныне именно в психиатрических лечебницах. Не досужее любопытство, а острая необходимость распознать душевную болезнь, разработать методологию её лечения, помочь страдающему человеку ложатся в основу подобных исследований (к слову, кого ещё интересует наш с вами внутренний мир, как не психиатра и патологоанатома?). Психиатры и создали первые, базовые, широко используемые доныне классификации типов поведения (характера).

Возникает вопрос: правомерно ли переносить характерные особенности поведения душевнобольных на здоровых людей?

Многие авторитетные, серьёзные специалисты отвечают на этот вопрос утвердительно: да, вполне правомерно. Дело в том, что нередко душевная болезнь не создаёт какой-то новый, а лишь видоизменяет прежний характер, присущий человеку, когда он ещё был здоров. Индивид сопротивляется болезни, приспосабливается к ней, используя сохранившиеся возможности психики. В такой ситуации черты (качества, свойства) характера обостряются, акцентируются и, как следствие, становятся более доступными для наблюдения, исследования.

Вернёмся к названиям радикалов. Обратите внимание, что в каждом из уже перечисленных нами названий присутствует суффикс «ид»: истероидный, шизоидный, эпилептоидный... Этот суффикс заимствован из греческого языка. Он означает «подобие». Психиатры, хорошо зная, как ведут себя, например, больные истерией, и наблюдая похожее поведение у здоровых

людей, дали ему название истероидного, т.е. подобного истерии. Вот откуда взялись эти названия. Они закрепились в психологии, во-первых, для понимания сущности обозначаемых ими поведенческих явлений, во-вторых — как дань уважения учёным, врачам, много сделавшим для изучения и описания характера человека, и в-третьих — для облегчения запоминания этих названий, поскольку экзотические слова откладываются в памяти лучше, нежели привычные. Не откажемся от этих названий и мы.

Семь основных радикалов — это истероидный, эпиптоидный, паранойяльный, эмотивный, шизоидный, гипертимный и тревожный.

Понимаю ваше лёгкое недоумение. Паранойяльный, эмотивный, гипертимный, тревожный — эти названия не имеют в своей структуре полюбившегося нам суффикса «ид». В чём дело?

Принцип их возникновения, изложенный выше, остаётся прежним, просто у каждого названия есть своя маленькая история. К примеру, параноидный означает не подобие, а самое что ни на есть серьёзное душевное заболевание. Следовательно, это название уже занято клиницистами, и мы вынуждены использовать другое — «паранойяльный»...

Уважаемые коллеги, позвольте завершить тему происхождения названий радикалов. Из-за присущей автору эпиптоидности (что это такое, вы узнаете несколько позже), он, похоже, всё более увязает в третьестепенных подробностях и уходит в сторону от главной темы.

Итак, каждый из семи радикалов мы будем изучать по следующей схеме:

Общая характеристика. Мы будем рассуждать о внутренних условиях, лежащих в основе происхождения радикала, а также о его основном социальном значении, т.е. о значении порождаемой им поведенческой тенденции. Обсуждая этот раздел, мы увидим, например, что несколько сниженная от природы ско-

рость переключения нервной системы с одной задачи на другую при одновременной высокой работоспособности нервных клеток приводит к развитию целеустремленности как свойства личности, а при относительно низкой работоспособности — к развитию агрессивности; что высокая динамика нервных процессов, напротив, целенаправленности препятствует, но способствует оптимизму и жизнелюбию... И, самое главное, мы в очередной раз убедимся, что незначимых, бесполезных, никому не нужных качеств характера просто не бывает.

Внешний вид. Мы будем рассматривать особенности телосложения, оформления внешности и окружающего пространства, мимики и жестикуляции, свидетельствующие о наличии в характере человека данного радикала, иными словами, специфичные для этого радикала. И будем удивляться тому, как все в природе и, в частности, в нашем поведении взаимосвязано!

Качества поведения. Следует сказать, что продуктивность подхода к исследованию характера через определение входящих в него радикалов обусловлена ещё одним важным обстоятельством. Радикал — целостное образование, поэтому мы можем быть уверены, что если у изучаемого нами человека наглядно проявляется хотя бы часть качеств, входящих в данный радикал, то значит, что и все прочие качества этого радикала также присутствуют в характере, просто в этой конкретной ситуации они себя не обнаруживают. В разделе «Внешний вид» мы, таким образом, познакомимся с теми качествами радикала, которые особенно чётко и ясно проявляются вовне и, следовательно, легко доступны наблюдению. В разделе «Качества поведения» мы получим полное представление обо всех поведенческих свойствах радикала. И здесь нас будет ждать много открытий, поскольку глубинная взаимосвязь многих качеств характера для людей непосвященных как раз неочевидна. Знаете ли вы, к примеру, что уже

упоминавшаяся агрессивность, физическая смелость, аккуратность, склонность к ремесленничеству, бережливость являются производными одного и того же радикала? А ведь это так.

Задачи. Разделом «Качества поведения» завершается собственно психодиагностический этап изучения радикала. Диагностика, т.е. распознавание, констатация наличия тех или иных качеств на этом, по сути, заканчивается. Наступает важный для практической психологии этап — управление поведением. Сразу скажем, что в это понятие мы будем вкладывать исключительно гуманистический смысл. Гёте принадлежат замечательные слова: «Чтобы добиться успеха в жизни, нужно заниматься тем, что даётся легче всего. Но делать это изо всех сил!» Вдумайтесь, коллеги: разве не об этом мы ведём наш разговор с самого начала? Об этом, именно об этом! Социальная адаптация вопреки характеру, попытки решения повседневных задач затратным, энергоёмким способом ухудшают качество жизни. Поэтому так важно знать, решение какого рода задач облегчается при наличии в характере данного радикала, а какие задачи становятся при этом просто невыполнимыми. Об этом и пойдёт речь в разделе «Задачи».

Особенности построения коммуникации. Этот раздел также относится к управлению поведением. Здесь мы будем учиться выстраивать наиболее эффективную систему общения и взаимодействия с обладателем того или иного радикала, избегать грубых коммуникативных ошибок. Мы поймем, почему, например, обладателю выраженного истероидного радикала, как воздух, необходимы комплименты, и что обращенная к нему фраза: «Как вы сегодня прекрасно выглядите!» — послужит не только повышению настроения, но и сближению позиций по деловым вопросам. Поймем мы также и то, почему в ответ на ту же самую фразу человек с доминирующим эпилептоидным радикалом ответит грубостью и навсегда отобьет у нас желание давать

ему без его разрешения оценку — неважно, позитивную или негативную...

На этом закончится изучение каждого радикала в отдельности и начнётся исследование реальных характеров (которые, как вы помните, представляют собой смесь радикалов и должны рассматриваться как результирующие их взаимодействия и взаимовлияния). Образно говоря, изучив буквы, мы будем учиться читать слова, вначале — по слогам, затем целиком, всё глубже проникая в их истинный смысл.

На этой оптимистической ноте позвольте завершить дозволенные речи. Но прежде чем мы расстанемся (надеюсь, до следующей главы), хочется задать вам, коллеги, несколько вопросов для закрепления пройденного материала.

Вопросы и задания:

1. Дайте определение понятиям «личность», «социализация», «характер», «радикал», «поведенческая тенденция». Если эти определения не будут найдены вами в пройденном материале, или, будучи найденными, покажутся вам недостаточно полными, попробуйте сформулировать их сами, исходя из смыслового контекста сказанного. Самостоятельность мышления — залог успеха практического психолога.

2. Запомните названия семи основных радикалов. Для этого воспользуйтесь одной из предлагаемых ниже мнемонических фраз, в которых незамысловато зашифрованы названия изучаемых нами радикалов:

— Истинно эффективная психодиагностика — это шедевр гениального творца;

— Идиот, это просто элементарный шантаж, говорят тебе!

— Исчезающее эхо... Поступь Эроса... Шорох гаснущих теней...

— ИЭПЭШГТ.

Выберите понравившуюся вам фразу или сами придумайте новую. Пусть это будет маленьким тестом в нашем курсе «нетестовой» диагностики характера.

ГЛАВА 2. Истероидный радикал

Знакомство с названными ранее семью радикалами мы начинаем с истероидного. Это, как вы поймёте несколько позже, весьма распространённый в социуме радикал. Наблюдения показывают, что он — как, впрочем, и все остальные радикалы — одинаково часто встречается как у мужчин, так и у женщин, независимо от их расовой принадлежности, национальности и т.п.

Это замечание представляется важным, поскольку нам следует с самого начала освободиться от ложных стереотипов и уяснить, что характер — общевидовое явление.

Иными словами, объективно не существует «женского» и «мужского», «негроидного» и «европеоидного», «славянского» и «семитского» и т.д. характеров. Различия в поведении разнополых, молящихся разным богам, имеющих разный цвет кожи, разрез глаз и пр. людей обусловлены лишь формальными — автор настаивает на этом! — особенностями стереотипов поведения, бытующих в мировых культурах и субкультурах. По-разному, например, происходит богослужение, но склонность (или не склонность) сопереживать божественному, волноваться, входя в храм, испытывать глубокие религиозные чувства не зависит от перечисленных выше и иных популяционных различий.

Очевидно, тот, кто давал название истерии — психическому заболеванию, поведенческие элементы которого мы наблюдаем в рамках истероидной тенденции (напомню, так мы продолжаем называть характерную стилистику поведения, производную, в данном случае, от истероидного радикала), не разделял эту точку зрения.

Давно это было. Со времён Гиппократы считалось, что истерией болеют только женщины. Слово «исте-

рия» происходит от греческого *hystera*, что в переводе на русский язык означает «матка». Врачи, изучая проявления истерии, полагали, что матка (по их представлениям, — самостоятельное живое существо, обитающее в теле женщины) время от времени начинает «рыскать», перемещаться от одного органа к другому в поисках лучшей доли. Поднимаясь к гортани, она вызывает её закупорку и, как следствие, приступ удушья. Соприкасаясь с сердцем или печенью, причиняет им боль...

Лечение истерии заключалось тогда в «приманивании» матки с целью возвращения её в естественное, исходное положение. Больной женщине давали пить разную гадость (например, разведённые водой фекалии), хлестали её по щекам или таскали за волосы, при этом окуривая благовониями и умащивая драгоценными маслами область половых органов — создавали, так сказать, градиент удовольствия. Так лечили бы истерию и до сих пор, если бы мировая знаменитость — Зигмунд Фрейд — публично не признался в том, что он сам страдает истерией.

Этот выдающийся учёный (усатый и бородатый мужчина!) рассеял ложные представления о половой обусловленности этого заболевания. Так, во всяком случае, гласит легенда.

Вернёмся, однако, к истероидности и рассмотрим этот радикал по ранее согласованной (см. главу 1) схеме.

Общая характеристика. В основе истероидного радикала лежит слабая нервная система. В нейрофизиологии силу / слабость нервной системы принято оценивать по её способности (или неспособности) длительно выдерживать процесс возбуждения.

Таким образом, одним из ведущих внутренних условий истероидного радикала является неспособность нервной системы выдерживать возбуждение относительно долго. На поведенческом уровне это означает прерывистую, нестабильную работоспособность, повышенную истощаемость энергетического потенци-

ала, быстро развивающуюся потребность в отдыхе, восстановлении душевных и физических сил, склонность, исходя из всего перечисленного, беречь то немалое (в смысле запаса энергии), чем наградила природа.

Зададимся вопросом: какой образ поведения должен сформироваться при таком внутреннем условии? Ответим, исходя из собственных наблюдений и здравого смысла: поиск — всегда и во всём — лёгких путей; неспособность и, соответственно, нежелание глубоко погружаться в какую бы то ни было проблему, бороться с реальными трудностями, добиваться осязаемых результатов... Верно. Всё верно. Как человек с неразвитой мускулатурой обходит стороной пугающие его тяжёлые гири и штанги, так индивидуум, наделённый истероидным радикалом, старается не связываться с задачами, требующими длительных, сосредоточенных усилий.

Понимаю вашу реакцию на подобное сообщение. «Выходит, — спрашиваете вы, — истероидная тенденция в поведении — это лень, поверхностность во всём, уклонение от напряжённого производительного труда? Следовательно, этот радикал — социально вредный?»

На первую часть вопроса отвечу: да. На вторую: нет. Категорическое «нет»! Как было сказано ранее, каждый радикал выдержал испытание временем, многократно подтвердил и продолжает подтверждать свою полезность для общества. Нам с вами, коллеги, чтобы это как следует осознать, возможно, понадобится пересмотреть некоторые из наших собственных стереотипов оценки различных социальных явлений. Обсудим проблему глубины погружения в ту или иную область деятельности, отношений. Всегда ли «глубоко» означает «хорошо»? Представьте себе анекдотическую ситуацию: муж неожиданно возвращается из командировки. Что лучше — когда он тщательно, методично начинает обследовать каждый уголок и закоулок квартиры в по-

исках затаившегося любовника, или когда он доверчиво обнимает жену и легко, без тени сомнения, удовлетворяется её путаными, взволнованными объяснениями своего неглиже?

Согласитесь, однозначного ответа нет. Если отбросить шутки в сторону, в других, в том числе имеющих принципиальное значение для общества, вопросах также далеко не всегда необходима глубина проникновения в суть вещей. Подчас она даже вредна. Многие вековые устои (мировоззренческие, нравственные, экономические и т.д.) социума, обеспечивающие его вполне стабильное процветание, были безжалостно разрушены в попытках копнуть поглубже, и не факт, что взамен разрушенного предлагалось нечто более эффективное. Нередко эти попытки лишь «умножали скорбь», заставляя людей разочаровываться в основах своего бытия, приносили в общество «не мир, но меч». Так что, друзья, глубина не всегда позитивна, а следовательно, поверхностность не всегда негативна.

Это важно понимать. Как, впрочем, важно понимать и то, что индивидуум, наделённый истероидным радикалом, не выбирает. Он, возможно, и рад быть глубоким и содержательным, но это недоступно для его психики, это слишком большая нагрузка, которая непременно приведёт к перенапряжению психической деятельности, к срыву, образно говоря, к «воспалению мозга». Поэтому поверхностность и прочее, о чём говорилось выше, — его удел.

Однако сказанным общая характеристика истероидного радикала не исчерпывается.

Забегая вперед (поскольку мы условились с вами изучать качества характера в соответствующем разделе), отметим, что у обладателей истероидного радикала вроде бы присутствует (по крайней мере, бросается в глаза окружающим) неистребимая уверенность в высокой социальной значимости, в особом предназначении и ценности собственной личности. Откуда она берётся?

Эту поведенческую особенность формирует логика социальной адаптации. Судите сами. Как человеку, с самого раннего возраста неспособному равняться со сверстниками в объёмах и качестве любой поведенческой продукции, тем не менее, отвоевать себе место под солнцем? Только уверенно и неутомимо нахваливая то немного, что ему удалось сделать (чтобы шевелить во рту языком, сил хватит), а самое главное — себя, любимого.

Представьте себе ребёнка, наделённого эпилептоидно-паранойяльным сочетанием радикалов (допустим, что вы догадываетесь о связанных с ними свойствах характера), производящего в песочнице свои любимые куличики. Старательный и аккуратный, он изготовит — если не будет остановлен заботливой матерью — десятки превосходных куличиков: прочных, ровненьких, без единого изъяна. В то время как ребёнок с истероидным характером осилит едва ли несколько штук, и все они будут сомнительными с точки зрения качества. В подобной ситуации истероидному ребёнку остаётся либо признать безусловное превосходство соперника и впредь подчиняться его влиянию, либо... Совершенно верно! Принять торжествующую позу и сказать, в переводе на взрослый язык, что-нибудь вроде: «Лепить без остановки и без фантазии любой дурак может, а ты попробуй, как я — сделать пяток, но каждый — шедевр, лучше твоих всех!»

Закреплению этого свойства характера нередко способствуют старшие. Психологи и педагоги не без основания говорят о своеобразном явлении, благоприятствующем развитию истероидности как поведенческой тенденции — о воспитании по типу «кумира семьи». Что бы ни сделал ребёнок, каких бы результатов ни добился, каких бы ошибок ни совершил — его воспитатели (прежде всего — родители) оценивают его поведение безусловно положительно. Они выражают (и сообщают ребёнку) полную уверенность в его выдающихся способностях и бесспорных заслугах.

Таким образом в неустойчивую работоспособность, поверхностность обладателя истероидного радикала, в принципе не предполагающего достижения каких-либо серьёзных, осязаемых практических результатов, органично вплетается представление о собственной непогрешимости.

Но реальна ли эта самоуверенность? Насколько она прочна, устойчива в различных жизненных обстоятельствах? Не является ли она иллюзией, создаваемой обладателем истероидного радикала для себя самого и окружающих? — Вот важнейшие вопросы, требующие рассмотрения.

В самооценке человека можно выделить, с некоторой долей условности, две составляющих. Одна — это оценка масштабов и значения собственной личности (с этим у обладателей истероидного радикала, как мы знаем, всё в порядке). Другая — уверенность в своих силах, в способности решить предлагаемую задачу «здесь и теперь».

Поскольку вы внимательно следили за мыслью автора, коллеги, то легко догадались, что если первая из этих частей самооценки получает в рассматриваемом случае постоянное положительное подкрепление («кумир семьи») и с годами только развивается, то вторая, напротив, время от времени страдает от осознания объективно невысокой результативности.

Возникает конфликт самооценки. Обладатель истероидного радикала постоянно испытывает психический дискомфорт, воспринимая себя неординарной, богато одарённой личностью и одновременно переживая стыдную для высоко ценимого собой человека неуверенность, боязнь спасовать перед реальными трудностями. Единственным выходом из создавшегося неприятного положения для него становится поиск социального окружения, которое безоговорочно согласилось бы воспринимать его таким, каким он хочет казаться — ярким, значительным, успешным.

Иными словами, истероид¹ в течение всей жизни воспроизводит модель межличностных отношений, аналогичную той, семейной, модели, в которой он играл роль кумира. Не имея полноценной возможности справиться с реальностью, истероид создаёт иллюзию. Иллюзию благополучия и успеха. При этом всё, что противоречит этой иллюзии, удаляется (вытесняется) из его сознания. Все те, кто не желает верить в иллюзию, удаляются им из его социального окружения.

Таким образом, имеющийся в его распоряжении психический потенциал истероид употребляет не на производительный труд и упорное преодоление препятствий, а на создание и сохранение (в собственном психическом пространстве и в сознании окружающих) иллюзорного благополучия, что становится основной тенденцией его поведения.

Создается впечатление, что в нервной системе истероида вначале формируется некий рабочий коллектив нейронов (нервных клеток), нацеленный на решение поведенческой задачи. Однако при столкновении с трудностями или просто когда решение оказывается более долгим и утомительным, чем казалось, этот нейронный «коллектив» теряет интерес к процессу работы и пытается сразу обрести её результат... Как если бы войско двинулось на неприятеля, но, увидев, как силен враг и как много нужно еще сделать для победы над ним, побросало бы оружие, взяло в руки трубы, литавры и переносные походные арфы и вообразило себя военным оркестром, исполняющим победный марш... Поскольку в реальном мире подобные трюки, как правило, невозможны, — действие переносится в психическое пространство, где позволительно оперировать иллюзиями. Можно предположить, что для осу-

¹ Автор устал называть его «индивидом, обладающим ярко выраженным истероидным радикалом». Давайте условимся, коллеги, терминами «истероид», «шизоид» и т.п. здесь и далее обозначать людей, у которых в характере эти радикалы явно доминируют над остальными.

ществления такого способа адаптации слабость нервной системы должна сочетаться с достаточно высокой внутренней динамикой нервных процессов, обеспечивающей гибкую перестройку «войска» в «оркестр».

Внешний вид. Истероидный радикал никак не связан, по крайней мере, в представлении автора, с особенностями телосложения. Поэтому сразу перейдём к оформлению внешности.

Вы спросите: можно ли на групповой фотографии разглядеть человека, наделённого выраженным истероидным радикалом (т.е. истероида)? Ответу, коллеги: нельзя не разглядеть! Истероид, желая обратить на себя благожелательное внимание (а иначе ему не создать искомой — см. выше — модели отношений), принимает все меры к тому, чтобы не затеряться в толпе. Он хочет выделиться. Говоря языком гештальтпсихологии, он стремится предстать перед окружающими «фигурой» и ни в коем случае не слиться с «фоном»¹. В этой связи основной особенностью оформления внешности, свойственной истероидному радикалу, является яркость.

Яркость, насыщенность красок одежды, яркость косметики, обилие и яркость украшений, иных аксессуаров. Помните, как Пушкин в «Арапе Петра Великого» описывает процесс одевания щёголя Корсакова: *«Француз камердинер подал ему башмаки с красными каблуками, голубые бархатные штаны, розовый кафтан, шитый блёстками; в передней наскоро пудрили парик, его принесли, Корсаков... потребовал шпагу и перчатки, раз десять перевернулся перед зеркалом и объявил Ибрагиму, что он готов».*

Кто-то скажет: «Ну, это всего лишь дань тогдашней моде». Не впадайте в эту досадную ошибку, коллеги! Не торопитесь списать используемые человеком инструменты поведения на моду или иные внешние обстоя-

¹ Такой стиль поведения называется демонстративным, соответственно, второе название истероидного радикала — демонстративный.

тельства, от него не зависящие. И во времена Корсакова было немало людей, одевавшихся по-тревожному скромно, непритязательно, по-эпилептоидному функционально, опрятно и удобно, по-шизоидному бессистемно и т.д. (обо всём этом разговор впереди).

Социальные условия (и условности) всегда присутствуют и, разумеется, имеют значение. Но если они равны для всех, то именно благодаря своим внутренним особенностям человек охотно надевает одно и категорически отказывается от другого. Определяет, что ему больше подходит. Ведь любая мода предлагает не один, а множество вариантов. Истероид из двух платьев одинакового фасона предпочтёт то, у которого ярче расцветка. А блёстки... О! Блёстки просто сводят его с ума.

Украшения и аксессуары — вообще особая тема. Истероид мечтает об украшениях. Он может часами простаивать у витрин, в которых выставлены ювелирные изделия. Он убеждён, что с приобретением дорогого кольца, браслета (равно, впрочем, как и часов, костюма, шубы, авто) у него начнётся новая, счастливая жизнь. И если денег на бриллиантовое кольцо ему не хватит, то он всё же предпочтёт сэкономить на гамбургере, но купить себе новый брелок для ключей, шейный платочек или приметную заколку в волосы.

Яркость дополняется претензией на оригинальность. Именно претензией, а не истинной оригинальностью (которая — скажем, забегая вперёд, — является уделом шизоидов). Истероид, выбирая одежду и т.д., отдаёт безусловное предпочтение моделям, наиболее оригинальным из общепотребительных, общепризнанных. Он следует моде, но не творит моду.

Истероид по сути своей не творец, а подражатель, имитатор. Подумайте, а как же иначе? Ведь, решая задачу выделиться из общей «серой» массы, истероид делает лишь первый шаг к обретению своего внутреннего, психологического благополучия. Ему ещё только предстоит расположить к себе окружающих, заставить

их поверить в его необыкновенные способности, редкие душевные качества и т.д. А этого добиться невозможно, не оставаясь понятным и близким большинству. Излишняя оригинальность здесь может только помешать, оттолкнуть людей.

Продолжая тему имитаторства истероидов, отметим их удивительную способность к социальной мимикрии, что в области оформления внешности проявляется в склонности переодеваться в самые различные наряды, приобретать характерный внешний облик той социальной группы, в которую они в данный момент включены (или тешат себя иллюзией, что включены). И не просто переодеваться, но преображаться! Формально-поведенчески и, что самое интересное, внутренне тоже.

В такие минуты истероид не просто выглядит как типичный (даже наиболее яркий, узнаваемый) представитель этой группы, но и ощущает себя им. Сама личность его существенно трансформируется. Один и тот же человек, щедро наделённый истероидными качествами, одинаково легко и комфортно чувствует себя и во фраке на высочайшем приёме, и в телогрейке, сидя на деревенской завалинке, и в военном мундире, щеголевато прохаживаясь вдоль строя...

При этом, будучи одетым во фрак, он (специально не настраиваясь, не заставляя себя!) размышляет о благе Отечества, о преимуществах монархии перед демократией и об иных высоких материях; телогрейка настраивает его на домотканно-лирический лад. «Инда взопрели озимые, — думает он, лениво щурясь. — Раскупонилось красно солнышко, растолдыкнуло свои лучи по белу светушку...» Мундир заставляет его беспрестанно чертыхаться, врать напропалую о былых боях и походах, бранить в голос подчинённых, сквозь зубы — начальство и мечтать о прибавке к жалованью...

Чтобы так преображаться, знаете, кем надо быть? Правильно: никем. Чем более в реальном характере

выражена истероидная тенденция, тем больше личность напоминает некий конструктор, который легко разбирается и собирается вновь, но всякий раз — в совершенно иной конфигурации. Сколько-нибудь устойчивого ядра личности просто не существует, постоянно присутствует только одно — эгоцентризм. Личность становится изменчивой, как форма жидкости, зависящая исключительно от формы сосуда, в который её наливают. Для истероида таким сосудом становится социальное окружение.

Интересный пример. Очень известная (если не сказать — выдающаяся) певица на одном из своих концертов сказала, обращаясь к публике: «Не путайте меня с героинями моих песен. Я не такая, как они, — и добавила (внимание!): — *Я вообще не знаю, какая я*». Очень откровенная и психологически точная самооценка истероида¹!

Добавив эти штрихи к общей характеристике истероидного радикала, мы не уклонились в сторону, а попутно обосновали ещё одну важную особенность истероидной внешности — изменчивость. Никто так часто не меняет свой внешний вид (посредством причёски, макияжа, одежды и т.п.), как истероиды.

В некоторых случаях изменчивость приобретает характер контрастности. Истероид любит быть ярким. Но что делать, если вокруг много ярких, нарядных людей? Как выделиться на их фоне? Остаётся одно: прийти на праздник жизни в отчётливо затрапезном одеянии, убрать любые проявления радости из собственной внешности: волосы в пучок и под серый плат, румяна, помаду, серьги и бусы — долой, на ноги — боты «прощай молодость»... И вот оно — вожаемое внимание окружающих!

¹ Разумеется, одной истероидности для того, чтобы стать выдающимся артистом или вообще кем-либо, состоявшимся в жизни, мало. Для этого в реальном характере должна обязательно присутствовать паранойяльная тенденция. Но об этом позже.

Для истероида нет более драматичной ситуации, чем встреча где-нибудь в общественном месте с человеком, нарядившимся в точно такое же платье! Обострённо реагируют истероиды и в тех случаях, когда оказывается, что они — из-за каких-то нелепых случайностей — одеты неподобающим образом.

Помните, у Саши Чёрного: «Зачем же индивид удрал с концерта вспять? Забыл в рассеянности галстук повязать!»

К сказанному добавим, что любой человек, уделяющий внимание собственной внешности с целью произвести выигрышное впечатление на окружающих имеет в характере истероидный радикал. При этом его выраженность, «процентное содержание» относительно других радикалов определяется не в последнюю очередь тем, насколько человек внимателен к своей внешности, сколько времени, сил и средств он тратит на её оформление. Если забота о внешности является основным занятием индивида, ради которого он часто пренебрегает всеми остальными, то он — истероид.

В оформлении пространства (жилья, рабочего кабинета и т.д.) истероидный радикал проявляется практически теми же свойствами, что и в оформлении внешности. Яркостью, претензией на оригинальность, склонностью имитировать предметную субкультуру социальной группы, к которой он принадлежит (или, чаще, хотел бы принадлежать) в этот период его жизни, изменчивостью.

Свойством истероидности является также нескрываемый эгоцентризм. Собственные фотографии: соло, в окружении семьи и — на почётном месте — в обществе известных персон, дипломы, кубки, призы, именные значки и пр. убедительно свидетельствуют, что у хозяина этого интерьера самое любимое слово — «Я». Попадая в интерьер, созданный истероидом и принадлежащий ему, даже неискушённый наблюдатель сразу же и без труда получает максимум позитивной информации о личности его обитателя. Таким образом, ин-

терьер истероида персонифицирован и используется в интересах самопрезентации.

Истероиды обожают всевозможные безделушки, отдавая предпочтение ярким, экзотическим, редким экземплярам. Привычки истероида — тоже своего рода безделушки, имеющие привкус имитации реальной деятельности. Истероид нередко подражает коллекционерам, собирая подобие реальной коллекции. История, стоимость и иные качества собираемых вещей ему важны не сами по себе, а лишь постольку, поскольку они способны вызвать широкий социальный резонанс, сделать их обладателя центром всеобщего внимания. И здесь он стремится быть, с одной стороны, оригинальным, с другой — понятным подавляющему большинству потенциальных зрителей...

Любопытно, что если истероид курит, то, как правило, трубку или сигары. Это эффектно, элегантно, значительно и... На самом деле — не более чем имитация курения.

Многие из привычек истероида связаны с оформлением внешности, поэтому среди его вещей особое место занимают специально предназначенные для этого инструменты, украшения и т.д.

Ну и, разумеется, истероида легко узнать по яркости и разнообразию его гардероба. Постоянное его пополнение, приобретение всё новых и новых пар обуви, шляпок, перчаток, платьев, кофточек, галстуков и т.д. — главная привычка истероидов.

Наличие истероидного радикала обнаруживается также в характерных *мимике и жестикуляции*, отличительными особенностями которых являются манерность, театральность, претенциозность. Истероиды любят красивые, «выигрышные» позы, призванные свидетельствовать о «высоком происхождении», «элитном воспитании». Они принимают подобные позы во всех случаях, независимо от содержания и объективного значения происходящего (кроме тех, когда они по той или иной причине подражают шизоидам, о которых

мы поговорим позже). Выражение их лиц часто приобретает характер произвольно надеваемых мимических масок, формально соответствующих роли (имитируемому психологическому состоянию), которую истероиды в данный момент играют, — маска высокомерия, маска недоумения, маска гнева, маска дружелюбия, маска сочувствия, маска приветливости... Именно формально, поскольку при этом довольно отчётливо чувствуется их неискренность, деланность, наличие в них признаков наигрывания, имитации реальных переживаний.

Эти характерные для истероидов феномены гениальными штрихами обозначает Толстой, описывая, в частности, поведение Бориса Друбецкого — персонажа великого романа «Война и мир»:

«Мундир, шпоры, галстук, причёска Бориса — всё это было самое модное и comme il faut... Он сидел немножко боком на кресле подле графини, поправляя правой рукой чистейшую, облитую перчатку на левой, говорил с особенным, утончённым поджатием губ об увеселениях высшего петербургского света и с короткой насмешливостью вспоминал о прежних московских временах и московских знакомых. Но нечаянно... Он упомянул, называя высшую аристократию, о бале посланника, на котором он был, о приглашениях к N.N. и к S.S.».

На этом обсуждение особенностей внешнего вида, обусловленных наличием в характере истероидного радикала, позвольте завершить. Надеюсь, они определены достаточно ясно и могут теперь служить для вас, уважаемые коллеги, опознавательными (психодиагностически значимыми) признаками истероидности, т.е. поведенческой тенденции, проистекающей из данного радикала.

Качества поведения. Что за характер скрывается за яркой истероидной внешностью? Прежде всего следует отметить удивительную способность истероидов производить на людей наиболее выигрышное впечатление

с первых же минут знакомства. Подчеркнём: наиболее выигрышное. То есть с самого начала они выставляют напоказ лучшее, что в них есть, поворачиваются к окружающим «фасадом». В дальнейшем впечатление от них идёт на убыль.

Они много обещают, охотно и широко декларируют масштабные намерения, убеждают — на словах — в наличии у всех присутствующих и прежде всего — у них самих больших возможностей и т.п., словом, активно создают иллюзию всеобщего благополучия и гарантированного успеха. На это в основном и уходят их силы. Дальше их поведенческий сценарий просто не прописан.

«Сейчас отсюда вылетит птичка!» — говорят они, завладевая вниманием окружающих. При этом в их собственном психическом пространстве рождается маленькая иллюзия, что птичка всё-таки вылетит. Для них такой поворот событий вроде бы даже не исключён, хотя рассудком они понимают, что птички нет, и взяться ей неоткуда. Иллюзия длится до тех пор, пока истероид и его зрители готовы, хотя в неё верить. Затем какой-нибудь юный эпилептоид-правдоруб, устав от ожидания, занудливо спрашивает: «А где же птичка? — и злобно констатирует: — А птички-то никакой и нет. Обманули!» Иллюзия рушится, зрители расходятся. Истероид принимается — нет, не за разведение птичек, а за создание новых иллюзий и поиск новых зрителей.

Социальная гибкость, т.е. широкая приспособляемость к разнообразным социальным условиям, группам людей, видам деятельности — также важное свойство истероидов. Они гибки, потому что поверхностны.

Попробуйте-ка быть гибким, будучи твёрдо убеждённым в чём-либо, имея собственные устойчивые принципы, правила, взгляды, добиваясь желаемого конкретного результата, — не получится: придётся сталкиваться с противоположным мнением, бороться, негодовать, защищаться, дистанцироваться от оппонентов и злопыхателей... Нельзя быть гибким, занимаясь реальным

делом. Легко меняться, подстраиваясь под социальное окружение, можно только за счёт замены одной иллюзии на другую. Так происходит с истероидом. Главное для него — при любом раскладе сохранить благожелательное внимание к своей персоне. Только вниманием он по-настоящему дорожит.

Наличие истероидного радикала определяет и способность к ролевому поведению. Увлечите истероида новой, желательно необычной, неординарной, ролью — и вскоре вы его не узнаете. Он, как будет вам казаться, полностью, кардинально изменится¹.

Истероидный радикал (особенно в сочетании с гипертимным) наделяет человека склонностью к экспромту. Отсутствие заранее определённого алгоритма поведения, пробелы в информации об условиях, в которых ему предстоит проявить себя, истероида не смущают. Напротив, он вдохновляется возможностью заменить скучноватую реальность гораздо более яркой иллюзией. Кроме того, в основе экспромта — артистизм, талант гибко приспосабливаться к любым обстоятельствам за счёт быстрого выбора и убедительного исполнения подходящей к случаю роли.

Вот какова она — истероидность. Она (и только она!) делает человека заметным, гибким, артистичным. Согласитесь, не самые плохие качества для этой жизни. Уже не говоря о способности творить иллюзию. Иллюзия правит миром, господа! В девяноста девяти случаях из ста мы охотнее выберем иллюзию, чем правду, причём, как правило, именно иллюзию благополучия. Не верите? Давайте проверим.

Ответьте, только честно: вам удобнее думать, что вы живёте в уютном, чистом, безопасном доме, или что подвал вашего жилища кишит крысами, у мусоропровода постоянно питается и ночует бомж с открытой

¹ Разумеется, на самом деле он не приобретёт сколько-нибудь устойчивых качеств «новой» личности. Но имитация будет впечатляющей (хотя и непродолжительной)!

формой туберкулёза, которого время от времени теснят, претендуя на его территорию, отмороженные наркоманы?

Что профессия, которой вы посвятили всю свою жизнь, по-настоящему востребована обществом, исполнена смысла и пользы, или что вы большую часть рабочего времени (годы напролёт!) толчёте воду в ступе?

Что вы женаты на доброй и чуткой женщине, подруге ваших суровых дней, которая денно и ночью заботится о вас или...?

Впрочем, чувствую, заносит — проклятая эпилептичность!

Мир так устроен, уважаемые коллеги, что с приобретением любого позитивного свойства одновременно приобретается и его негативное «второе я». Это частное проявление диалектики.

В отношении истероидного радикала мы обязаны сказать, что оборотной стороной сопряжённой с ним социальной гибкости является беспринципность. Умение и желание истероида производить яркое впечатление на новых людей превращаются в склонность время от времени менять круг друзей, переходить из одного коллектива в другой и т.п. Талант актёра, имитатора, «иллюзиониста» ведёт к отказу от реальной деятельности в пользу иллюзии, имитации результата. Экспромт оборачивается т.н. «псевдологией» — вдохновенным враньём, посвящённым своим или — реже — чужим успехам¹.

Говорят, истероиды хорошо чувствуют людей, их настроение, умеют под него подстраиваться. Это не совсем так. Истероидам, с их сугубым эгоизмом, эгоцентризмом, люди важны только как публика, внима-

¹ В отличие от обычного, рядового вранья, истероидная псевдология возникает не из корысти или коварства, а на высоте возбуждения, когда желание создать иллюзию столь сильно, что истероид искренне верит собственному вымыслу.

ющая и хлопающая в ладоши. Они никого не настроены понимать, никому не сочувствуют, они умеют лишь имитировать психологическое состояние собеседника по типу «зеркального отражения», не более. Впрочем, иногда и этому бываешь рад.

Задачи. В предыдущей главе мы условились о том, что в разделе «Задачи» будут нами обсуждаться те виды деятельности, которыми обладатель изучаемого радикала способен заниматься с минимальным психическим напряжением, те результаты, на достижение которых он нацелен независимо от внешней (в т.ч. материальной) стимуляции.

Да, коллеги, вы не ослышались. Характер рождает наиболее мощную (перед которой бледнеет даже столь ценное нынче денежное вознаграждение) мотивацию к определённом виду деятельности.

Истероид всегда и везде, в чём бы ни заключались его должностные обязанности, по какому бы «департаменту» он ни числился, занимается почти исключительно самопрезентацией.

Никогда глубоко не проникая в содержание деятельности, он искренне убеждён, что может справиться с любым заданием, было бы желание. Однако дальше его присутствия во всевозможных президиумах, масштабного публичного прожектёрства, обещаний всеобщего непременного процветания, клятв «лечь на рельсы» в случае неуспеха, эффектного позирования перед зрителями и слушателями и т.п. дело не идёт.

Мы с вами должны знать, что истероид: **а)** любому своему занятию (даже если его принудили составлять бухгалтерскую отчётность или чистить отхожее место) постарается обеспечить максимум общественного внимания; **б)** при столкновении с первыми реальными трудностями резко начнёт терять к работе интерес и, в конце концов, бросит её недоделанной; **в)** на требование дать отчёт о полученных результатах мгновенно, экспромтом нарисует панораму многочисленных ожи-

даемых и неожиданных успехов (почти сплошь иллюзорных). И так будет всегда. Хотите — поощряйте его за это материально, хотите — лишайте сладкого.

Поэтому, если вы намерены использовать качества истероида с пользой для коллектива, ставьте перед ним задачи презентации (товаров, услуг, идей, новых проектов) и (дай бог, чтобы нас никто не услышал, особенно моралисты-эпилептоиды и работяги-паранойялы!) отчётности.

В первом случае он будет максимально выигрышным способом представлять широкой общественности свой коллектив и созданный им продукт (на самом деле, разумеется, самого себя как лучшую часть такого замечательного, работоспособного, талантливого, et cetera, коллектива). Во втором — будет изо всех сил стараться не потерять лицо. И у него получится. Более того, если уж у него это не получится, то...

При этом ни проверять его, ни как-то особо стимулировать, ни подсказывать ему не надо. Надо лишь вовремя его остановить. Иначе, поощрённый вниманием, он докатится до псевдологии или, чего доброго, до задачи всем присутствующим известной ему информации, не подлежащей разглашению, — есть у истероида такой грех. Словом, выпуская его на сцену (в широком смысле), надо придерживать его за фалды, чтобы в нужный момент утащить за кулисы.

Автор сказал: «Ставьте перед ним задачи». Надеюсь, вы понимаете, что вне зависимости от того, ставите вы перед ним эти задачи или не ставите, истероид будет решать именно их.

Категорически нельзя (или просто глупо) мучить истероида работой рутинной, однообразной, требующей сосредоточенности на деталях, последовательности и настойчивости, тем более, если по окончании её не ожидается мощного социального резонанса. Оскорблённый, он либо сразу уйдёт от вас, либо начнёт искать выход из психотравмирующей ситуации, погружаясь то в одну, то в другую объективно лёгкую,

но «долгоиграющую» болезнь (его начнут одолевать бесконечные «простуды», «дистонии», «несварения желудка», «растяжения связок»). Он станет защищаться от вашего произвола больничными листами и справками об освобождении от работы. Как минимум, он возьмёт в привычку регулярно опаздывать на службу.

Да, вы можете вступить с ним в войну, но качество и результативность работы от этого не повысятся. Более того, возникший конфликт взбудоражит общественное мнение, а уж общественным мнением манипулировать истероид умеет, поверьте, получше нашего с вами.

Так что, коллеги, лучшего способа управлять людьми, чем сотрудничать с ними, ставить перед ними не просто выполнимые, а наиболее для них лёгкие и потому приятные задачи, не существует.

Только так и можно обеспечить искомую профессиональную надёжность человека — стабильную результативность независимо от внешних условий. Ведь даже «ненадёжный» истероид в одном абсолютно надёжен — в желании нравиться, привлекать внимание, играть роль за ролью... Сделайте это его профессией — и вы не узнаете горя.

Оглянитесь вокруг — и вы увидите, что профессиональная успешность истероидов (нередко — довольно значительная!) связана с теми областями деятельности, которые предполагают создание иллюзии: актёрство, писательство, журналистика, отчасти — политика, отчасти — наука, особенно в некоторых её отраслях, модные нынче связи с общественностью, реклама и т.д., и т.п.

Да, разумеется, актёр трудится (не за счёт истероидности, а за счёт присущего индивиду паранойяльного радикала) в поте лица. Но, согласитесь, сыграть роль и построить, скажем, пролёт моста через реку — не одно и то же. Роль — иллюзия, мост — реальность. Кто не верит — пусть попробует перебраться на другой берег силой воображения!

Особенности построения коммуникации. Если вы хотите сразу понравиться истероиду, сделайте так, чтобы он почувствовал себя «фигурой» на вашем «фоне». Осыпьте его комплиментами, иными знаками вашего расположения и доброжелательного внимания. Не бойтесь переборщить: истероид, пусть даже умный, развитый, выдавший виды, конечно, заметит, но непременно простит вам подобный разгул воображения. Он будет про себя думать: «Ну, брат, ты хватил. Через край, понимаешь. Хотя...» И в его душе разольётся теплота, возникнет ответная волна дружелюбия.

Помните, что для истероида лучший подарок — публичное признание его заслуг. Он более всего ценит моральные поощрения. Хотите его отблагодарить, отметить в лучшую сторону — вручите ему грамоту, повесьте медаль. При всех, под громкие аплодисменты. Не пытайтесь в тёмном углу, сопя, молча совать ему в карман мятые купюры «в знак искренней и сердечной благодарности» — смажете картину.

Не упускайте возможности поздравить истероида с праздниками, с днём его (!) рождения. Вовсе не обязательно при этом дорогие подарки (знайте: истероид не станет, подобно эпилептоиду, пытаться выяснить цену подаренной вещицы). Покажитесь ему на глаза, скажите несколько тёплых слов. Этого будет достаточно, чтобы упрочить ваше взаиморасположение. Девиз истероида: «Внимания много не бывает!»

Если же вам приспичило совершить в отношении истероида *грубую коммуникативную ошибку*, наоборот, начните конкурировать с ним за место «фигуры», всеми силами оттесняйте его в «фон», тяните одеяло внимания на себя — он тут же преисполнится к вам неависти. С чем вас в этом случае и поздравляю.

Надеюсь, коллеги, вы правильно — в гуманистическом смысле — понимаете цель изучения разделов, связанных с управлением поведением. Управлять поведением можно и должно, но не за счёт пошлых, к тому же малоэффективных попыток «зомбирования», «про-

граммирования», а посредством приведения в гармоничное соответствие психологических возможностей человека, с одной стороны, и среды его обитания, деятельности — с другой.

Возможно, кто-то из вас решит, что сознательно подстраиваться под постороннего (да и близкого) человека, расчётливо подыгрывать ему, в надежде улучшить взаимоотношения — излишне, не вполне честно. Возможно, — отвечу резко, — этот кто-то ошибся дверью. Ему не психологию надо изучать, а кирпичи в печке обжигать... Обиделись? Правильно, что обиделись. Простите автора за этот маленький эксперимент: автору лишь хотелось показать, что хамство, грубость, в которые вдруг превращается наше желание быть прямым, откровенным, резать правду-матку, невзирая на лица, — не лучший способ завязывать и укреплять отношения.

Не хочется заканчивать разговор на этой агрессивно-нравоучительной ноте. Поэтому предлагаю, на десерт, несколько вопросов и заданий:

Вопросы и задания:

1. Отыщите в тексте главы указания на источники происхождения истероидного радикала, а также на определяемые этим радикалом особенности внешнего вида и качества поведения человека. Постарайтесь их как следует осмыслить и запомнить.

2. Как вы думаете, как поступит истероид, в кошельке которого денег хватает либо на бутерброд с колбасой, либо на новую заколку для волос? На что он потратит последние деньги?

3. Выбирая себе, например, щенка, какими критериями будет руководствоваться истероид? Что для него важнее всего (кстати, не только в собаках, но и в людях, в т.ч. близких)?

4. В тексте приведены примеры проявления истероидности у героев произведений А.С. Пушкина (Корсаков, «Арап Петра Великого») и Л.Н. Толстого (Борис Друбецкой, «Война и мир»). Прильните, как говорится, к источнику, и попробуйте отыскать в других поступках указанных литературных героев качества, проявления, результаты истероидного поведения.

5. Стефан Цвейг, если мне не изменяет память, высказался в том духе, что, дескать, лучшие психологи, истинные знатоки человеческой природы — писатели (а те, кто величают себя психологами — лишь жалкие пигмеи, пустобрёхи и путаники, ни черта не смыслящие в людях). Что ж, как говорил Иван Сусанин в известном анекдоте: «Пробабли, пробабли...» В любом случае с первой частью этого высказывания глупо не соглашаться. Поэтому, коллеги, прошу вас провести ваш первый самостоятельный психодиагностический опыт именно на примере из классической русской литературы. Итак, Лермонтов, «Герой нашего времени»:

«Грушницкий — юнкер. Он только год в службе, носит, по особому роду франтовства, толстую солдатскую шинель... Он закидывает голову назад, когда говорит, и поминутно крутит усы левой рукой, ибо правую опирается на костыль. Говорит он скоро и вычурно: он из тех людей, которые на все случаи жизни имеют готовые пышные фразы, которых просто прекрасное не трогает и которые важно драпируются в необыкновенные чувства, возвышенные страсти и исключительные страдания. Производить эффект — их наслаждение... Грушницкого страсть была декламировать: он закидывал вас словами, как скоро разговор выходил из круга обыкновенных понятий; спорить с ним я никогда не мог. Он не отвечает на ваши возражения, он вас не слушает... он начинает длинную тираду, по-видимому имеющую какую-то связь с тем, что вы сказали, но которая в самом деле есть только продолжение его собственной речи... Он

не знает людей и их слабых струн, потому что занимался целую жизнь одним собою. Его цель — сделаться героем романа. Он так часто старался уверить других в том, что он существо, не созданное для мира, обречённое каким-то тайным страданиям, что он сам почти в этом уверился. Оттого-то он так гордо носит свою толстую солдатскую шинель... Грушницкий слывёт отличным храбрецом; я его видел в деле: он махает шашкой, кричит и бросается вперёд, зажимая глаза. Это что-то не русская храбрость!.. Приезд его на Кавказ... Я уверен, что накануне отъезда из отцовской деревни он говорил с мрачным видом какой-нибудь хорошенькой соседке, что он едет не так, просто, служить, но что ищет смерти, потому что... тут он, верно, закрыл глаза рукою и продолжал так: «Нет, вы... этого не должны знать! Ваша чистая душа содрогнётся! Да и к чему? Что я для вас? Поймёте ли вы меня?..» и так далее. Он мне сам говорил, что причина, побудившая его вступить в К. полк, останется вечною тайной между им и небесами».

Ну те-с, и какой же радикал преобладает в характере г-на Грушницкого? (Подсказываю: «Исте...» Дальше — сами.)

6. В романе А. Н. Толстого «Хождение по мукам» отыщите и выпишите в конспект проявления истероидной тенденции в характерах сестёр Булавиных — Екатерины Дмитриевны и Дарьи Дмитриевны (по три-четыре примера).

7. Попробуйте применить полученные знания на практике (только, ради бога, будьте осторожны и деликатны!).

ГЛАВА 3. Эпилептоидный радикал

Общая характеристика. В основе эпилептоидного радикала лежит нервная система, ослабленная т.н. органическими изменениями.

Как известно, главной действующей единицей нервной системы является нервная клетка — нейрон. Это самая сложно устроенная живая клетка. Её внутренняя структура настолько дифференцирована, тонка, оригинальна, что её невозможно воспроизвести при простом делении. Поэтому нейроны не размножаются, в отличие от всех прочих клеток организма. Нейроны очень чувствительны к внешним воздействиям, особенно к недостатку питания — кислорода, глюкозы. В неблагоприятных условиях¹ нейроны существенно изменяются, и, как вы догадываетесь, не в лучшую сторону. Они повреждаются (если не погибают!) и восстановлению в прежнем виде не подлежат. Эти неприятности и есть, на языке физиологии, органические (т.е. необратимые) изменения.

Кору головного мозга человека образуют, по одним подсчётам — 9, по другим — 14 миллиардов нейронов. Всех, как говорится, «не задушишь, не убьёшь». Органический процесс в интересующем нас случае, не доходя до уровня заболевания (т.е. оставляя мозг во вполне работоспособном состоянии), тем не менее, делает своё чёрное дело, ухудшая прежде всего скорость обработки информации.

Представьте себе, что в вашем персональном компьютере процессор, скажем, Pentium-4, заменён на 386-й. Представили? Нечто подобное происходит и с пострадавшими нейронами. Они начинают значительно медленнее, чем их неповреждённые собратья,

¹ А такие условия создаются, например, при воздействии на формирующийся плод через организм матери инфекций, интоксикаций — в т.ч. алкоголя, наркотиков; при психических и физических травмах матери и / или ребёнка — до, во время и сразу после рождения и т.д.

решать возложенные на них информационные задачи. Снижаются не только быстродействие, но и максимальные объёмы оперативной и долговременной памяти. И в сложных нейронных ансамблях, обеспечивающих нашу с вами психическую деятельность — мышление, эмоции, речь и т.д., — появляется слабое звено.

Вы прекрасно знаете, коллеги, как развиваются события, когда, скажем, какое-то подразделение фирмы плохо справляется со своими обязанностями, работает с перегрузкой и к тому же медленно. Мало того, что страдает эффективность производства, но и психологический климат в коллективе резко ухудшается: ширятся и растут взаимные претензии, недоверие, раздражение, накапливается агрессия. Этот пример в контексте обсуждения внутренних условий эпилептоидного радикала не случаен. Похожая модель складывается и в нервной системе, прежде всего — в головном мозге, эпилептоида.

В грубом приближении к действительности (попробуем нарисовать некий образ!) происходит следующее. В подпорченных органическими изменениями участках коры (и в т.н. подкорковых структурах) головного мозга накапливается, застаивается возбуждение. Так в узких местах дороги скапливаются автомобили, образуя пробки. Так на столе у нерадивого, неумелого, медлительного клерка собирается ворох всевозможных бумаг.

Возбуждение растёт, захватывает соседние участки мозга и, не находя адекватного выхода (не получая разрядки посредством мышечного или интеллектуального действия), перерастает в раздражение. В свою очередь, раздражение, достигая своего пика, прорывает заслон самоконтроля, резко вырывается наружу, проявляясь на поведенческом уровне вспышкой агрессии (физической и / или словесной).

Отметим, что эта последовательность состояний — застой возбуждения — раздражение — агрессия — не зависит от воли, желания человека, наделённого эпилептоидным радикалом. Она практически не зависит

и от каких-то единичных внешних обстоятельств, поскольку predeterminedена описанными выше особенностями нервной системы, т.е. «внутренними условиями». Внешние сигналы играют в этих случаях роль повода, а люди, от которых они исходят, — мишени, подвернувшейся под руку стрелку, у которого палец уже давно напряжённо впивается в спусковой крючок.

Немотивированные «вспышки» агрессии, управлять которыми эпилептоид не властен, чем-то напоминают столь же немотивированные приступы мышечных судорог у больных эпилепсией. Отсюда — и сходство в названиях.

Но не одними вспышками жив эпилептоид. Постоянно присутствующее в его нервной системе напряжение (из-за информационных перегрузок оно присутствует почти всё время, кроме периодов, непосредственно следующих за «вспышкой», — тогда эпилептоид погружается в полную апатию, безразличие — хоть танцуй у него на голове) рождает чувство тревоги. Тревога — это переживание надвигающейся опасности¹.

Следует сказать, что, выдержав испытание естественным отбором, в качестве эффективных механизмов выживания эволюционно закрепились три основные формы реакции животного на опасность: бегство, т.н. мнимая смерть и агрессия.

Как известно, ничто звериное человеку не чуждо. Перечисленные реакции нашли отражение в нашем поведении в экстремальных ситуациях, да и в повседневном поведении тоже. Вспомните истероидный радикал. Разве присущий ему уход от неприятных, психотравмирующих переживаний в мир иллюзорного благополучия — это не символика бегства? Да что там символика! Истероидам в самом прямом смысле свойственно убегать от опасности, из ситуации, в которой

¹ Чего боится эпилептоид? Ничего конкретно. Просто тревога — неизменная спутница слабости, а его нервная система ослаблена.

они (даже они!) не видят возможности сохранить хотя бы внешнее достоинство. Эта их особенность получила соответствующее название — «фугиформная реакция» (от латинского *fuga* — скачка, быстрый бег, бегство).

В качестве примера фугиформной реакции вот вам, коллеги, реальный случай.

Сотрудники одной небольшой компании готовились к празднику 8 Марта. Мужская часть коллектива, как всегда, была преисполнена энтузиазма, и каждый хотел отличиться. Один из сотрудников — назовём его в нашем рассказе Пётр — вызвался купить традиционно полагающееся к столу спиртное непосредственно на заводе-производителе — и гарантия качества, и дешевле, чем в магазине (бюджет коллективных праздников, как правило, ограничен). Все знали, что Пётр любит больше говорить, чем делать, но в данном случае он выполнил обещание, и разнообразные водки, ликёры, настойки и т.д. заняли своё место на праздничном столе. Праздник стартовал, Пётр, как и положено яркому истероиду, был в ударе: шутил, пил по-гусарски с локтя, тут и там срывал аплодисменты дам... Когда отшумела первая волна поздравлений и возникла короткая пауза, слово взял некий господин шизоидного склада. Его тост был образцом шизоидного выступления-экспромта (познакомившись с этим радикалом, мы поймём, почему шизоиды сплошь и рядом бестактны, и почему они никак не могут подобрать слова для выражения собственных мыслей в их точном значении). Он сказал: «А теперь давайте выпьем за Петра, который проявил чудеса предприимчивости и накупил для нас... Дешёвой водки!» Присутствующие, особенно их прекрасная половина, слегка поморщились. Пётр воспринял это неудовольствие на свой счёт (истероиды всё, что бы вокруг них ни происходило, воспринимают на свой счёт: они уверены, что весь мир только о них и думает, и говорит). Он побледнел, сжал зубы, потом вдруг вскочил и кинулся вон из помещения, где проходил банкет. Больше в тот вечер

на празднике он не появился... Вот такая фугиформная реакция. Продолжим, однако, изучение вариантов реагирования на тревогу.

Мнимая смерть у животных выражается в полном обездвижении, резком замедлении дыхания, сердечных сокращений. От страха они впадают в транс. Картину довершают их обильные пахучие выделения, заставляющие врага-хищника воспринимать такую жертву, как падаль. И, поскольку не все плотоядные питаются падалью, у животного, наделённого данной формой реагирования, появляется шанс выжить... Во многом подобную стилистику приобретает поведение человека, в характере которого доминирует тревожный радикал (подробнее о нём — позже). При виде, а нередко уже в предчувствии появления потенциально опасного объекта тревожного человека охватывает скованность, он теряет кураж, замолкает, старается стать «тише воды, ниже травы».

Третий вариант — агрессия, стремление подавить врага, напасть на него первым, лишить его способности сопротивляться, подчинить себе и, таким образом, взять под контроль ситуацию. Агрессия является основной эпилептоидной тенденцией в поведении.

Легко себе представить, коллеги, какого рода поведенческая установка, какой взгляд на мир, на окружающих людей формируется у эпилептоида, постоянным фоном настроения которого становятся тревога, раздражение, злоба, агрессия. Да, верно, эпилептоид — мизантроп, человеконенавистник. Чувство глубокой неприязни к людям пропитывает всю его жизненную философию, предопределяет выбор профессии и т.д. Поверьте, автор не преувеличивает.

Случилось как-то автору познакомиться с человеком, который ещё во времена так называемой холодной войны работал над изготовлением бактериологического оружия — страшного способа массового уничтожения людей. Изначально у этого человека было медицинское образование, и автор не удержался —

спросил: «Как же вы, врач, которого со студенческой скамьи учили спасать жизнь людям, пришли к противоположному. Вы получали удовлетворение от этой, с позволения сказать, профессии?» Этот господин, абсолютно не обидевшись на жёсткий вопрос, напротив, с жаром стал объяснять: «Да вы просто не представляете себе, какое это экологически чистое оружие! Оно убивает только людей, никого больше. Атака закончится, останки людей естественным образом растворятся в природной среде, вместе с ними без следа растворятся и бактерии — теперь абсолютно безопасные...» Да, чудная картина: травка зеленеет, солнышко блестит... И людей нет. Мечта эпилептоида!

Но не спешите записывать эпилептоидный радикал в социально опасные. Жизнь так устроена, что объективно полезные и для общества, и для конкретного человека поступки часто совершаются отнюдь не из любви к ближнему, а благие намерения ведут... Сами знаете куда.

Обобщая, можно изобразить следующую схему поведения, производную от эпилептоидного радикала.

Из-за слабой, малоподвижной (т.е. относительно медленно переключающейся с одной задачи на другую) нервной системы эпилептоид не справляется с быстрыми и объёмными информационными потоками. Информационные перегрузки и вызываемый ими стресс заставляют его страдать психологически и даже физически: эпилептоид постоянно чувствует тревогу, поскольку окружающие его информационные потоки воспринимаются им как хаотичные, неуправляемые. Он как будто погружён в иноязычное окружение — все вокруг говорят о чём-то, жестикулируют, а понять и управлять этим невозможно! Он постоянно пребывает в положении упоминавшегося выше клерка, заваленного служебными бумагами, с которыми у него уже нет сил разобраться, а они всё поступают и поступают... Он обречён на муки, если только не... А что, собственно, должен и может сделать обладатель эпилептоидного ради-

кала, чтобы повернуть свою адаптацию в нормальное, как у других людей, русло?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно понять, что собой представляют те самые пресловутые информационные потоки, от хаотичного броуновского движения которых страдает эпилептоид. Информационные потоки — это главным образом предметы и люди. Следовательно, чтобы избавиться от головной боли (в её прямом и переносном смысле), эпилептоиду необходимо взять под контроль, «выстроить», упорядочить людей и предметы в окружающем его жизненном пространстве. Что и становится стержнем социальной адаптации по эпилептоидному типу.

Клерку, чтобы прекратить беспрерывный поток документов, в котором он уже практически захлебнулся, надо повесить на свою дверь строгую табличку: «Приём корреспонденции по понедельникам и пятницам, с... по...» — и агрессивно рычать на каждого, кто осмелится нарушить это указание. Так, в общем, и поступает эпилептоид.

Внешний вид. Если истероидный радикал, как мы узнали из предыдущей главы, не накладывает отпечатка на телосложение его обладателя, то в случае с эпилептоидным радикалом дело обстоит иначе: *телосложение* имеет значение.

Известно, что и нервная система, и костно-мышечно-связочный аппарат человека изначально развиваются из одного и того же т.н. зародышевого листка — относительно автономного скопления клеток зародыша. Так что, когда этот общий для них зародышевый листок подвергается неблагоприятному воздействию, проблемы возникают впоследствии как в мозге, так и в опорно-двигательном аппарате. Хотя проблемы в отношении здорового человека — слишком громко сказано.

Эпилептоидам свойственно телосложение, которое знаменитый немецкий психиатр Кречмер назвал атлетико-диспластическим. Это относительно большая

мышечная масса, крепкий костяк, массивный торс, короткая шея — словом, «неладно скроен, но крепко шит». При взгляде на эпилептоида понимаешь, что этот человек физически довольно силен, но несколько непропорционален — уважение невольно возникает, но лепить с него Аполлона или Афродиту в голову не приходит¹. Телосложение эпилептоидов-женщин, как вы, наверное, догадались, напоминает мужское: крутые плечи, относительно узкие бёдра, мышцы, наводящие на мысль о нежелательности незапланированных встреч в узкой, тёмной подворотне...

Правомерен вопрос: всегда ли эпилептоидный радикал сопряжён с описанным выше типом телосложения? Ответ: не всегда, но как правило. Скажем так: если у человека есть признаки атлетико-диспластического телосложения, то в его характере обязательно присутствуют качества эпилептоидного радикала. Но если указанных физических признаков не наблюдается, это ещё не означает, что человек не может быть эпилептоидом. Атлетико-диспластик — всегда эпилептоид, эпилептоид — не всегда атлетико-диспластик. Данное положение относится и к другим психодиагностически значимым типам телосложения, о которых мы ещё будем говорить.

Разговор об *оформлении внешности* начнём с присущей эпилептоидному радикалу *функциональности*. Это характерное свойство эпилептоидов, в котором выражается их неистребимое стремление к порядку, везде и во всём. Одежда — считают они — должна обязательно соответствовать ситуации, в которой находится и действует человек. Для работы существует рабочая одежда, для праздника (к слову, эпилептоид — редкий участник увеселений) — праздничная. Эпилептоиды терпеть не могут людей, которые не разделяют этой

¹ По наблюдениям автора, развитая от природы мускулатура, пропорционально она распределена по телу или не очень, практически всегда указывает на наличие в характере эпилептоидного радикала.

точки зрения и приходят, например, на субботник по благоустройству территории в парадном костюме (так ведут себя, как вы понимаете, наши друзья-истероиды). «Явился — не запылился! Не мусор убирать пришёл, а покрасоваться», — с нескрываемым раздражением говорят про таких эпилептоиды.

В свою очередь, рабочая одежда классифицируется ими по видам деятельности: для офиса, для производства, для уборки помещений, для сада-огорода и т.д., и т.п. По этому принципу формируется эпилептоидный гардероб. Иными словами, эпилептоид не столько одевается, сколько подбирает подходящую экипировку.

Эпилептоидам чужды украшения, прочие аксессуары. Они предпочитают одежду укороченную, простого, незамысловатого кроя, без излишеств, без претензии на оригинальность. Их любимые стили — рабочий и спортивный¹. Эстеты — обладатели эмотивного радикала — считают вкус эпилептоидов грубым, а их представление о красоте — примитивным.

Женщины-эпилептоиды охотно носят одежду мужского типа, и она на них неплохо смотрится.

Кинематографисты хорошо уловили вышеуказанные особенности эпилептоидов, поэтому во многих фильмах-ужастиках главные герои — серийные убийцы, маньяки — предстают перед зрителями кто в опрятной спецовке, кто в чистом, без единого пятнышка, комбинезоне садовника (он же — газонокосильщик), кто в отутюженном медицинском халате, кто в короткой спортивной куртке и джинсах...

Опрятный, чистый, отутюженный — эти определения, коллеги, также из поведенческого арсенала эпилептоидов. В оформлении внешности этот радикал, по-

¹ Крайне важный психодиагностический признак! Как бы ни был по-истероидному расфуфырен объект нашего психологического исследования, мы теперь будем знать, что козь скоро в его дорогой, нарядной одежде преобладает спортивная стилистика — значит, в его характере присутствует и эпилептоидный радикал.

мимо функциональности, проявляется аккуратностью и чистоплотностью.

Одежда эпилептоида всегда в полном порядке. Он не допустит прорех, оторванных пуговиц, пятен. Если прореха всё же образовалась (а у бережливого эпилептоида, экономящего на новом платье и белье, это время от времени случается) — она тут же будет аккуратно, незаметно для постороннего глаза заштопана. Если пуговица, не дай бог, оторвалась — она будет незамедлительно пришита на место, и не первыми попавшими под руку, а подходящими нитками. Если появилось пятно... О! Это тема для отдельного разговора.

Эпилептоиды стирают одежду с энергией и азартом енота-полоскуна. Именно эпилептоидов (и, на самом деле, никого другого) интересуют различные марки стиральных порошков, других моющих средств, их сравнительные возможности.

Одно время по телевидению крутили рекламный ролик: встречаются две подруги, и у одной из них пятнышко на манжете блузки замаскировано большими круглыми наручными часами. Большие яркие часы указывают на истероидность, не правда ли? Но одной истероидностью подобное странноватое поведение не объяснишь. «У меня под часами пятно. Я так его прячу», — смущённо заявляет девушка (и это выдаёт наличие в её характере шизоидного радикала, с которым мы вскоре познакомимся).

«Почему бы тебе его не отстирать? — недоумевает её подруга (девушка явно эпилептоидного склада), — ведь есть же отличный порошок».

Сердце радуется, что в этой — пусть придуманной, рекламной — ситуации шизоид, которому в голову обычно не приходят простые, очевидные для всех решения, попал в надёжные руки рационалиста-эпилептоида.

В завершение знакомства с эпилептоидными признаками оформления внешности отметим, что обладатели этого радикала постоянно рвутся стричь всё

и вся — волосы, ногти, траву, вековые деревья, выстригая (если их вовремя не остановить) до кожи, до голой земли. Поэтому характерными для эпилептоидов являются короткие стрижки, они не терпят бород, усов и прочих «волосяных приборов», удлинённые ногти их раздражают.

Оформление пространства с точки зрения эпилептоидов — это прежде всего наведение порядка и чистоты. Запустите эпилептоида в квартиру (офис, кабинет и т.д.), захламлённую, запущенную до крайности (забегая вперёд, скажем: шизоид постарался) — и вскоре вы её не узнаете. Всё будет вымыто с мылом, вычищено, аккуратно разложено по полочкам, отполировано и натёрто до блеска.

Все вещи до единой будут расклассифицированы и размещены рядом с себе подобными: книги — к книгам, посуда — к посуде, платье — к платью, хозяйственный инструмент — к хозяйственному инструменту... Следующим шагом эпилептоида по организации пространства в собственном духе станет разделение получившихся групп предметов на подгруппы. Книги будут подразделены на жанры, посуда — на тарелки, чашки, кастрюли, столовые приборы, платье — на повседневное, выходное, по видам работ, хозяйственный инструмент — на точильный, сверлильный, шанцевый и бог знает какой ещё...

Затем эти подгруппы будут разбиты им на ещё более мелкие, и так до тех пор, пока буквально каждый винтик и шпунтик не обретут своего законного места.

Принцип функциональности соблюдается эпилептоидами не только в отношении одежды. В обитаемом ими пространстве нет бесполезных вещей. Каждый предмет либо уже используется, либо тщательно подготовлен к использованию. Причём, обратите внимание, используется точно по назначению. Эпилептоид не станет, к примеру, измерять диаметр отверстия линейкой — у него для этого есть штангенциркуль. Не станет забивать гвоздь плоскогубцами — для чего же

тогда молоток? Само понятие «гвоздь» для эпилептоида слишком абстрактно. «Какой гвоздь? — спросит он. — Сапожный? Мебельный? Для какой цели? Какой длины?»

Эпилептоид всегда хорошо знает, какая игла для какой ткани, какой крючок для какой рыбы, какая кастрюля для какой пищи, какой растворитель для какой краски, какой клей для каких обоев... И всё это, хочу особо подчеркнуть, интересует его не из отвлечённо-эстетических, а из самых что ни на есть технологических соображений.

На рабочем месте эпилептоида в офисе всегда есть полный набор канцелярских принадлежностей, и все они в боеготовности. Различные маркеры, стиральные резинки разной мягкости; обязательная для эпилептоида, обожаемая им картотека... Карандаши остро отточены, ручки прекрасно пишут (а не безжизненно царапают бумагу или разводят унылую мазню, как у шизоида). Загляните в его персональный компьютер — и там вы найдёте исключительный порядок: чётко организованное дерево файлов, стройные шеренги ярлыков, продуманные, чтобы быть понятными с первого прочтения, названия и т.п., благодаря чему любая информация извлекается за считанные секунды. Всё предназначено для того, чтобы замедленность психических процессов компенсировать рациональностью технологий обработки информации! Откройте сейф...

Впрочем, о чём это мы? Загляните, откройте... Ну-ну. Так эпилептоид и позволит вторгнуться в его кабинет, шарить в его компьютере, рыться в его сейфе! Горе тому, кто осмелится покуситься на его личное пространство, на сферу его компетенции, рискнёт нарушить его суверенитет! Война в этом случае неизбежна.

Вернёмся ненадолго в раздел «Общая характеристика». Определяемый эпилептоидным радикалом стиль поведения, как вы помните, — это стремление активно подавить источник потенциальной угрозы, взять

под тотальный контроль всё окружающее пространство, всех, кто в нём находится, лишить их спонтанности, непредсказуемости поступков и тем самым избавить себя от тягостного переживания тревоги.

Таким образом, наведение эпилептоидом формального порядка, как это описано выше, есть не что иное, как средство подавления других людей, желание лишить их самостоятельности, возможности действовать по своему усмотрению.

Вглядитесь пристальнее, и вы увидите, что развешенные, разложенные, расставленные строго по местам чашки, плошки, поварёшки, домашние туфли, полотенца, ножи и вилки, утюги и сковородки — это овеществлённый приказ.

«Не смей ничего трогать без разрешения! Немедленно положить на место! Вымыть руки перед едой! Переодеться! Переобуться! Я навёл здесь порядок, и тот, кто нарушит его — будет безжалостно наказан!» — говорит эпилептоид, оформляя по-своему пространство.

Если вам, уважаемые коллеги, случится прийти в дом, где с первых же шагов вас поразит стерильная чистота, где вас усадят за стол, покрытый белоснежной скатертью, с аккуратно расставленными хрусткими крахмальными салфетками, безукоризненно вымытыми, скрипящими тарелками и сияющими бокалами, где, едва вы возьмёте с тарелки последний кусок, вам тут же заменят её на свежую... Автор настоятельно советует: долго в гостях не засиживайтесь. Не нервнируйте хозяев. Проще говоря, не нарывайтесь. Поскольку, будь вы хоть Альбертом Эйнштейном и Александром Солженицыным в одном флаконе, всё ваше всемирно-историческое значение рухнет в глазах принимающей стороны в одночасье, как только вы, по своему шизоидному обыкновению, уроните на скатерть первую каплю с неаккуратно подносимой ко рту ложки. А вслед за всемирно-историческим значением придёт черёд рухнуть и вашему телу. Во всяком случае, этого нельзя исключить. Эпилептоидов выводят из себя не-

аккуратные люди, а чтобы соответствовать их представлениям об аккуратности, надо самому быть эпилептоидом.

Кроме порядка, эпилептоиды привносят в свой быт пристрастие к ремесленническому труду, что также отражается на предметной стороне их среды обитания. «Утром встал — сразу за дрель!» — девиз эпилептоидов. Среди их любимых вещей особое место занимают всевозможные пилочки, свёрлышки, отвёрточки, напильнички, шильца и прочий инструмент, позволяющий выполнять работу тонкую, требующую пристального внимания к мелким, хрупким деталям, точных, неторопливых движений. «Штихель штихелю — рознь, — охотно поучают они, — поспешишь — людей насмешишь!»

В отношении *мимики и жестикуляции* эпилептоидов следует отметить, что, как правило, они медлительны и сдержанны в движениях.

Сказывается их постоянный внутренний самоконтроль. Крупные мимические мышцы редко задействованы. Широкоразмашистые, с большой амплитудой жесты нехарактерны. Мы не увидим эпилептоида покачывающимся от хохота, ликующим, рвущим на себе ризы или посыпающим голову пеплом.

Эпилептоиды чаще мрачноваты, несловоохотливы. По-настоящему они раскрываются в ситуациях, насыщенных агрессией, угрозой для жизни и здоровья (силовое противостояние, экстремальный спорт, сражение). Создаётся впечатление, что именно тогда они живут по-настоящему, в полную силу. Многие, чтобы посмотреть на это, платят деньги — зрелище, что и говорить, впечатляющее.

Их тугоподвижная, «забитая» органически изменёнными нейронами, как сточная труба отходами, нервная система получает, наконец, адекватные раздражители. Её «пробивает». Эпилептоид, летящий в затычном прыжке вниз головой в бездонную пропасть, испытывает ту же широкую и разнообразную гамму пережи-

ваний, что и эмотивный меломан в зале консерватории во время исполнения его любимой симфонии.

«Есть упоение в бою и бездны мрачной на краю! И в разъярённом океане, средь бурных волн, средь грозной тьмы. И в аравийском урагане. И в дуновении чумы», — утверждал устами своего демонического героя Пушкин. А уж он-то, автор язвительных эпиграмм, бретёр, мизантроп, а стало быть, обладатель выраженного эпилептоидного радикала, знал, о чём говорит!

Качества поведения. Лучшее описание эпилептоидного стиля поведения автор нашёл, коллеги, в книге... По служебному собаководству. Думаете, это шутка? Будь по-вашему. Но в каждой шутке... Сами понимаете. Нет? Не вполне? Тогда позвольте кое-что объяснить.

Зоологи, а вместе с ними и широко эрудированная публика, знают, как организована стая, например, волков или гиеновых собак¹. Самый главный в стае — вожак, или, как его ещё называют специалисты, используя последовательность букв греческого алфавита, альфа-особь. Он для всех — абсолютный, безусловный авторитет, мощный, уверенный в себе. Его позиция — закон для остальных. Нарушители этого закона жестоко караются.

Близкое окружение вожака составляют несколько т.н. бета-особей. Это сильные, агрессивные взрослые животные, которым, говоря языком современного менеджмента, вожак делегирует часть своих властных полномочий. Они — опора вожака в его взаимоотношениях с другими членами стаи. Вместе с тем от них же исходит и основная угроза альфа-особи. Время от времени эти красавцы пробуют вожака, то, что называется, на зуб. Они нападают на него, и плохи его дела, если он не сумеет отбить это нападение. Сумел — молодец, властвуй и дальше, пока силён.

¹ Речь идёт о принципе, детали в данном случае значения не имеют.

Ниже в иерархии стоят гамма-особи и т.д., вплоть до какой-нибудь омеги — самого жалкого, бесправного, забитого существа в стае, которым она готова пожертвовать в любой момент. Такого рода организация имеет глубокий приспособительный смысл: она обеспечивает стаю, а через неё — всей популяции, всему виду, выживание.

Вы спрашиваете: какое отношение это имеет к теме нашего разговора? Непосредственное.

Эпилептоид интуитивно (а нередко — сознательно) ведёт себя в обществе, в группе людей, как животное в стае. Оказавшись в новом для себя социальном окружении, он начинает прощупывать каждого, испытывать на прочность, выясняя, на какое место во внутригрупповой иерархии он сам может претендовать. При этом эпилептоид классифицирует людей, и его классификация проста.

Он делит всех на сильных — тех, кто не позволил ему помыкать собой, не испугался его агрессивного напора, отбил его экспансивные притязания на чужую территорию (в широком поведенческом смысле), и на слабых — тех, кто уступил, поддался, струсил, спасовал перед ним.

Чем ниже социокультурной уровень группы, тем больше эпилептоидное поведение напоминает аналогичное поведение животных. Скажем, в местах заключения, где царствует т.н. беспредел, соперничество за место в иерархии часто приобретает форму драки — злобной, звериной, без правил и пощады. В ход идут не только кулаки и подручные предметы, но и ногти, зубы...

В цивилизованном обществе рукоприкладство и поножовщина — хочется в это верить! — не приняты. Поэтому эпилептоидные провокации здесь выглядят внешне куда более безобидно. Всё начинается, как правило, с попыток нарушить суверенитет другого человека (например, сослуживца), вторгнуться в его ин-

дивидуальное пространство — физическое и психологическое. Это делается осторожно, поэтапно.

Представьте, что к вашему рабочему столу подходит некий сотрудник и как бы между делом берёт (без спроса!) ваш карандаш, ручку или журнал, который вы вознамерились полистать — не важно. Вы, утешая себя истероидной иллюзией, думаете, что он таким способом выказывает вам своё расположение, симпатию? Нет. Прочь иллюзии! Он, чтобы вы знали, завладевает не карандашом, а вашим правом использовать этот карандаш по своему усмотрению. Уступите, промолчите — завтра, придя на работу, вы застанете его уже сидящим в вашем кресле.

Снова вроде бы не будет ничего криминального. Ну, сидит. Ну, не уходит, хотя рабочий день уже начался, и вас ждут неотложные дела. Стоит ли прогонять человека, обижать его из-за такой мелочи? Воля ваша. Ждите, переминаясь с ноги на ногу, когда он соизволит подпустить вас к вашему же столу. Но знайте: если вы не отобьёте его атаку и на этот раз, то в следующий он, не вставая с места, велит вам сбежать за пивом. Таким образом, рекламная проблема «кому идти за “Клинским”» будет в вашем коллективе решена раз и навсегда.

Подобные провокации эпилептоид проделает — во всяком случае, попытается проделать — и с остальными сотрудниками (знакомыми, членами семьи, et cetera). В конце концов искомая иерархия от самого сильного (наверху) до самого слабого (внизу) будет выстроена в его психическом пространстве. Эпилептоид завершит свою классификацию членов группы, каждому «навесит бирку». И в дальнейшем все попытки нарушить, пересмотреть это локальное мироустройство будут им безжалостно пресекаться.

Тех, кто слабее (в его представлении), эпилептоид будет стремиться объединить и возглавить. В этой создаваемой подгруппе он будет чувствовать себя вожаком. Он потребует от «подданных» полного подчинения, лишит их самостоятельности, но вместе с тем

станет их самоотверженно защищать от нападок враждебных внешних сил. Не из любви к ближнему будет он это делать, а из ненависти к сопернику, посягнувшему на его — эпилептоида — сферу компетенции. По отношению к членам «своей стаи» эпилептоиды авторитарны, деспотичны, требовательны, придирчивы и в то же время покровительственны.

Из сказанного, тем не менее, не следует, что эпилептоид — хороший руководитель, полноценный лидер. Ему недостаёт самого главного — целеустремлённости. В его поведенческом сценарии после слов «навести порядок, построить всех по ранжиру, наладить дисциплину» стоит жирная точка. Дальше сценарий не прописан. Что, собственно, делать с этой вышколенной им командой, на достижение какого результата её направить — он не знает.

Как у истероида хватает сил лишь на то, чтобы обустроить яркий, во многом иллюзорный, фасад собственной личности, так эпилептоид не способен продвинуться дальше наведения внешнего, формального порядка. Содержательная сторона жизни и её реальное преобразование остаются за рамками возможностей и того, и другого. Так проявляет себя энергетически ослабленная нервная система. Выше головы не прыгнешь...

К свойствам эпилептоидного радикала относятся также смелость, решительность (не столько в социальном, сколько в физическом смысле). Логическая связь этих качеств с внутренними условиями эпилептоидности и с формирующейся на их основе мизантропической установкой очевидна и понятна. Ведь что такое смелость, коллеги, и что такое решительность, как не глубокое презрение к человеческой личности, как не готовность стереть с лица земли любого, не исключая самого себя, будь на то хоть малейший повод?

Вспомните, кого в обществе принято считать смельчаками, героями? Как правило, убийц. Давайте решимся назвать вещи своими именами. «Махнул Илюша Муро-

мец палицей — десять тысяч поганых уложил. Махнул мечом — ещё двадцать тысяч кровушкой захлебнулись», — примерно так. Лишить жизни человека, даже из самых социально одобряемых побуждений, нельзя, не испытывая изначально недружеского, холодно-презрительного чувства к человечеству. Бить можно только «поганых», иначе рука не поднимется.

Кроме того, как мы говорили выше, смелое, с риском для собственной жизни поведение даёт эпилептоидам сладостную возможность пережить эмоциональный подъём.

Эпилептоиды крайне внимательны к мелочам, к деталям. Это свойство делает их прекрасными ремесленниками, но несносными собеседниками.

Без мелочной тщательности, погружения во все без исключения технологические подробности невозможно сделать по-настоящему хорошую вещь. Но в общении с людьми, в процессе обмена информацией эпилептоидное застревание на третье- (и десяти-) степенных по значимости деталях, бесконечное пережёвывание ранее сказанного, настойчивость в соблюдении формальностей и т.п. нередко мешает, приводя к потере времени без приобретения качества. Это свойство эпилептоидов принято на бытовом языке именовать занудливостью.

Широко известно эпилептоидное ханжество. Обусловленные их глубинной мизантропией подозрительность, недоверчивость, склонность во всём (даже в самых возвышенных поступках) видеть корысть, неверие в человеческую порядочность, с одной стороны, полностью девальвируют в их глазах понятия нравственности, а с другой — развязывают им руки в плане использования моральных норм для устрашения окружающих. Мораль воспринимается эпилептоидами как дубина, которой они всегда готовы взмахнуть, чтобы устранить соперников. Эпилептоиды любят сплетни (и порождать, и выслушивать), не гнушаются и клеветой.

К качествам эпилептоидов, связанным с накоплением и застоем возбуждения в их нервной системе (см. «Общую характеристику»), относятся также азартность, склонность к запойному пьянству и к садомазохизму в сексуальных отношениях.

Эпилептоид если не игрок, то болельщик — страстный, безудержный, заранее готовый на жертвы (в т.ч. среди мирного населения). Эта тема не раз обсуждалась в мировой литературе и СМИ.

Отношение эпилептоида к алкоголю непростое. Органические изменения в нервной системе, лежащие в основе эпилептоидности, значительно снижают его способность справляться с алкогольной (как и любой другой) интоксикацией. Эпилептоиды жестоко страдают после употребления спиртных напитков (к слову, так же страдают они от резкой перемены погоды, атмосферного давления и т.п.). Поэтому в большинстве случаев они либо совсем отказываются от их приёма, либо ограничиваются слабоалкогольной продукцией. Ситуация меняется, когда эпилептоид чувствует приближение приступа гнева, агрессии. Тогда, чтобы избавиться от неприятных переживаний, он начинает глушить себя крепким алкоголем. При этом алкоголь выступает в роли лекарства. «Лечение», соответственно, также имеет приступообразный — запойный — характер.

Садомазохизм, являющийся характерным стилем сексуального поведения эпилептоидов, коренится в их стремлении пощекотать себе «застоявшиеся» нервы, а также в жгучем желании поиграть с партнёром (партнёрами) в любимую игру «сильный — слабый» с переживанием абсолютного психического и физического превосходства (сексуального господства) или абсолютной зависимости (сексуального рабства).

Ещё одним небезынтересным качеством, сопряжённым с эпилептоидным радикалом, является гомосексуализм. Не вдаваясь в подробности этого многогранного явления, скажем, что, несмотря на горячие призывы и выступления его сторонников и защитников, гомосек-

суализм никак нельзя признать вариантом поведенческой нормы.

Разумеется, это не болезнь (по крайней мере, в большинстве случаев), так же как не является болезнью эпилептоидность. Однако следует констатировать, что гомосексуализм приводит к дегенерации. В буквальном переводе дегенерация означает «отсутствие следующего поколения», иными словами, неспособность оставить потомство. Кто же будет спорить, что гомосексуалисты — дегенераты (не в ругательно-бытовом, а в социально-биологическом смысле). Так что поощрять гомосексуализм, потворствовать ему экономически, морально, на взгляд автора, не следует.

Создаётся впечатление, что гомосексуализм — мягкая, гуманная форма удаления из социума избытка эпилептоидности, своеобразный клапан, через который уходит лишний пар, чтобы котёл не взорвался. При этом индивидуум, сексуальное влечение которого направлено на лиц одного с ним пола, не лишается возможности прожить насыщенную событиями и эмоциями жизнь, оставить после себя плоды своего труда, творчества... Но генетическая линия, несущая мощный заряд эпилептоидности, на нём прервётся.

Итак, уважаемые коллеги, мы познакомились с качествами поведения, обусловленными лёгким, не достигающим уровня болезни, органическим изменением головного мозга. Надеюсь, вы оценили диалектику природы: стоит избавиться от части нейронов, как сразу приобретаешь массу полезных свойств: аккуратность, чистоплотность, организованность, стремление структурировать хаос, способность овладевать тонкими технологиями, смелость, решительность... Конечно, у каждой медали две стороны. Разговор о диалектическом единстве и борьбе противоположностей мы продолжим в следующем разделе.

Но вначале для закрепления пройденного вот вам пример из автобиографической книги князя Кропоткина «Записки революционера»:

«Действительным начальником училища был... Француз на русской службе полковник Жирардот... Нужно представить себе... Человека, не одаренного особенными умственными способностями, но замечательно хитрого; деспота по натуре, способного ненавидеть — и ненавидеть сильно — мальчика, не поддающегося всецело его влиянию... Печать холода и сухости лежала на губах его, даже когда он пытался быть благодушным... По ночам... Он до позднего часа отмечал в книжечках (их у него была целая библиотечка) особыми значками, разноцветными чернилами и в разных графах проступки и отличия каждого из нас. Игра, шутки и беседы прекращались, едва только мы завидим, как он, медленно покачиваясь назад и вперед, подвигается по нашим громадным залам... Одному он улыбнется, остро посмотрит в глаза другому, скользнет безразличным взглядом по третьему и слегка искривит губы, проходя мимо четвёртого. И по этим взглядам все знали, что Жирардот любит первого, равнодушен ко второму, намеренно не замечает третьего и ненавидит четвёртого. Впечатлительных мальчиков приводило в отчаяние как это немое, неукоснительно проявляемое отвращение, так и эти подозрительные взгляды. В других враждебное отношение Жирардота вызывало полное уничтожение воли... Внутренняя жизнь корпуса под управлением Жирардота была жалка. Во всех закрытых учебных заведениях новичков преследуют... Но под управлением Жирардота преследования принимали более острый характер, и производились они... воспитанниками старшего класса — камер-пажами... Он предоставлял старшим воспитанникам полную свободу, он притворялся, что не знает... О тех ужасах, которые они продельывают... В силу этого камер-пажи делали все, что хотели... Любимая игра их заключалась в том, что они собирали ночью новичков в одну комнату и гоняли их в ночных сорочках по кругу, как лошадей в цирке. Одни камер-пажи стояли в кругу, другие — вне его и гутта-

перчевыми хлыстами беспощадно стегали мальчиков. «Цирк» обыкновенно заканчивался отвратительной оргией на восточный лад... Полковник знал про всё это. Он организовал замечательную сеть шпионства... Целых двадцать лет Жирардот преследовал в училище свой идеал: чтобы пажики были тщательно причёсаны и завиты... За одно всё-таки следует добром помянуть Жирардота. Он очень заботился о нашем физическом воспитании. Гимнастику и фехтование он очень поощрял. Я ему обязан за то, что он приучил нас держаться прямо, грудь вперёд... Я... Имел склонность горбиться. Жирардот... Проходя мимо стола... Выпрямлял мои плечи и не уставал делать это много раз подряд».

Задачи. Эпилептоиды хорошо справляются с рутинной, неспешной работой, требующей аккуратности и точности, внимания к мелким деталям.

Они — замечательные часовщики, токари, слесари, парикмахеры, краснодеревщики и ювелиры (если в характере присутствует ещё и эмотивный радикал), хирурги, вообще — технологи, мастера-ремесленники¹.

Вы в недоумении? «Хирурги — эпилептоиды? — спрашиваете вы. — А как же любовь врача к людям?»

Увы, дорогие мои коллеги, автор честно предупредил, что с некоторыми стереотипными взглядами вам придётся расстаться. Хорошие хирурги, как правило, наделены выраженным эпилептоидным радикалом. Они придирчивы и требовательны к своим помощникам, они грубоваты, резки во взаимоотношениях, не любят «пускать слюни», избегают подолгу беседовать с больными. Зато они точны в движениях, чистоплотны и уж наверняка не забудут свой инструмент в теле пациента. Кстати, хорошие медицинские сёстры, нянечки — тоже эпилептоиды.

¹ Профессионализм в любом деле невозможен без эпилептоидности, поскольку что такое профессионализм, как не внимание к технологии во всех её мельчайших деталях?

Никто так аккуратно не сделает укол, не перестелит вовремя постель, не даст нужное (а не первое попавшееся под руку) лекарство, не наладит капельницу, не уберёт в палате и т.д., как эпилептоид. У него всё наготове, всё в рабочем состоянии. А вы представляете себе, как это важно в больнице, где порой в борьбе за жизнь человека счёт идёт на минуты, на секунды!

Заметьте, всё это он делает не из милосердия, а из... Брезгливости к нечистоте, к беспорядку, к недисциплинированности, к нефункциональности. Кроме того, эпилептоид, беря под свою опеку существо очевидно слабое, неспособное конкурировать с ним за место под солнцем, инстинктивно начинает защищать его (каждый знает, с каким административным восторгом, с каким удовольствием по-эпилептоидному строгая медсестра не пускает к больному его близких, родственников).

Эпилептоиды — воины, бесстрашные и самоотверженные. Но не спешите, мои истероидно-эмотивные друзья, заглядывать к ним в душу, когда они выходят на тропу войны. Не инфантильный восторг прекраснодушного патриота найдёте вы там, а мрачную тёмную злобу, ненависть ко всему живому и прежде всего — к агрессору, покусившемуся на святое — на собственность эпилептоида.

Эпилептоиды — контролёры Божьей милостью с большой буквы «К». Их хлебом не корми, лишай премии, угрожай внесудебной расправой — а они будут стоять непоколебимой стеной на пути нарушителей установленного порядка и правил, с особым удовольствием классифицируя этих самых нарушителей на злых и не злых.

Лучшие вахтёры, налоговые инспекторы, таможенные досмотрщики и т.п. всех времён и народов — эпилептоиды. Да будь вы другом их детства, их шурином или зятем, их матерью, сестрой или любовницей — они всё равно не пропустят вас на охраняемый объект без соответствующего разрешительного документа, не про-

стоят вам огрехов в документировании ваших доходов, заглянут вам — с целью проверки — туда, куда и мама родная вам не заглядывала.

Вот она, диалектика, во всей красе. Получается, что для человеческого общества защита и подспорье во многих полезных делах, подчас — самое спасение, исходит от человеконенавистников...

Есть ли вообще то, чего нельзя поручать эпилептоидам?

Разумеется, есть, исходя из тех же диалектических соображений. Если эпилептоида не остановить, он просто задушит общество, группу, подчинённого ему индивида своим сугубо формальным порядком, задушит свободу во всех её проявлениях, задушит дело. Помните, в известном американском фильме «Телохранитель» герой Кевина Костнера настолько тщательно обустраивает систему безопасности своей подопечной — певицы (её играет Уитни Хьюстон), что в конце концов ему остаётся лишь сделать последний логический шаг в этом направлении — вообще запретить ей появляться на публике, т.е. прекратить её профессиональную деятельность. Совсем. Навсегда. И с какой страстью, с какой убеждённостью в своей правоте он требует этого!

Эпилептоиду, с его подозрительностью и жестокостью, грубостью и придирчивостью, нельзя полностью доверять решение задач воспитания, обучения, управления. Он не воспитатель — он дрессировщик.

В определённом смысле дрессировка как функция входит во все вышеперечисленные сферы деятельности. Следовательно, эпилептоидность как тенденция в характере учителя, управленца — вещь необходимая. Но она не должна доминировать. Иначе получится, как в кино — все будут петь жалобными голосами: «Да здравствует наш Карабас удалой! Как славно нам жить под его бородой. Ведь он никакой не мучитель. Он просто наш добрый учитель». При этом все будут за-

травлены, запуганы, будут лишь дружно маршировать и чётко выполнять команды, а дело встанет.

Не следует также, коллеги, поручать эпилептоиду поздравления с праздниками и юбилеями. Даже находясь в относительно миролюбивом настроении, он натворит бед. Желая обрадовать, развеселить — напугает, доведёт до слёз. Желая похвалить — оскорбит. Начав за здоровье, непременно кончит за упокой. Что уж говорить о ситуации, когда в нём зреет раздражение, и он, по своему обыкновению, становится нарочито, прицельно грубым и бестактным.

Особенности построения коммуникации. Как правильно вести себя с эпилептоидом? Очень просто. Не нужно его пугать. Он перестает нервничать и становится вполне сносным партнером по общению и взаимодействию, если: а) контролирует ситуацию (прежде всего — не перегружен информационными потоками) и б) видит, что ситуацию контролирует вы. Поэтому с самого начала покажите, что вы хорошо знаете вашу личную территорию, стережете её границы, устанавливаете на ней свой собственный порядок дел и вещей... Иными словами, оставляете за собой право в ситуациях, затрагивающих ваши интересы, поступать так, как вы (а не кто-то другой!) считаете необходимым. В то же время дайте ему понять определённо, что уважаете его право на собственность (в широком смысле). Пусть у себя дома хозяином будет он, а у вас — вы.

Если же эпилептоид в этом усомнился и вознамерился напасть на вас с целью взять под свой контроль — постарайтесь не дать ему сесть вам на шею. Не воспринимайте его попытки влезть с ногами в ваше индивидуальное пространство как знак расположения, доброжелательного внимания к вашей персоне. Покажите ему, что вы разгадали его намерения. Сумейте отстоять ваше право распоряжаться своими личными вещами, управлять своими поступками, мыслить, высказываться и действовать так, как вы хотите. Приучите его подходить к вам с советами только тогда, когда вы

его об этом попросили. Не принимайте от него подарков, которые явно покушаются на вашу самостоятельность: дорогих украшений, предметов одежды, билетов, путёвок...

«Я считаю, что тебе непременно нужно съездить в этот санаторий, подлечиться». — «А я так не считаю. Если хочешь, сам поезжай. А мне больше нравится туризм. Я поеду в горы, с друзьями». Примерно такой диалог должен стать образцом поведения с навязчивым эпилептоидом. Вы сомневаетесь, не слишком ли грубо, не отдаёт ли неблагодарностью, хамством? Правильно. Грубо. Отдаёт. Да что там отдаёт — разит! Но иначе нельзя. Иначе не только место летнего отдыха, но вообще место вам очень скоро будет найдено и жёстко за вами закреплено — не забалуешь.

Существует золотое правило: чем раньше, т.е. на более ранних этапах знакомства вы окажете сопротивление эпилептоиду, тем психологически легче будет это сделать. Тем проще (без ссор, без изнуряющего агрессивного противостояния) вы получите в его классификации желаемую позицию — «сильный». Помните: эпилептоид энергетически не силен, он осуществляет экспансию на чужую территорию не от избытка темперамента. Он просто не может позволить, чтобы вокруг него царил беспорядок. Суть его взаимоотношений с окружающими можно выразить так: «Умеешь управлять своей территорией — управляй! Не умеешь (слаб, вял, глуповат, неорганизован и т.д.) — уступи место мне (хотя мне и без тебя тяжело)».

А что же делать, если эпилептоид уже давно сидит на вашей шее? Или если он — ваш начальник? Понятно, что попытки жёстко противостоять давлению в этом случае обойдутся слишком дорого. Эпилептоид не допустит «бунта на корабле». Остаётся единственная возможность. Эпилептоидам по сердцу их собственный стиль поведения. Поэтому, если не получается на равных бороться с ними за лидирующее место в группе, в «стае», заставьте себя... Стать аккуратным. Для начала

приучите себя не опаздывать на работу. Наведите порядок вокруг себя: в своём гардеробе, на рабочем месте, на кухне... Сложно? Понимаю, что сложно. Но напрягите для этого всю заложенную в вас эпилептоидность. И вам воздастся. Эпилептоид, возможно, впервые за годы совместной жизни (работы) почувствует в вас нечто, с его точки зрения, человеческое, достойное. Он непременно поставит вам в плюс подобные усилия. После этого можете смело заявлять свои претензии на завоёванное таким способом пространство, а затем — и на связанную с ним функцию (а это уже управление, власть).

Да, он командует фронтом, но домашними тапочками, своими и его, будете отныне командовать вы. И пусть он только попробует бросить их где попало... Так, шаг за шагом, устанавливая вначале формальный порядок, а затем и правила поведения, можно подвинуть любого, самого грозного и неприступного начальника¹.

Если этот относительно простой, «недорогой» с точки зрения энергозатрат, способ поведения вам не под силу, что ж, тогда займите в иерархии эпилептоида то место, какое сможете. Смиритесь с его деспотичностью, грубостью². Поймите, что по-другому общаться он не может. В награду вам достанется его защита — будете жить за ним, как за каменной стеной.

¹ Только не вздумайте качать права, настаивать на своём суверенитете, спорить, если у вас на рабочем столе и вокруг него разбросан мусор, если чистовые экземпляры документов хаотично перемешаны с черновыми и т.п. Иначе тут-то вы и почувствуете всю жёсткость властной десницы начальника-эпилептоида. С его точки зрения, право на суверенитет нужно доказать. А доказывается оно собственным упорядоченным, функциональным, профессиональным поведением. Так что нечего на эпилептоида пенять, коли...

² Эти качества обостряются, когда эпилептоид чувствует себя не в своей тарелке, когда ему кажется, что ситуация дома или на работе выходит из-под его контроля. При этом он особенно бесится по поводу неорганизованности членов своей «стаи», привносящей в его жизнь дополнительные (необязательные) сложности.

Вопросы и задания:

1. Назовите основную тенденцию, определяющую эпилептоидный стиль поведения (подсказываю: функцио...). Как эта тенденция проявляется в оформлении внешности, в деятельности, в отношениях с другими людьми?

2. Как вы думаете, почему эпилептоиды так мечтают при любой возможности вырваться из города на природу, в деревню?

3. Что обычно приходит в голову эпилептоиду, когда он едет на работу в переполненном общественном транспорте? (Постарайтесь ответить на этот вопрос не вслух и не при детях.)

4. Найдите признаки эпилептоидности в персонаже поэмы Н.В. Гоголя «Мёртвые души» Собакевиче. Приведите собственные примеры эпилептоидного поведения.

5. Для каких профессий, помимо названных в тексте главы, эпилептоидность является необходимым качеством? Каким видам деятельности она существенно препятствует?

ГЛАВА 4. Паранойальный радикал

Помните эпиграф к знаменитой некрасовской «Железной дороге»? «Папаша, кто строил эту дорогу? — Граф Пётр Андреевич Клейнмихель, душенька».

Поэт гневно и вдохновенно опровергает это мнение господина «в пальто на красной подкладке». Нет, дескать, Ваня, не сиятельный граф трудился в поте лица, а простой, голодный и измождённый, народ. Под надзором графских опричников — по-нынешнему, супервайзеров.

Так кто же всё-таки строил историческую железно-дорожную магистраль, соединившую две российские столицы? Кто вообще строит дороги, мосты, здания, ракеты, политические партии и прочее, и прочее, что требует трудолюбия, настойчивости и участия большого количества людей?

Козни, как мы теперь знаем, строят эпилептоиды. А всё остальное — кто? Попробуем разобраться в этом в процессе изучения паранойального радикала.

Общая характеристика. Начнём с вопроса: что, на ваш взгляд, отличает философа от практика? В представлении автора основное отличие заключается в том, что философ признаёт диалектику бытия, а практик — нет. Это означает, что философ понимает (хоть и не всегда отчётливо, но всё же) диалектическую двойственность любого явления, события, решения. Он знает: всё, что происходит в этом мире, одновременно рождает свою собственную противоположность. В каждом тезисе заключён антитезис.

Человечество с целью выживания добывает нефть. Нефть и её продукты нас согревают, позволяют нам перемещаться на дальние расстояния в относительно короткие сроки. В недалёком будущем (как ни печально сознавать) они станут основой продуктов питания... Но, добывая нефть, человечество наносит непоправимый вред природе, разрушает окружающую среду, тем

самым лишая себя возможности выжить. Замкнутый круг. Одно не существует без другого.

Попробуем зайти с противоположной стороны. Человечество всеми силами сохраняет природу в неприкосновенности, для чего закрывает шахты, заводы, уничтожает транспорт, переходит на натуральное хозяйство. Воздух, вода, почва очищаются от загрязнения. Восстанавливаются нарушенные экосистемы. Люди дышат легко, живут весело... Но недолго. Останавливается прогресс, резко ухудшается качество жизни, снижается её продолжительность. Человечество теряет все свои интеллектом, потом и кровью завоёванные преимущества, становится на грань выживания. И снова замкнулся круг.

Философ это понимает. Он говорит: «Всё — суета сует», — и остаётся созерцателем, вынужден им быть. Ведь для того, чтобы стать деятелем, активным преобразователем мира, нужно остановиться на чём-то одном, выбрать из двух альтернативных возможностей — только одну.

В каждом явлении, таким образом, содержатся неразрывно связанные, взаимообусловленные «да» и «нет». Но нельзя одновременно сказать «да-нет» — либо «да», либо «нет». Иначе любая интеллектуальная модель любой части бытия так и останется лишь умозрительной. Нельзя реализовать на практике амбивалентную модель. Практика требует конкретности, определённости.

Нужно выбрать цель и добиваться её, закрывая глаза на всё остальное — так поступают практики: один добывает нефть, другой восстанавливает леса, очищает водоёмы.

Теперь зададимся вопросом: почему один человек понимает мир (и, соответственно, ведёт себя) как философ, а другой — как практик? Может быть, это происходит по желанию? Захотел — пофилософствовал на тему о диалектическом единстве и борьбе противоположностей, надоело — взялся за проектирование, а там

и за прокладку туннеля под Ла-Маншем? Мы противоречили бы себе, если бы ответили на этот вопрос положительно. Разумеется, нет. Желание здесь ни при чём. Вернее, желание возникает тогда, когда в характере человека объективно существуют адекватные ему внутренние условия, когда человеку сложно, а порой — невозможно, действовать иначе.

Когда же возникает желание создать нечто реальное, по-настоящему значительное, а то и — чем чёрт не шутит — масштабное? Когда у человека есть для этого силы, энергия, которая буквально распирает его, не даёт ему сидеть сложа руки. Это первое условие. А второе — когда он чётко видит цель, т.е. предполагаемый результат своей деятельности. Когда он уверен, что ему ничего, кроме этой цели, не нужно, что он поступает единственно верно, добиваясь именно этой цели. Что этому нет альтернативы.

Можно предположить, переходя с поведенческого на нейрофизиологический уровень, что внутренними условиями подобной прагматической, нацеленной на достижение конкретного результата стилистики поведения (не буду вас больше интриговать, вы и так уже догадались, что мы говорим о паранойяльной тенденции) являются: а) сильная нервная система (энергичность, работоспособность) и б) ... лёгкие органические изменения в головном мозге.

«Снова здорово! — скажете вы. — Опять органические изменения? Они-то с какого боку?»

Давайте разберёмся. Ну, против сильной нервной системы, надеюсь, возражений нет. Что же, если не она, обеспечивает энергетический потенциал, необходимый для воплощения замысла в жизнь? А вот откуда берётся целенаправленность?

Судя по всему, она является результатом длительной концентрации (т.е. застоя) возбуждения в системе нейронов, обеспечивающей выполнение данной (а не какой-то другой!) деятельности, решение конкретной задачи. Иными словами, не было бы этого застойного

возбуждения, не было бы и направленности на цель. Энергия распылилась бы, была бы израсходована на множество разрозненных, разнонаправленных поступков (как это происходит у обладателей гипертимного радикала).

В свою очередь, застой возбуждения обусловлен органическими изменениями в нейронах. При формировании паранойяльного радикала, по-видимому, органический процесс не достигает той степени выраженности, которая приводит к заметному ослаблению нервной системы (как это происходит у эпилептоидов), но, тем не менее, лишает психику гибкости, способности быстро переключаться с одной задачи на другую¹.

Паранойял (давайте так называть обладателя доминирующего паранойяльного радикала) склонен к «застреванию». Но, в отличие от эпилептоида, ослабленного и оттого застревающего на эгоистических тревожно-агрессивных переживаниях, паранойялу хватает сил застревать не на поверхностных, формальных, а на содержательных сторонах жизни и деятельности. И, застревая, переделывать, преобразовывать их.

Ощущая в себе большой заряд энергии, паранойял, как правило, ставит перед собой задачи, сложность и масштабы которых объективно превышают возможности индивидуума.

При этом он переживает необходимость решения этих задач, как свою собственную, личностно значи-

¹ Можно предположить, что снижение скорости переключения нейронов с одного контакта на другой, как следствие органических изменений, делают энергетически невыгодным, неэффективным динамичное формирование новых нейронных ансамблей, отвечающих за решение новых поведенческих задач. Решаемая задача становится основной, приоритетной, притягивает к себе все имеющиеся ресурсы. Тем самым обеспечивается целенаправленность и результативность поведения. Образно говоря, симфоническому оркестру Большого театра не к лицу срываться с места посреди увертюры и мчаться через улицу, в Театр оперетты, чтобы сыграть там пару тактов и стремглав нестись обратно. Сели — так играйте от начала и до конца!

мую проблему. Это очень важно! С одной стороны, он не может отказываться от задуманного — это было бы предательством по отношению к самому себе, самоотрицанием, но с другой — реально не в состоянии воплотить свои намерения в одиночку. Ему объективно нужны сподвижники, команда единомышленников. Без них само его существование на Земле лишается смысла. Вот из чего рождается настоящее лидерство.

Паранойял — истинный лидер. Он твёрдо знает, чего хочет. Он преисполнен целеустремлённости и энергии. Он воспринимает окружающих как подспорье в реализации своего масштабного замысла, по сути — как часть самого себя.

Истероид, желая быть на виду, тоже претендует на лидерство. Но, как и всё остальное в его исполнении, это не более чем очередная имитация, создание иллюзии. Да что и говорить, выполнению представительских функций истероида учить не надо. Ах, как великолепно он смотрится в президиуме! Ах, как вдохновенно вещает с трибуны! Ах, как грозен он и одновременно покровительственен в помпезном начальственном кабинете, восседая на троне! Ах, как величественно он принимает верительные грамоты от иноземных послов! Прекрасно. Вот только главного от него не дожждётся — реального дела. Всё начнётся и закончится «распушением хвоста» и сотрясанием воздуха.

Стремится к лидерству и эпилептоид. Он хочет быть вожаком стаи. Жёстким, авторитарным, требовательным. Но что он способен требовать от других? Порядка, дисциплины, покорности, страха, подобострастия — не более. На этом его социально-психологическая программа заканчивается. Эпилептоид не ставит новых преобразовательных задач. В лучшем случае он может заставить других выполнять рутинные задания в законсервированных, стабильных условиях существования организации (если только эти другие не разбегутся кто куда из-под его грубого диктата).

Из многочисленных функций управления эпилептоид относительно хорошо справляется с распределением обязанностей между исполнителями и контролем промежуточных и окончательных результатов работы. А это, согласитесь, не есть полноценное лидерство.

Вернёмся, однако, к паранойялам. Их психологическая (как мы теперь понимаем, природой предначертанная!) позиция лидера порождает характерную этику и эстетику. Предлагаю, коллеги, обсудить эту важную тему в следующем разделе.

Внешний вид. Поскольку не существует специфического паранойяльного типа телосложения, начнём сразу с эстетики, то есть, в нашем случае, — с *оформления внешности*.

Паранойялы всем стилям предпочитают классицизм (они, собственно говоря, его и создают), и не только в одежде.

У классицизма есть три, как минимум, качества, созвучных паранойяльной тенденции. Первое: он выдержал испытание временем. Второе: его признаёт подавляющее большинство людей, он понятен и близок массам. И третье, главное: стилистика классицизма в мировой культуре отражает совершенно определённую социальную позицию — безусловный приоритет общественных целей, ценностей над индивидуальными. И это становится основой паранойяльной этики.

«Единица — вздор! Единица — ноль! Голос единицы тоньше писка», — заявляет классицизм устами Маяковского.

Примерно о том же самом говорит и паранойял, выбирая причёску, одежду, обувь строгого, без излишеств, классического стиля¹.

¹ Оставим культурологам обсуждение разницы между понятиями «классический» и «классицистический». В данном контексте это синонимы.

В этом стиле, в отличие от спортивного, отсутствует агрессия (точнее, агрессивность индивида). Отсутствует также яркость и, стало быть, претензия на исключительность. Классический стиль с его тенденцией к унификации формы, с его прямыми углами, заряжен социальным, а не индивидуалистическим содержанием. Он отражает уверенную, консолидированную силу общества и, соответственно, готовность служить его интересам, общественному благу.

Если в характере человека паранойяльный радикал сочетается с истероидным, то на его одежде (и в его руках) появляются разного рода знаки принадлежности к идеологическим или профессиональным группировкам: надписи на майках, значки с изображением руководителя партии или с её девизом, флаги, цеховые эмблемы¹...

Оформление пространства паранойялом сводится к превращению любого помещения в рабочий кабинет. Он — трудяга, влюблённый в свою работу. Поэтому всё, что его окружает, носит на себе отпечаток его основной деятельности, выбранной им цели.

Уместно вспомнить, что истероид оформляет собственное пространство с единственным намерением — произвести на своих гостей, сослуживцев и т.д. яркое, незабываемое впечатление. Он изощряется как только может, наполняя дом (офис) своими портретами, модными причиндалами, оригинальными цацками... В подобном интерьере есть всё, кроме одного — там не предусмотрено место для работы.

В отличие от истероида, у эпилептоида есть рабочая зона, где он занимается своими поделками, хранит

¹ Человек с доминирующим истероидным радикалом — без паранойяльного — прицепил бы на майку значок с надписью «Это я, Вася», а вовсе не с ликом вождя. В то время как отсутствие истероидности в характере делает ношение значков вообще не актуальным. Обратите внимание, коллеги, история всё та же: чем больше истероидности — тем больше показухи, всевозможных деклараций, тематических шествий и т.д., и тем меньше реального действия.

инструменты. Но эта зона — одна из многих функциональных зон, не более. Существуют и другие. Ревнитель формального порядка — эпилептоид не станет, к примеру, принимать пищу в спальне или выпиливать лобзиком, сидя за обеденным столом.

Паранойял работает везде, где он находится. За чашкой утреннего чая он дорисовывает схему, которую не успел закончить прошлой ночью, потому что его, несмотря на выпитый им в одиночку кофеин, всё-таки сморила усталость. Принимая душ и затем одеваясь, он в режиме бормотания проговаривает тезисы своего выступления на предстоящем производственном совещании, с удовольствием перебирая в уме наиболее актуальные и трудоёмкие задачи. Ложась в постель, он кладёт рядом с подушкой телефон, чтобы ни в коем случае не проспять какое-нибудь важное событие, чтобы ни одна значимая проблема не была — не дай бог! — решена без его участия.

Если при этом в реальном характере присутствует ещё и шизоидная тенденция, благодаря которой человек просто не убирает за собой, то интерьер постепенно наполняется овеществлёнными идеями и замыслами — чертежами, моделями, черновиками служебных записок, технико-экономических обоснований и т.п.

Наличие эмотивного радикала (и об этом мы поговорим в своё время) пробуждает тягу к искусству. При доминирующем паранойяльном радикале это будет классическое искусство, т.е. искусство, наполненное глубоким социальным содержанием (даже порой в ущерб достоверности).

Знаменитый русский художник, знаток российского быта Коровин, преклоняясь перед талантом Репина, тем не менее, критиковал его картину, вошедшую в наше среднешкольное сознание под названием «Бурлаки на Волге».

«Илья Ефимович, — говорил Коровин (*из воспоминаний художника, в вольном пересказе автора*) Репину, — и где же, позвольте вас спросить, вы видели

таких неавантажных, с позволения сказать, бурлаков? Этих оборванцев, доходяг в последней стадии чахотки? Это какой же идиот-купчина доверит подобным, мягко говоря, работничкам тянуть свою баржу? Он так и к зиме на ярмарку не успеет. Настоящие бурлаки (а уж их-то, слава богу, я перевидал немало, каждый год путешествуя по России-матушке) — ребята крепкие, мощные, румяные, здоровые. А как иначе? Свежий воздух, физический труд, усиленное питание — осетрина, белужина, рассыпчатые каши, обильно сдобренные натуральным растительным, а то и сливочным маслом, молоко, ягодные кисели, саратовские вкуснейшие калачи... Помилуйте, Илья Ефимович, но в жизни не бывает таких картин, как Ваши «Бурлаки». Репин угрюмо отмалчивался.

Зато Горький и Шаляпин были в восторге от этого произведения. Они (между прочим, оба — волгари, знавшие быт не хуже Коровина) видели в нём другое — глубоко эмоциональное и высокохудожественное раскрытие актуальной темы угнетения простого народа богатырями-эксплуататорами. Темы настолько важной, что ради неё не то что слегка погрешить против правды жизни, но и отдать самоё жизнь — не будет много.

Таким образом, стремление не столько украсить интерьер, сколько наполнить его социально направленным содержанием за счёт произведений классического стиля (нравоучительных картин, скульптур, книг и т.п.) — диагностически значимый признак паранойяльной тенденции.

Паранойяльность обнаруживает себя и в *двигательной активности человека* — в его мимике (в меньшей степени, хотя, понятно, что на лице паранойяла отражается его уверенность в себе, в правильности выбранного пути, его сосредоточенность деятеля) и жестикуляции.

Паранойялов отличают, по крайней мере, два варианта излюбленной жестикуляции: направляющая и ритмообразующая.

Поскольку паранойял всегда уверен, что только он один знает, куда нужно идти, где искать счастья, — он охотно показывает это направление всем желающим. «Указующие персты», «простёртые длани» (как свободные, так и с зажатými в них головными уборами) — жесты, типичные для паранойялов. Они уверенно тычут пальцем не только в некую «светлую даль», но и, например, в книжную страницу, в лозунг на транспаранте, в чертёж, словом, туда, где чётко и ясно выражены их принципы, намерения, цели, символы их веры — дескать, глядите, читайте, усваивайте, олухи царя небесного: вот — правда (тычут в чертёж), а там (тычут в светлую даль) — счастье! Не век же вам дурнями жить.

Речь паранойяла часто сопровождается постукиванием по столу кулаком, ребром ладони, негнувшимся напряжённым пальцем. Такое впечатление, что он тем самым задаёт ритм своим словам, обозначая начало и конец каждой фразы. Он словно вбивает в голову слушателям высказываемые мысли. Подобные ритмообразующие жесты часто сочетаются с направляющими: тычки пальцем в чертёж становятся ритмичными.

Кроме того, желая завладеть вниманием индивида, паранойял нередко сокращает (в физическом смысле) дистанцию между собой и собеседником. Он хочет быть лучше понятым. Он, хватая собеседника за рукав, за лацкан пиджака, за пуговицу, притягивая его поближе к себе, глядя ему в глаза, требует сосредоточенности, лишает возможности увильнуть от разговора¹.

Качества поведения. Паранойяльная тенденция в характере — это целеустремлённость, настойчивость, уверенность в себе, высокая работоспособность, упорство в преодолении препятствий, лидерство, т.е. объ-

¹ В отличие от истероида, который в аналогичных ситуациях дистанцию, напротив, увеличивает, чтобы его могли лучше рассмотреть.

ективная потребность в помощниках, обусловленная масштабностью замыслов. Об этом, коллеги, мы уже говорили с вами.

«Значит ли это, — спрашиваете вы, — что паранойальный радикал делает его обладателя безусловно полезным обществу? А как же быть с полюбившейся нам диалектикой, согласно которой, грубо говоря, в каждой пользе содержится ровно столько же вреда? Или паранойял — исключение?»

Нет, друзья, вы снова зрите в корень. Полагаю, вы заметили, что мы всё время оставляем такую важную составляющую психики, как интеллект, за рамками рассуждений о характере.

Почему мы не говорим об интеллекте? Да потому, что интеллект (под которым принято понимать результат функциональной интеграции познавательных психических процессов: памяти, внимания, мышления и др.) не определяет стилистику поведения в том смысле, о котором ведём речь мы. Иными словами, он не добавляет новых красок, особенностей (кроме ситуации с шизоидным радикалом, но об этом — позже). Интеллект определяет уровень сложности усваиваемых поведенческих стереотипов и, как следствие, уровень социальных результатов поведения. Интеллект, таким образом, является не формообразующим фактором, а ресурсом поведения. Так же, как, например, материальный достаток.

Чем, с этой точки зрения, будут отличаться поступки, взгляды, ценности и т.д. богатого и умного истероида от таковых, присущих бедному и глуповатому истероиду? Разумеется, не стилем. Стилём будет одинаковым: позёрство, претенциозность, стремление вызвать своим поведением социальный резонанс. Просто богатство и интеллект — сразу или постепенно — приведут человека в соответствующую элитную общественную группу, где ему придётся хвастать перед другими не грошовой бижутерией, а редкими бриллиантами, не яркой расцветки «юбочкой из плюша», купленной

в недорогом магазине готового платья, а эксклюзивными нарядами от всемирно известных домов моды; имитировать не дворового героя — короля вульгарных застолий и мелких потасовок, а члена парламента или полководца...

То же самое можно сказать и в отношении обладателей других радикалов. Высокий интеллект обеспечивает накопление информации лучшего качества и объёма, благодаря чему появляется способность отличить по-настоящему значимую вещь от дешёвки.

Теперь представьте себе паранойяла, обделённого интеллектом. Каких целей он станет добиваться, не считаясь с энергетическими и людскими затратами? Представили? Вот именно. Это не человек, а братоубийственный снаряд, каток — бессмысленный и беспощадный. Не пользу принесёт, а непоправимый вред нанесёт он обществу.

Идём дальше. Знаменитое паранойяльное упорство, уверенность в собственной правоте — разве зачастую не оборачивается упрямством, нежеланием и неспособностью услышать своего оппонента, воспринять иную, возможно, более рациональную точку зрения? Да. Оборачивается. И ещё как! Сколько полезных, перспективных замыслов было пущено под откос паранойялами только потому, что это были не их замыслы. Ни в грош не ставя чужие, собственным идеям паранойялы (далеко не всегда объективно) придают повышенное значение.

Рассмотрим целеустремлённость. Условием её возникновения, как было уже сказано, является превращение в сознании человека объективно амбивалентной идеи в субъективно моновалентную или, говоря по-русски, в одностороннюю.

Односторонность восприятия мира является оборотной стороной этого качества. Односторонность и упрощённость. Поскольку нельзя захватить сознание масс идеями (занятие, любимое паранойялами!), не упростив её до понятного всем и каждому лозунга. А упрощение

идей, коллеги, нередко извращает их истинный, первоначальный смысл. С водой, понимаете, и ребёнка не долго выплеснуть.

Лидерство, производное от масштабности замыслов, — ценное качество, кто спорит. Но лидер-паранойял посвящает свой труд, свою жизнь не сегодняшним, а будущим поколениям. Он надевает тяжёлое ярмо на себя и на своих соратников-современников, тем самым лишая всех окружающих его людей обычных человеческих радостей и желаний. «Крепитесь, друзья, — говорит паранойял, — скорее всего, мы погибнем, надорвавшись от непосильного труда, но наши потомки, (при этих словах нездоровый блеск его глаз усиливается), будут жить счастливо!»

Позиция, достойная аплодисментов, если отвлечься от мысли, что и на потомков найдутся свои паранойялы. Проблемы индивидуальности паранойялу неведомы, он их брезгливо отбрасывает от себя, воспринимает как недостойное нытьё. Он считает людей десятками, сотнями тысяч, миллионами и миллиардами... Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Паранойял жаждет и добивается коренных преобразований во всём, за что ни возьмётся. Он глубоко копает. Во многих случаях это хорошо. Без этого мир застыл бы на месте и погиб. Но, коллеги, вспомните наши рассуждения о диалектике глубины и поверхностности (см. главу 2). Вспомнили? То-то и оно.

Добавим к сказанному негибкость паранойялов, их склонность во всех ситуациях следовать одним и тем же, раз и навсегда избранным путём¹ — и психологическое описание качеств поведения (в первом приближении, разумеется), присущих этой тенденции, готово.

¹ Вдумаемся: паранойяльная преданность идее — это следствие тревоги, которая присутствует в нервной системе и является порождением органических изменений, ослабляющих её. Паранойял боится отклониться от избранного пути, держится за идею, как за поручень, но его сил, энергии всё же хватает, чтобы довести замысел до стадии воплощения.

Задачи. Любая задача, предполагающая получение конкретного результата, может быть доверена паранойялу. Нужно только знать, что он сразу же постарается укрупнить замысел, увеличить масштабы решаемой задачи, вывести её из разряда обычных, заурядных в первоочередные. Затем он развернёт деятельность столь бурную, что все прочие цели, стоящие перед организацией, отступят под этим натиском на второй план. Повторяю: задача может быть любая, даже самая на первый взгляд нереальная.

Русский философ Николай Фёдорович Фёдоров (1828–1903) в качестве главной миссии человечества провозгласил воскрешение всех ранее умерших («отцов»). Действительно, с гуманистической точки зрения смерть человека, переход его из бытия в небытие — величайшая несправедливость. А как же мысли, чаяния, чувства, привязанности, уникальный опыт каждого из живших и живущих донине на этой планете? — Все в землю ляжем? Всё прахом будет? Обидно. «Нужно, — призывал Фёдоров (вольный пересказ автора), — сделать всё возможное и невозможное, всё мыслимое и немыслимое, чтобы воскресить дорогих нашему сердцу мертвецов». Вот так. Ни больше ни меньше.

На первый взгляд идеяка завиральная. Абсурд. Но не тут-то было. Уже младший современник и последователь Фёдорова — К.Э. Циолковский (1857–1935) ставит эту задачу перед собой как вполне реальную и старается перевести её решение на технологический уровень.

«Хорошо, — говорит он себе, — мы их воскресим, не вопрос. Но где все они будут жить, чем питаться? Возможности Земли в этом плане ограничены, а народ будет всё прибывать и прибывать».

И Константин Эдуардович начинает усиленно думать об освоении околоземного пространства, о строительстве искусственных спутников Земли — обитаемых орбитальных станций, где и должны будут

поселиться вернувшиеся к жизни люди. В результате учёный выдвигает целый ряд важнейших научных идей, принципов, ставших основой космонавтики, ракетостроения.

В свою очередь, младший современник и последователь К.Э. Циолковского — Сергей Павлович Королёв (1906–1966) — превращает космонавтику из новаторской, полуфантастической идеи в ведущую отрасль науки и промышленности мировой сверхдержавы — Советского Союза, которая (отрасль), кстати сказать, во многом надорвала «экономический пупок» нашего многострадального Отечества.

Конечно, в современной космонавтике вряд ли что осталось от первоначального фёдоровского замысла. Но не торопитесь его, простите за невольный каламбур, хоронить: не перевелись на свете паранойялы. Разве модное нынче клонирование (с прицелом на клонирование человека) — не шаг по пути, предначертанному Фёдоровым? Интересная мысль, не правда ли?

Итак, паранойял любую задачу превратит в главную, приоритетную и добьётся реального результата. Зароните ему в голову идею социальной справедливости посредством уравнивания доходов и ждите, когда вас придут раскулачивать. Причём делать это будут его (и отчасти вашим) именем.

Поручите ему создать, скажем, юридический отдел в строительной фирме, и вскоре его усилиями эта фирма превратится в адвокатскую контору с маленьким строительным подразделением, ведущим лишь собственное — подсобное — строительство «хозспособом».

Но не следует поручать паранойялу работу, требующую внимания к конкретному человеку, к его индивидуальным проблемам. Из него плохой социальный работник, врач, воспитатель. Он не хочет и не умеет «беседовать по душам», сочувствовать, сопереживать, вообще тратить время на «единицу».

Не может паранойял и соотносить своё мнение с мнением других людей, вносить коррективы в собственную позицию. Поэтому переговорщик из него неважный — негибкий, упёртый, стремящийся подавить оппонента. Думаю, вы догадываетесь, к какому результату приведёт подобная манера вести переговоры? Конечно, к полному разрыву отношений, к конфронтации.

Особенности построения коммуникации. Грубой коммуникативной ошибкой в отношении паранойяла будет попытка его переубедить. Это не значит, коллеги, что автор рекомендует исключительно пораженческую позицию. Нет. Просто как бы вы ни старались, как бы ни были красноречивы и доказательны в речах, обращённых к паранойялу, он не воспримет их, останется при своём мнении, и вы даром потратите силы.

Как же быть? В представлении автора, если идея, которой предан паранойял, цель, которой он беззаветно служит, вас напрямую не затрагивают — оставьте его в покое. Пусть себе работает, стремится, достигает. Не спорьте с ним ради самого спора — дешевле обойдётся.

Если же он оказался прямо на вашем пути, что вынуждает вас либо бороться, либо сдаться, — боритесь. Только не с ним непосредственно. Выходите на вышестоящий уровень, на руководство (с надеждой, что там нет его единомышленников, или что там нет паранойялов, а с истероидами, эпилептоидами и т.д. справиться значительно легче). Отнимайте у него ресурсную базу. Апеллируйте к общественности, вербуйте сторонников. Вовсю эксплуатируйте собственную паранойяльность.

А если её в вас мало — сдавайтесь. Устраивайтесь ему в кильватер и, уверяю вас, вы не пожалеете. Благодаря флагману (он же — локомотив) паранойялу вы далеко продвинетесь в своих социальных достижениях. Вспомните, например, скольких своих соратников Королёв вывел в академики, в герои труда...

Паранойял снисходителен к бывшим оппонентам. Когда они приходят к нему с повинной, он воспринимает это как само собой разумеющееся. Конечно, ведь он-то никогда не сомневался в своей правоте, деля мир на единомышленников (т.е. праведников) и инакомыслящих (т.е. заблудших). Поэтому для него переход из стана заблудших в стан праведников — событие естественное и желанное¹.

Завершая разговор о паранойяльном радикале, давайте дадим свой ответ на вопрос, заданный в начале главы: так кто же строил железную дорогу?

Насыпь, вероятно, делал какой-нибудь Силантий, рельсы укладывали Дормидонт с Михеем, шпалы прибивали к полотну Захар с Никитой... Зосима пилил осины, Герасим валил их наземь, Прокоп вёл подкоп...

А железную дорогу строил граф Пётр Андреевич Клейнмихель. Так-то, душенька!

Аналогичный случай описан Ильфом и Петровым в замечательном романе «Двенадцать стульев».

«Фамилия инженера была Треухов. Трамвайная станция, постройка которой замерла на фундаменте, была задумана Треуховым уже давно, ещё в 1912 году, но городская управа проект отвергла. Через два года Треухов возобновил штурм городской управы, но помешала война... Треухов мечтал о большом деле. Ему нудно было служить в отделе по благоустройству Старкомхоза, чинить обочины тротуаров и составлять сметы на установку афишных тумб. Но большого дела не было. Проект трамвая, снова поданный

¹ Это свойство коренным образом отличает паранойяла от эпилептоида. У эпилептоида нет символа веры, нет определённой цели. Ему безразлично, во что верят другие, главное — из какой они стаи. С его точки зрения, попытка некой особи перейти из своей стаи в чужую — признак слабости, поражения. А слабых, тем более — чужаков, надо наказывать, и пребольно, что эпилептоид активно и осуществляет.

на рассмотрение, барахтался в высших губернских инстанциях... «Это варварство, — кричал Треухов на жену. — Денег нет? А переплачивать на извозпромышленников, на гужевую доставку на станцию товаров есть деньги?»... Он вынимал из стола напечатанные светописью на синей бумаге чертежи и сердито показывал их жене в тысячный раз. Тут были планы станции, депо и двенадцати трамвайных линий... Все хозяйственные работы по дому он выполнял сам. Он сконструировал и построил люльку для ребёнка и стиральную машину. Первое время сам стирал бельё, объясняя жене, как нужно обращаться с машиной. По крайней мере, пятая часть жалованья уходила у Треухова на выпуск иностранной технической литературы. Чтобы сводить концы с концами, он бросил курить... Вопрос решился благополучно... Треухов утонул в работе».

Трамвай в Старгороде, как вы помните, был пущен в эксплуатацию в аккурат к Дню международной солидарности трудящихся.

Вопросы и задания:

1. Каковы внутренние условия формирования паранойального радикала? Какие качества поведения связаны с этим радикалом?

2. Рассуждая об особенностях построения взаимоотношений с обладателем ярко выраженного паранойального радикала, автор, с неизвестно откуда взявшейся агрессивностью, советовал конкурировать за ресурсы. В ряде случаев это действительно уместно. Однако отношения между людьми лучше строить в формате сотрудничества. Как вы полагаете, можно ли сотрудничать с паранойялом и на какой почве? Ответ подкрепите примерами.

3. Назовите известных вам людей, наделённых доминирующим паранойяльным радикалом. Постарайтесь собрать о них больше информации, иллюстрирующей наличие данного радикала. (Вообще, коллеги, пора бы вам завести блокнот, куда записывать ваши собственные наблюдения, закрепляющие теоретический материал.)

ГЛАВА 5. Эмотивный радикал

Комната князя Андрея была в среднем этаже... Он услышал сверху женский говор.

— Только ещё один раз, — сказал сверху женский голос, который сейчас узнал князь Андрей.

— Да когда же ты спать будешь? — отвечал другой голос.

— Я не буду, я не могу спать, что же мне делать! Ну, последний раз...

Два женские голоса запели какую-то музыкальную фразу...

— Ах, какая прелесть! Ну, теперь спать, и конец.

— Ты спи, а я не могу, — отвечал первый голос... — Соня! Соня! Ну, как можно спать! Да ты посмотри, что за прелесть! Ах, какая прелесть!.. Ведь такой прелестной ночи никогда, никогда не бывало... Нет, ты посмотри, что за луна!

Л. Н. Толстой «Война и мир»

Сколько страсти! Сколько чувства! Наташа Ростова (а «первый голос», как вы помните, коллеги, принадлежит именно ей), в отличие от её подруги Сони, переполнена эмоциями. Она купается в них, как в пьянящем потоке, и хмелеет на глазах. Это не имитация, не полуинтуитивное стремление очаровать своим поведением князя Андрея Болконского, который в это время «стоял позадь забора». Нет. Это по-настоящему глубокие и красивые переживания.

Кому же они свойственны? Кто этот счастливчик, баблень судьбы и любимец природы? Конечно, обладатель эмотивного радикала. Но обо всём — по порядку.

Общая характеристика. Внутренним условием формирования эмотивного радикала является т.н. низкий порог эмоционального реагирования (иначе — высокая чувствительность к слабым сигналам).

Здесь есть о чём поговорить. Во-первых, что такое эмоциональное реагирование? Во-вторых, что такое в данном смысловом контексте порог? В-третьих, что означает низкий порог? Что ж, давайте разбираться последовательно.

Несмотря на разнообразие научных определений понятия «эмоции», большинство исследователей, а вместе с ними и мы — обычные люди, знающие толк в жизни, сходятся в главном. Эмоции — род психических явлений, обладающих рядом особенностей.

Начнём с того, что эти явления — реакции. Они возникают не активно, не сами по себе, в отрыве от происходящих событий, а реактивно, т.е. в ответ на некие стимулы. Это реакции неспецифические, они не привязаны намертво к какому-то определённом объекту (предмету, явлению природы, классу предметов или явлений), как, скажем, понятия или образы.

В сознании человека каждый значимый объект пребывает в виде понятия и / или образа. При этом понятие содержит информацию о сущности отражаемого объекта, а образ — в основном о его форме. Конечно, эта информация с течением времени, с накоплением опыта уточняется, обогащается. Но она всегда является производной от этого конкретного объекта, а не от какого-то другого, как отражение в зеркале, как тень. Они могут несколько видоизменяться, но это, тем не менее, моё отражение, моя тень. Они существуют, пока существую я. Подойдёт к зеркалу другой человек — и там появится уже не моё, а его отражение...

Вот, к примеру, лопата. Каждый из нас хорошо представляет себе зрительно и понимает, что это за предмет, как он выглядит, для чего используется. В нашем сознании существует и образ, и понятие «лопата». Зрительный образ является результатом восприятия, понятие — результатом мышления¹. Образ более кон-

¹ Подробнее о том, что такое мышление, мы поговорим при обсуждении шизоидного радикала.

кретный, понятие — более обобщённое, абстрактное. Но и в образе лопаты, и в понятии «лопата» отражена специфика именно лопаты, а не стула, раковины или самолёта.

Другое дело — эмоции. Нет эмоциональной реакции, которая соответствовала бы исключительно лопате и ничему другому. У разных людей лопаты вызывают разные эмоции — кто-то с энтузиазмом потирает руки в предвкушении удовольствия от физического труда, кто-то брезгливо кривит рот, понимая, что его ждёт утомительная и непрестижная работа... С другой стороны, у одного и того же человека одна и та же лопата, но в разных обстоятельствах, в разные периоды жизни вызывает неодинаковые эмоции. Наконец, одинаковые эмоциональные реакции могут вызывать абсолютно разные предметы: например, радость — не только лопата (что ж автор застрял-то на ней!), но и новый автомобиль, фляга воды в пустыне, канцелярская кнопка, на которую уселся ничего не подозревающий преподаватель и т.д.

Иными словами, эмоции отражают не форму и содержание объектов, а скорее их субъективное значение для конкретного индивида.

Наконец, эмоции конкурируют с мышлением за поле сознания. Когда происходит активный процесс интеллектуальной обработки информации, эмоции отступают. И наоборот: сильные эмоции вытесняют рациональную оценку происходящего, «выключают» мышление.

Перечисленные выше признаки как раз и позволяют отнести исследуемое психическое явление к эмоциям. И не только отнести, с целью научной классификации, но и глубже познать его суть.

В представлении автора, наиболее точное определение сути эмоций дали кибернетики, занимающиеся проблемой создания искусственного интеллекта. По мнению этих учёных, эмоции — аналоговая модель психизма. В то время как мышление — дискретная мо-

дель психизма. Бог с ним, с психизмом! Мы с вами и без специальных пояснений догадались, что под этим термином понимается субъективное отражение объективного мира посредством человеческой психики. Интереснее ситуация с аналоговой и дискретной моделями.

В данном контексте аналоговая модель, если автор правильно понимает, — это отражение мира в его непрерывном существовании, отражение — как единого целого — предметов, пространства, в котором они расположены, времени, с течением которого они изменяются...

Дискретный — значит прерывистый. Действительно, понятия, являющиеся результатом мышления, чётко отделены друг от друга (об этом мы говорили чуть выше). «Каждому предмету — собственное понятие», — скажем мы, почти не искажая реальности.

Что же получается? В понятиях сконцентрирована информация о сущности, о наиболее важных, наиболее устойчивых во времени свойствах предметов (явлений) окружающего мира. Однако понятие о предмете — не сам предмет. Понятие — вещь абстрактная. Пока мы его используем в умозрительных рассуждениях о природе вещей, реальные предметы живут своей жизнью, меняются (в каких-то мелочах, частностях, но тем не менее), взаимодействуют с другими предметами и с нами, теряя своё прежнее — субъективное и объективное — значение и приобретая новое и т.д.

Для того чтобы не упустить этот, остающийся за пределами понятий, но от этого не менее важный, пласт информации, существуют эмоции.

Эмоции обеспечивают человеку возможность отражать мир как нечто целое, непрерывное, единое. В этом, получается, их главное предназначение.

Следует ли из этого, что посредством эмоций человек фиксирует в своём сознании абсолютно всё, что происходит вокруг и внутри него?

Что и говорить, природа одарила нас уникальными возможностями воспринимать информацию. Мы

можем слышать тепловое движение молекул, видеть горящую свечу, расположенную на расстоянии тысячи метров от нашего глаза... Мочь-то можем, а вот слышим, видим ли? Далеко не все и не всегда.

Информацию, которую улавливают наши органы чувств, психика воспринимает выборочно¹.

Чтобы получить шанс быть отражённым человеческой психикой, объект должен воздействовать на неё с достаточной силой. Сила воздействия, минимально необходимая для того, чтобы вызвать эмоциональный отклик, называется порогом эмоционального реагирования. Люди, у которых этот порог относительно ниже, чем у остальных, получают возможность реагировать на слабые, незаметные для большинства окружающих, сигналы. Они — вне зависимости от своего желания, повинувшись собственной природе — чувствуют малейшие изменения ситуации, эмоционально откликаются на мельчайшие детали, нюансы происходящего. Эту особенность психики, накладывающую отпечаток на поведение человека, мы и будем, коллеги, называть эмотивным радикалом.

Эмоции принято делить на низшие и высшие.

Низшие эмоции возникают при непосредственном воздействии раздражителя на органы чувств: положили в рот вкусный кусочек, выпили с морозца рюмку водки, почесали пятки перед сном, приняли горячую ароматную ванну — почувствовали удовольствие.

Высшие — сопровождают интеллектуальную деятельность. Сначала вырабатывается понятие о происхождении, затем это понятие соотносится с непрерывным контекстом жизни и наделяется субъективным значением («и увидел он, что это хорошо»; «над вымыслом слезами обольюсь» и т.п.).

Разумеется, порог эмоционального реагирования для низших и высших эмоций — не совсем одно и то

¹ До центральной власти тоже доходит не всё происходящее на местах — законы управления универсальны.

же. Чтобы возник эмоциональный отклик на лёгкое почёсывание за ухом, достаточно иметь чувствительную нервную систему. Чтобы эмоционально отреагировать на замечание Остапа Бендера в адрес дипломатов, играющих в теннис: «класс игры невысокий», одной чувствительной нервной системы мало. Нужен изощрённый ум, богатый запас знаний, высокая интеллектуальная культура.

Но, учитывая эту разницу, мы, тем не менее, отметим, что если человек лишён чувствительной нервной системы, никакой интеллект не поможет ему стать эмоциональным, отражать смысловые нюансы, подобные указанным выше. Поэтому внутренним условием эмотивного радикала мы будем считать именно её.

И ещё одно замечание. Принято полагать, что чувствительность нервной системы обратно пропорциональна её силе. По наблюдениям автора, это не совсем так: слабая нервная система рождает тревожность, а не эмоциональность.

Эмоции — богатые, разнообразные, «спектральные» переживания (от неизбывной тоски до бурной радости, восторга; от экстаза до гнева, негодования), делающие жизнь человека более насыщенной, глубокой, яркой, требующие энергетических затрат и, самое главное, обеспечивающие постоянство внутренней среды организма и восстанавливающие психическое равновесие.

Тревога одномерна, «монохромна» (либо есть, либо нет), тягостна, поскольку она всегда ухудшает субъективное восприятие качества жизни. Она расшатывает психику. Таким образом, человек стремится переживать эмоции и избавиться от тревоги.

Поэтому автор солидарен с теми исследователями, которые видят причину развитой эмоциональной чувствительности в особом, природой заданном, режиме функционирования специализированных структур головного мозга.

Для нас с вами, коллеги, важно не приписывать на поведенческом уровне обладателям эмотивного ради-

кала несвойственной им энергетической слабости, низкой работоспособности и т.д.

Завершая этот раздел, скажем, что эмотивный радикал порождает две главные тенденции в поведении человека: альтруистическую (гуманистическую) и эстетическую (гармонизирующую). Связанные с этими тенденциями качества мы рассмотрим ниже.

Внешний вид. Специфического эмотивного *телосложения* не существует. Однако уместно сказать, что каким бы ни было реальное телосложение обладателя эмотивного радикала, на первый взгляд (а, возможно, и на второй, и на третий) оно покажется гармоничным.

Главным свойством эмотива (давайте так назовём носителя выраженного эмотивного радикала) является способность чувствовать гармонию и приводить ей в соответствие самого себя и всё, что находится в окружающем пространстве.

Что есть гармония, если не равновесие, не соразмерность во всём, вплоть до мельчайших деталей? Равновесие не только внутри объекта, в его составных частях, свойствах, но и в его положении относительно других объектов, относительно ситуации, в которой он находится. Эмотив чутко реагирует на любое отклонение от этого равновесия и стремится его восстановить.

Поэтому, будь он сам Квазимодо, эмотив найдёт способ элегантно завуалировать недостатки собственной внешности: что-то задрапирует тканью, что-то спрячет или, напротив, выделит цветом, что-то заgrimит умело наложенным макияжем — словом, у него получится.

В отличие от истериода, эмотив не намерен во что бы то ни стало привлекать к себе внимание других людей, но он, тем не менее, не останется незамеченным. Его внешность будет яркой в такой степени, чтобы, с одной стороны, не слиться с фоном, а с другой — не мозолить глаза окружающим. Не больше и не меньше.

Всё в нём соразмерно и адекватно внешним и внутренним условиям — цвет и форма волос, глаз, губ,

одежды, лака на ногтях, белья, количество и разнообразие украшений...

Чувство стиля, вкус, гармония — вот качества *оформления внешности*, присущие эмотивному радикалу.

Любопытная деталь: эмотивы не любят углов, ни острых, ни прямых, в том числе в одежде. Они охотно носят трикотаж — мягкие, свободного покроя свитеры, пуловеры, платья, шейные платки, при этом избегают тесной, давящей одежды, аксессуаров (галстуков, перчаток, обтягивающих джинсов и т.д.).

Индивидуальное пространство эмотива оформлено не менее гармонично и со вкусом, чем его внешность. В нём обязательно присутствуют произведения изобразительного искусства, художественной литературы (прежде всего — романтическая проза, стихи), музыкальные инструменты.

Эмотив не только искушённый и жаждущий новых впечатлений зритель (читатель, слушатель), он нередко сам рисует, пишет стихи, музыку, поёт... Все эти занятия и увлечения накладывают своеобразный отпечаток на пространство, обустроенное эмотивом, овеществляются в нём¹.

Эмотивы часто пребывают в элегическом настроении («утро туманное, утро седое»), которое отражается в их *мимике*. Эмотива выдают печальные глаза, задумчивые, слегка подёрнутые влагой, мягкий, добрый взгляд («у тебя глаза добрые»).

Жестикуляция сдержанная (в плане размаха, амплитуды движений), но экспрессивная, точно и ёмко выражающая искренние переживания, свойственные эмотивам. Характерны плавные женственные жесты

¹ Сравните: истероид украсит интерьер собственным портретом; паранойял — портретом вождя, авторитетного мыслителя, подарившего ему цель в жизни; эмотив — картиной «Московский дворик» или «Грачи прилетели»; эпилептоид выбросит всё это к чёртовой матери и, покрасив стену в немаркий серый цвет, вывесит на ней таблицу «Распорядок дня» с собственноручными подписями всех чад и домочадцев в графе «ознакомлен».

(независимо от реальной половой принадлежности индивида). Часто мы заблуждаемся, принимая женоподобных мужчин-эмотивов за гомосексуалистов. Истинный гомосексуализм, если вы не забыли, — прерогатива эпилептоидного радикала.

В то же время широко распространено мнение, в соответствии с которым эмотивные (и истероидные) черты характера действительно принято относить к женским, а сочетание эпилептоидного и паранойяльного радикалов — к мужским. Возможно, эмотивная жертвенность, нежелание и неспособность оказать жёсткое сопротивление претенденту на их жизненное пространство на самом деле предрасполагают к вовлечению в гомосексуальные отношения?

Интересно, что думают на этот счёт специалисты?

Позы эмотивов удобные, свободные, при этом не стесняющие окружающих. Про таких говорят: «ловок и органичен, как зверь». Действительно, всякий раз, глядя на эмотива, кажется, что он выбрал оптимальную позу — удобную для него и для всех, изящную без наигранности, выигрышную без напряжённости, красивую без претенциозности. На этом, впрочем, всё звериное в нём заканчивается.

Качества поведения. Эмотив — эстет, он тонко чувствует красоту и глубоко переживает малейшие отклонения от её канонов. Он страдает, глядя на аляповатую мазию вместо живописи или на грубую эклектику, выдаваемую за новое слово в искусстве, слушая фальшивое пение или резонёрство глупца, объявляемое вершиной мудрости (при том, что он способен и в эклектике, и в гротеске уловить гармонию... Разумеется, если она там есть).

Это человек истинных, а не наигранных эмоций, сочувствующий, сопереживающий другим людям. Он всегда готов предоставить плачущему свою жилетку. По отношению к человечеству эмотив — антипод эпилептоиду. Он альтруист, человеколюбец, он воспринимает боль ближнего острее, чем свою собственную.

В отличие от паранойяла, нужды, чаяния индивида он воспринимает острее и ценит значительно выше, чем абстрактное, с его точки зрения, «блага общества». Во взаимоотношениях с окружающими эмотив тактичен, он очень внимателен, чуток к происходящему, хорошо улавливает малейшие оттенки настроения собеседника.

Он не может причинить не только физического (помните, у Высоцкого: «Бить человека по лицу я с детства не могу»¹), но и психологического ущерба. Он не станет говорить «в доме повешенного о верёвке». Он скажет только то, что на самом деле будет уместно и поможет разрядить обстановку, и только тогда, когда придёт для этого время.

Эмотив щепетилен в вопросах морали, наделён «нравственным чувством», совестлив.

Определимся, коллеги, с понятиями «мораль» и «нравственность». Мораль — это формы поведения, допустимые в обществе. Границы морали вполне разумные, щадящие, и общество вправе требовать от своих членов морального поведения. При этом мораль имеет тенденцию меняться, отражая объективные перемены, происходящие в социуме. Мораль вообще во многом зависит от условий, в которых живут люди. Мораль Средневековья и современности, бедных и богатых слоёв общества, гуманитариев и естественников, верующих и атеистов разная. Сегодня она уже не такая, какой была вчера, а завтра будет не такой, как сегодня.

Нравственность же — это представления человечества об идеале взаимоотношений (как с точки зрения формы, так и содержания). Нравственность неизменна с сотворения мира, её постулаты универсальны, одина-

¹ Согласитесь, коллеги, что бить человека по лицу вообще невозможно. Ударить можно «гада», «свинью» и т.д. «по харе», «по рылу», «в пятак» и т.п. Нужно только представить себе свиное рыло вместо человеческого лица — и вперёд! Эпилептоиду это сделать легко. Эмотиву — невыносимо. Для эмотива человек всегда останется человеком, а его лицо — лицом, ликом.

ковы для всех людей, без исключения. При этом требовать от обыкновенного человека исключительно нравственного поведения — утопия. Эта задача из разряда невыполнимых.

Очевидно, что люди ведут себя по-разному, в том числе и по отношению к морали и нравственности. Рассмотрим это на примере известных нам радикалов.

Истероиду утешительно думать о своей принадлежности к высокоморальной и высоконравственной части человечества. Он не упускает случая подчеркнуть и продемонстрировать это на людях. На самом же деле в плане соблюдения моральных норм он весьма нетребователен — ни к себе, ни к окружающим. Он допускает многое, лишь бы не было ненужной огласки. Нравственность, замешанная на глубокой эмоциональности, истероиду вообще чужда.

Мизантропы-эпилептоиды по определению безнравственны, при этом они активно третируют окружающих, заставляя их подчиняться чрезмерно жёстким моральным требованиям (эпилептоидное ханжество). Таким образом, эпилептоиды пытаются властвовать над другими от имени общества, на что, собственно, их никто не уполномочивал (мы сравнительно недавно обсуждали это, коллеги, см. главу 3).

Паранойялы избирательно подходят к решению моральных проблем. Они хорошо знают, чем индивид обязан обществу, но вторая сторона медали — чем общество обязано индивиду, для них «покрыта мраком», как обратная сторона Луны.

Есть только один радикал, заставляющий своего обладателя не разделять субъективно мораль и нравственность, и стараться достичь идеала в повседневных отношениях между людьми, стремиться к торжеству добра, милосердия. Этот радикал (тоже мне, секрет Полишинеля!) — эмотивный.

Ответственность, добросовестность — качества, которые эмотив проявляет в деятельности. Как часто мы, давая положительную характеристику своим сослу-

живцам, через запятую перечисляем слова «исполнительный», «добросовестный», хотя это совсем не одно-коренные свойства характера. Если исполнительность замешана, скорее, на тревоге, на боязни не сделать что-то вовремя и как следует, то в основе добросовестности лежит стремление не подвести товарищей, не уронить честь коллектива, глубокое чувство долга, ответственности за порученное дело.

Лишь эмотиву по-настоящему вняты такие понятия, как «самопожертвование», «патриотизм», «гражданственность» и т.п.

Почему? Да потому, что эти понятия не имеют рационального объяснения. «С какой такой радости я должен жертвовать своим здоровьем, жизнью, благополучием, достатком? Разве что силой заставят, припугнут», — так рассуждают многие и находят это логичным.

Вообще-то, если быть абсолютно корректным, рациональное объяснение самопожертвованию существует. И природа, и общество обязаны жертвовать малым, чтобы сохранить большее. Судьба индивидуума всегда вторична по отношению к судьбе вида. Но рассуждать подобным образом несвойственно человеку, пекущемуся прежде всего о себе (пожалуй, только шизоид способен, поразмышляв недельку-другую о взаимоотношениях индивида и общества, прийти к логическому заключению, что, дескать, пора принести себя в жертву).

А вот человеку, живущему эмоциями, логика не обязательна. Он и без неё — на интуитивном уровне — осознаёт, как следует поступить в критический момент, когда и во имя чего нужно «броситься на амбразуру». В таких ситуациях он реализует характерные для эмотивного (и ни для какого другого!) радикала эмоционально насыщенные, «возвышенные» стереотипы поведения.

Привлекательные качества характера сопряжены с этим радикалом, кто спорит! Но диалектика вновь не позволяет нам ограничиться односторонним анализом

феномена эмотивности. В каких же случаях человеколюбие, сострадательность, жертвенность, тактичность эмотива оборачиваются во вред ему и окружающим?

Как ни парадоксально, таких случаев немало. А в нашей суровой действительности они происходят, что называется, сплошь и рядом.

Когда жизненно необходимо покарать зло (не абстрактное, а вполне конкретное, одушевлённое, персонифицированное), защититься от обидчика, приструнить разболтавшийся коллектив, наладить дисциплину, установить жёсткий порядок, без которого рухнет организация и т.п., человеколюбие превращается в слунтйство, а сострадательность — в попустительство.

Добро, как известно, должно быть с кулаками, а эмотивность — добро без кулаков, непротивление злу насилием. Это, с одной стороны, открывает перспективу (весьма отдалённую, судя по всему) торжеству нравственности, но с другой — часто ставит палки в колёса реальному развитию событий.

Задачи. Где могут найти применение преимущества эмотивного радикала? В работе с людьми, разумеется. Эмотиву не нужно напоминать о том, что его коллеги, друзья, близкие, просто окружающие нуждаются в помощи, в доброжелательном внимании, в психологической поддержке. Что они — обыкновенные смертные, которым свойственно ошибаться, заблуждаться, нервничать по пустякам, болеть, страдать... Эмотив будет переживать внутренний дискомфорт, если его лишить возможности посочувствовать ближнему.

Эмотивы — хорошие воспитатели (главным образом там, где нужно смягчить от природы крутой нрав воспитанника), сиделки, домашние (семейные) или курортные врачи, психологи, социальные работники. Из них получаются неплохие официанты, служащие гостиниц, продавцы.

Следует при этом учитывать, что ничего, кроме сострадания, жалости, внимания, тактичности и т.п., эмотив подарить другим не может. И там, где требуется во

благо человека проявить твердость, жёсткость — эмотивный радикал только мешает.

Лучший хирург, например, получится не из эмотива, а из эпилептоида, поскольку человека, нуждающегося в экстренной помощи, нужно оперировать как можно скорее и со знанием дела, а не поливать горячими слезами¹.

Другая группа профессионально важных качеств (и соответствующих им задач), сопряжённых с эмотивным радикалом, — это эстетизм, развитое чувство гармонии, красоты. Эмотив не выносит намёка на пошлость, грубость, дисгармонию (точно так же, как эпилептоид не терпит нечистоты), и это делает его незаменимым редактором — в широком смысле этого слова — любого продукта творческой деятельности².

Эмотив обладает уникальным даром привносить красоту во всё, чего бы он ни коснулся. Помните, спор в стихотворении Саши Чёрного: «Когда в хрусталь налить навозной жижи, не станет ли хрусталь безмерно ниже?.. — И лучшего вина в ночном сосуде не станут пить порядочные люди... Им спора не решить, а жаль. Не лучше ль наливать вино в хрусталь?»

Наливать вино в хрусталь — вот удел эмотивов. В широком и в узком смысле. Они — прекрасные оформители, декораторы. Без эмотивного радикала в характере немислим художник, музыкант, архитектор, артист...

Чего нельзя поручать эмотивам? Того, что следует вверять эпилептоидам: охрану, расправу, оборону, разведку, контроль. Да уж, в разведку с ними идти нельзя!

Эмотив, несмотря на всю свою добросовестность, на этих и подобных им участках работы даст слабину, распустит нюни, развесит уши. Он пропустит на режим-

¹ Интересно в этой связи, что многие хирурги, имеющие в характере достаточно выраженный эмотивный радикал, стремятся найти способ терапевтического лечения т.н. «хирургических» болезней, иными словами — ниспровергают собственную профессию.

² Сама эмотивная тенденция не предполагает творческого начала — это прерогатива шизоидов.

ный объект без пропуска «милого человека, который устал ждать снаружи, замёрз», он даст неоправданную отсрочку необязательному должнику, он не сможет (не позволит себе!) обвести вокруг пальца человека, с которым живёт под одной крышей. Он, скорее, выстрелит в воздух, чем в заклятого врага¹.

Особенности построения коммуникации. На первый взгляд никакие рекомендации по улучшению взаимоотношений с обладателями этого радикала просто не нужны. Эмотив сам выберет оптимальный способ общения, извинит неловкость, смирится с бестактностью, будет стараться найти в собеседнике что-то доброе, светлое, хорошее. Да, это так.

Но, прощая многое, эмотив испытывает наиболее сильный, стойкий дискомфорт от одного лишь недостатка — от неискренности.

Не пытайтесь его обмануть. Не наигрывайте дружелюбия, дружеского расположения, интереса к его персоне. Он сразу же почувствует ложь и очень огорчится. Нет, он не обидится, не затаит на вас злобу (как это сделал бы эпилептоид). Он станет думать, что его общество вам в тягость, и постарается отойти на предложенную вами (так ему будет казаться) дистанцию. Доверительность, возможная и желательная между вами, понесёт ущерб. Лучше уж откройте ему ваше настроение (пусть не самое радужное), выскажите претензии.

В отношениях с эмотивом добрая ссора лучше, чем худой мир. Минутная потеря самоконтроля лучше, чем постоянное ношение непробиваемого панциря, футляра.

Вопросы и задания:

1. Назовите внутренние условия возникновения и основные качества поведения, присущие эмотивному радикалу.

¹ Автору рассказывали про генерала, который перед строем отдавал команду: «Пожалуйста, смирно!» — чем, естественно, вызывал презрение у подчинённых-эпилептоидов.

2. Прочитайте отрывок из романа Л.Н. Толстого «Война и мир»:

«Когда Ростов подъезжал к полку, он испытывал чувство, подобное тому, которое он испытывал, подъезжая к... дому. Когда он увидел первого гусара в расстёгнутом мундире своего полка, когда он узнал рыжего Деменьтева, увидал коновязи... Когда Лаврушка радостно закричал своему барину: «Граф приехал!» и лохматый Денисов... Выбежал из землянки, обнял его и офицеры сошлись к приезжему, — Ростов испытал такое же чувство, как когда его обнимала мать, отец и сёстры, и слёзы радости, подступившие ему к горлу, помешали ему говорить».

Ответьте, пожалуйста, на реплику персонажа этого великого романа Василия Денисова: «Экая... Ваша порода Ростовская». Так какая же это «порода»? Свой ответ подкрепите примерами.

3. Раз уж вы взялись перечитывать «Войну и мир», найдите примеры проявления эмотивного радикала в поступках других персонажей: князя Андрея, княжны Марьи, Пьера Безухова.

4. Назовите профессии, в которых необходима эмотивность. В какой степени и почему она вредит или помогает вашей профессии?

5. Что подумает эмотив о человеке, толкнувшем его в метро? Когда вы найдёте правильный ответ, обсудите этот пример с детьми, в воспитательных целях (только, боже упаси, не перепутайте эмотива с эпилептоидом!).

ГЛАВА 6. Шизоидный радикал

Сущность каждого радикала можно выразить одним или несколькими словами. Например, для определения основного качества истероидного радикала более всего подходит слово «демонстративный» или словосочетание «создающий иллюзорное благополучие». Эпилептоидный радикал можно иначе называть взрывчатым, агрессивным, застревающим на негативных эмоциях, стремящимся к формальному порядку; паранойяльный — тоже «застревающим», но на конкретной цели, на идеях преобразования природы и общества; эмотивный — чувствительным, гармонизирующим...

Каким же словом (или словами) выражается сущность шизоидного радикала? Автор долго размышлял над этим, коллеги. Хотел, как поётся в известном романсе, «в единое слово...». Но ничего не получилось, не пришло в голову, кроме слова «странный». Странные это люди — шизоиды. Не от мира они сего...

Общая характеристика. В основе шизоидного радикала лежит специфическая особенность мышления. Какая? Давайте сначала разберёмся, что такое «мышление».

Обсудим это на примере. В качестве подспорья возьмём какой-нибудь известный, хорошо нам знакомый предмет. Скажем, стол. Внимательно рассмотрим его и перечислим качества, которые нам удалось в нём обнаружить... Позвольте, коллеги, автору вести речь о его собственном столе, поскольку за вашими столами ему сживать не приходилось. Вы же смело используйте собственную мебель, потому что для наших рассуждений принадлежность или иное индивидуальное свойство конкретного стола не будет иметь решающего значения (если только не... Однако поживём — увидим).

Итак, у стола есть размер (в случае автора — чуть больше метра в длину, шестьдесят сантиметров в ширину и более семидесяти — в высоту), цвет (коричневый, а у вас?), качество материала, из которого он сделан (умолчим для ясности), вес (стол достаточно тяжёлый, но всё же его можно приподнять в одиночку), количество опор-ножек (четыре — у кого меньше или больше?) и т.д.

У стола есть ещё и характерная форма — горизонтально расположенная плоскость (столешница), удерживаемая на определённом (удобном для сидящего человека) уровне посредством вертикальных опор.

Теперь вопрос: какое из перечисленных качеств является самым главным, принципиально важным, делающим этот предмет именно столом, а не роялем, телевизором и т.д.? Кто сказал «цвет»?! Разумеется, форма.

Именно форма, поскольку она и определяет предназначение данного стола (и миллионов ему подобных) — служить предметом мебели, на котором удобно располагать различные принадлежности для приёма пищи, орудия труда, приспособления для игр и т.д. Изменится то, что мы с вами сейчас называем формой (допустим, плоскость-столешница расположится не строго горизонтально, а под углом в сорок пять градусов) — предмет перестанет быть столом. Но если изменится только цвет (коричневый перекрасим в чёрный) или материал (сделаем не из дерева, а из металла) — стол останется столом. Надеюсь, это понятно.

Среди самых разнообразных по цвету, размеру, весу, деталям формы и т.д. предметов мы легко находим столы. Да, конечно, столы бывают обеденные, письменные, журнальные. Но всех их объединяет, роднит, сближает этот главный родовой признак: горизонтальная столешница на вертикальных опорах.

Специфическая форма стола настолько врежется нам в сознание, что оказавшись (вообразим на минуту!) на инопланетном космическом корабле или производя

археологические раскопки древнего города и натываясь на знакомую нам горизонтальную поверхность... (далее — по вышеприведённому тексту), мы уверенно определяем: это стол, а что же ещё?

Пока не отдавая себе в этом отчёт, мы, уважаемые коллеги, только что проделали основные операции познавательного психического процесса, именуемого мышлением.

Бросив взгляд на окружающее пространство и остановив его на столе, мы осуществили т.н. *первичный синтез*. В нашем сознании перестало существовать всё, кроме стола. Разложив конкретный (автор — свой, вы — свой) стол на отдельные элементы-качества: форму, размер, цвет, и оценив каждое из них с точки зрения значимости, мы провели *анализ*. Собрав всё опять в единое целое, но уже в иерархической последовательности качеств: сначала — самое главное, затем — всё остальное, освоили вторичный синтез или просто *синтез*.

Поняв в результате, что такое стол и разделив все мыслимые столы на группы: обеденные, офисные, верстаки и т.д. (в зависимости теперь уже не от принципиально важного, которым наделены все эти предметы, без исключения, а от ряда второстепенных качеств), мы осуществили *классификацию*, а осознав роль и место стола в мировом пространстве, его всемирно-историческое значение и неразрывную взаимосвязь с другими предметами — поднялись до *систематизации*.

Таким образом, мышление — это познание предметов и явлений окружающего мира через их главные, принципиально важные качества, свойства. Результатом такого познания становится *понятие* об этом предмете (явлении), которым человек оперирует в своих рассуждениях и действиях.

Иными словами, для того, чтобы правильно ориентироваться в мире и продуктивно взаимодействовать с ним, вовсе не нужно знать каждый сущий в нём предмет «в лицо». Да это и невозможно. Достаточно иметь

чёткое представление о главных свойствах основных, необходимых для жизни и деятельности, предметов, чтобы распознавать их при встрече¹.

Понятие о предмете (явлении) содержит информацию о свойствах не только принципиально важных, но и общих для огромного количества аналогичных предметов (явлений). В понятии, как правило, нет места частностям, сугубой конкретике. В этом смысле оно оторвано от конкретного предмета, что дало основание называть мышление отвлечённым, *абстрактным познанием*. Понятие, выраженное словами, называется определением, формулировкой... Ну, вот, пожалуй, и хватит теории.

Проведём эксперимент. Вашему вниманию, коллеги, предлагаются пять предметов, из которых вам предстоит, основываясь на их главных, с вашей точки зрения, свойствах, исключить один — лишний в этом смысловом ряду.

Будьте предельно внимательны. Начали: гнездо, нора, муравейник, курятник, берлога. Автор замер в ожидании ответа. Назовите лишнее.

Гнездо? Пожалуйста, аргументируйте вашу позицию. Вы говорите, что гнездо, в отличие от всего прочего, расположено высоко, на дереве, и в нём живут птицы? Прекрасно. А как же куры, они-то живут в курятнике? Курица — не птица? Хорошо. Принимается. Кто следующий?

Нора? Почему? Глубоко в земле? Её нужно рыть, прилагая усилия, в то время как берлога — просто удобная для лежбища яма, которую находит медведь? Логично. У кого другое мнение?

¹ Рассуждая о столе, мы сформулировали (возможно, не с исчерпывающей полнотой, но в основном) следующее понятие: стол — это предмет, состоящий из горизонтально расположенной плоскости (столешницы), укрепленной на вертикальных опорах. Теперь мы можем смело идти по жизни с этим знанием и с его помощью делить — классифицировать — все попадающиеся на нашем пути предметы на «столы» и «не-столы». Очень удобно!

Муравейник? В нём живут насекомые, а это — особый мир? Мир почти внеземных существ? Тем более — муравьи, которых некоторые исследователи вообще считают формой разума, альтернативной человеческому? Да уж. Серьёзная заявка на победу в нашей маленькой викторине. И, тем не менее, какой же ответ правильный?

Курятник. Конечно, курятник! Безусловно, курятник! Ведь это — сельскохозяйственная постройка. Её сооружают люди, а не куры. Курятник следовало бы расположить в одном ряду не с гнездом и норой, а с коровником, овчарней, конюшней...

В чём же ошиблись те из вас, кто дал другие ответы? И ошиблись ли они?

Да, с точки зрения ортодоксального мышления — ошиблись. С точки зрения шизоидного мышления — нет.

Шизоиды отличаются от всех остальных (не шизоидов, людей с ортодоксальным мышлением) тем, что понятия о предметах (явлениях) окружающего мира у них формируются на основе не только главных, но и второстепенных и десятистепенных по значимости качеств.

Шизоиды легко создают понятия даже на основе вымышленных, предполагаемых свойств, подчас игнорируя при этом очевидные, реальные.

И главные, и малозначительные, и реальные, и иллюзорные качества предметов (явлений) могут с одинаковой вероятностью занять в сознании шизоида место основного, принципиально важного, без которого этот предмет (явление) существовать не может. Получается, что у шизоида для каждого предмета припасено несколько равновеликих по значению понятий. Не верите? Автору, представьте, удалось это доказать экспериментально.

Со времён психологической юности, коллеги, в душу автору запал эксперимент, поставленный аспиранткой, а впоследствии — знаменитым на весь мир психологом, профессором Московского государственного уни-

верситета им. М.В. Ломоносова Блюмой Вульфовой Зейгарник. А было так (или почти так — память с годами слабеет, знаете ли).

По аспирантскому обыкновению, ей не хватило денег, чтобы расплатиться в кафе, и она (юная и обаятельная!) уговорила официанта отпустить её с условием, что завтра она вернёт ему долг. На следующий день, возвращая необходимую сумму, Блюма Вульфовна обратила внимание на то, что официант хорошо запомнил её среди сотен вчерашних посетителей (кафе пользовалось популярностью). Будь на месте Зейгарник какой-нибудь истероид, он наверняка приписал бы это собственной яркой и неотразимой индивидуальности. Но не такова была наша пытливая аспирантка. Она, поразмыслив на досуге, пришла к выводу, что всё дело в том, что незавершённое действие запоминается человеком лучше, чем завершённое. Этот феномен вошёл в историю психологии как «эффект Зейгарник».

Всю жизнь завидуя (по-белому!) Блюме Вульфовне, автор, наконец, решился и поставил свой собственный эксперимент практически в аналогичных обстоятельствах. Не уверен, что он станет классическим, войдёт в историю (куда там, не влипнуть бы в какую-нибудь историю!), но всё же, всё же...

Как-то раз, сидя за чашечкой кофе в дружеской компании, автор с коллегой-психологом заспорили о происхождении шизоидности.

Коллега настаивал на том, что в основе этого психического явления лежит своеобразная эмоциональность («дерево и стекло», как называл это Кречмер). Шизоиды, дескать, нередко остаются безучастными к очень важным, напрямую затрагивающим их личные интересы, событиям («дерево») и в то же время неожиданно остро реагируют на пустяки («стекло»). Автор, как вы догадываетесь, отстаивал приоритет своеобразно (см. выше) устроенного мышления, которое, кроме всего прочего, обуславливает и феномен «деревя и стекла».

Действительно, обсуждая этот феномен, мы ведём речь о высших эмоциях, являющихся производными от результатов мышления (глава 5, помните?). Шизоид потому так неортодоксально воспринимает происходящее, что он, не видя в упор того главного, в чём заключён его кровный интерес, берёт во внимание нечто второстепенное и реагирует соответственно — как на малозначительное событие. И наоборот. С эмоциональностью (если рассматривать её в отрыве от остальной психики) у шизоидов всё в порядке. Замёрзший шизоид в тёплой ванне испытывает то же блаженство, что и любой ортодокс! Так что эмоциональность здесь ни при чём. Мышление сбивает прицел.

Так вот, уважаемые коллеги, чтобы обосновать свою точку зрения, автор взял в руки кофейную чашку и стал на её примере пояснять окружающим¹ сущность мышления.

«У этой кофейной чашки, — сказал автор, обращаясь к своим приятелям, шизоиду и ортодоксу, — есть целый ряд свойств: размер, цвет, вес, качество материала (увы, в подобных объяснениях не избежать повторов), форма — чашка представляет собой ёмкость для жидкости... Какое из перечисленных свойств является основным, принципиально важным для этого предмета?»

Два ответа прозвучали молниеносно и одновременно как выстрелы на дуэли.

«Форма, ёмкость», — сказал ортодокс. Шизоид ответил (внимание, коллеги!): «Смотря... Для чего... Использовать».

Каково?! «Смотря для чего использовать». Для чего же ещё, — спросим себя, — можно использовать кофейную чашку, как не для того, чтобы пить из неё

¹ Кроме двоих спорящих, психологов в этой дружеской компании не было, но зато были два человека, оба интеллектуалы, но один — с ярко выраженным шизоидным радикалом в характере, другой — обладатель более ортодоксального мышления.

кофе? Она — чашка — кем-то ведь была произведена по государственному стандарту именно как «чашка кофейная»...

Весь мир, всё человечество, дорогие друзья, делится, в зависимости от ответа на подобный простой вопрос, на две неравные части: на шизоидов и на всех остальных.

Несмотря на несколько шуточный тон, выбранный автором, и на не вполне серьёзные обстоятельства, в которых проходил этот эксперимент, надеюсь, вы уловили нечто принципиально важное. А именно: на что бы ни смотрел шизоид, о чём бы он ни размышлял, в его сознании складывается не один образ, не одно понятие воспринимаемого предмета (явления), а несколько (целый спектр!) — равновеликих по значению, равновероятных по возникновению и по дальнейшему использованию в поведении.

Паранойялы, если вы помните, видят в любом явлении только одну сторону и их невозможно убедить в том, что существует ещё и другая — альтернативная. Шизоиды, напротив, не могут понять, почему ортодоксально мыслящие люди с такой уверенностью останавливаются на чём-то одном, на каком-то единственном свойстве, с лёгкостью придавая ему наиглавнейшее значение.

Философы-материалисты, казалось бы, давно поставили точку в споре на тему кто прав, на чьей стороне истина. Практика — вот критерий. Прав тот, чья позиция подтверждается практикой, даёт возможность получать значимый, осязаемый эффект. Всё было бы хорошо, да только шизоиды и на результаты общечеловеческой практики смотрят по-своему.

«А кто сказал, что полученный результат — лучший, а тем более — единственный из возможных?» — спрашивают они. И не всегда легко ответить на этот вопрос.

Один умнейший человек (математик!) сказал, что в основе любой системы лежит аксиома, т.е. нечто, принимаемое на веру, без доказательств. Это, по его мне-

нию, фундаментальный, универсальный по своему значению принцип (если не верите, попробуйте доказать, что в вашем паспорте наклеена ваша фотография и, соответственно, что этот паспорт — ваш. Тысячи людей в мире как две капли воды похожи друг на друга. Согласитесь, что без элемента веры доказательство невозможно).

Так вот, у шизоидов такая аксиома отсутствует по определению. Точнее, у них в сознании существует многожество вариантов каждой аксиомы¹.

Хорошо (по-эпилептоидному) помню, как одна студентка на лекции автора, посвящённой эмотивному радикалу, заявила: «А кто решил, что гармоничным является именно такое сочетание деталей, предметов одежды, цветов и т.д., а не другое? Вам, возможно, оно нравится, а мне — не нравится. Кто нас рассудит? Сколько людей, столько и мнений». Автор пытался возразить, дескать, если бы культура оформления внешности не содержала стереотипных представлений о том, что гармонично, а что — нет, выработанных эмотивами и воспринятых социумом, то, например, каждый светский раут превращался бы в карнавал шутов. Студентка, ничтоже сумняшеся, ответила: «А разве это не так? На

¹ Основываясь на результатах новейших нейрофизиологических исследований психических заболеваний, в частности болезни Альцгеймера, автор предполагает, что отделить главное от второстепенного шизоидам мешает свойственная им слабость процесса торможения в центральной нервной системе. Благодаря этому в сознании шизоида все выявленные им элементы анализируемого предмета существуют одновременно и равнозначно. Нервные клетки, обрабатывающие информацию о различных по значению характеристиках предмета, продолжают активно функционировать на протяжении всего акта осмысления, вследствие чего «важные» признаки, свойства не отделяются тормозным процессом от «неважных», как это происходит у ортодоксов. Косвенным подтверждением этой гипотезы является вдохновение — состояние психики, в которой властвует возбуждение, а торможение значительно ослаблено, благодаря чему и возникают в сознании человека самые замысловатые, отчётливо неортодоксальные ассоциации (можно сказать, что вдохновение — в указанном смысле, пример «приступа» шизоидного мышления).

приём к английской королеве многие теперь приходят в полосатых брюках и кроссовках». Поскольку автор, к сожалению, не вхож в высший свет, то оставляет вам, коллеги, возможность для продолжения этой увлекательной дискуссии.

Зададимся лучше вопросом: можно ли полноценно адаптироваться к социальной среде, сформированной главным образом ортодоксами, с таким мышлением? Нет. Так жить нельзя. Даже если у конкретного индивида-шизоида высокий от природы интеллект, он позволит лишь более качественно и глубоко осмыслить каждый создаваемый шизоидным сознанием вариант образа или понятия одного и того же предмета, но не избавит от поливариантности мировосприятия и миропонимания.

Как же быть? А вот как. Мы не должны забывать, что реальный характер состоит не из одной шизоидности. В него включены и другие радикалы, за счёт которых, в данном случае, и происходит постепенная интеграция человека в социум. Шизоидный радикал мешает этой интеграции. Он заставляет сомневаться в важности и полезности каждого усваиваемого в течение жизни поведенческого стереотипа, он пытается подменить один стереотип — другим. В результате формируется особая шизоидная структура личности.

На некое *своеобразное ядро*, представленное шизоидным радикалом, как бы наслаивается — в муках — *социально ориентированная оболочка*, состоящая из усвоенных (часто формально и с некоторым искажением по сравнению с оригиналом) стереотипов ортодоксального поведения. Чем больше ядро, т.е. чем более выражена в реальном характере шизоидная тенденция, тем тоньше и ненадёжнее оболочка.

При этом ядро и оболочка существуют как бы в параллельных мирах. Одно — в противоречивом, своеобразном, глубоко оригинальном, нестандартном внутреннем мире, где нет и не может быть ничего однозначного, устойчивого, где все меняется в зависимости

от случайно возникшей ассоциации, произвольно смещенного смыслового акцента, другая — среди людей, в реальности. Испытывая взаимное влияние, тем не менее, эти структуры не смешиваются, и личность словно бы раздваивается, расщепляется. В одном человеке, как в коммунальной квартире, живут несколько индивидуальностей (и они — не друзья!), что, по мнению автора, объясняет название виновного в этом радикала (корень «шизо-» происходит от греческого «схизис», что означает «раскол», «расщепление»).

Сказав много о шизоидном радикале, мы пока не объявили, какова его роль в обществе, в чём его социальное преимущество, какая в нём заключена ценность, благодаря чему он выдержал испытание эволюцией... Объявим. Непременно. Но вначале познакомимся с доступными наблюдению признаками шизоидности.

Внешний вид. Шизоидный радикал сопряжён с *астеническим телосложением* (узкая, вытянутая грудная клетка, длинная шея, длинные конечности: ноги, руки, пальцы; мало развитая от природы мускулатура), а также — с высоким ростом (вне зависимости от остальной физической конституции). Напомню, коллеги, что, определяя характерное телосложение, мы всегда должны иметь в виду, что радикал может существовать и при любом другом телосложении. Иными словами, астеник — как правило, шизоид. Шизоид — не всегда астеник.

Среди специфических для шизоида признаков *оформления внешности* назовём прежде всего отчётливую эклектичность — дисгармоничное, парадоксальное смешение стилеобразующих деталей. Причём эта особенность проявляется как в его одежде, которая часто представляет собой некую сборную солянку, вишегрет из предметов, принадлежащих разным стилям, так и в его отношении к конкретной социальной ситуации, к требованиям социального окружения.

Если человек сверху одет в пиджак, при галстукке, а снизу — в джинсы и кроссовки, или на официальный

приём приходит в потёртом свитере и разноцветных брюках, значит, в его характере есть шизоидный радикал. В выраженных случаях внешняя дисгармоничность шизоидов настолько велика, что заставляет неискушенного наблюдателя думать об их интеллектуальной неполноценности.

Что толкает шизоида на подобные эксперименты с собственной внешностью — науке не известно. Наука, по крайней мере в лице автора, не в курсе дела. Возможно, собираясь на церемонию вручения Нобелевской премии, при этом надевая фланелевую панамку и меховые полярные унты, он (в своей формальной, негибкой манере) лишь следует рекомендации держать голову в холоде, а ноги — в тепле? Бог весть. Очевидно только, что знаменитый «человек рассеянный», который «вместо шапки на ходу... Надел сковороду, вместо валенок перчатки натянул себе на пятки» был на самом деле шизоидом.

Автор имел удовольствие общаться с интересным и продуктивным профессионалом-исследователем, излюбленной одеждой которого (человека лет шестидесяти) была ярко-красная куртка с капюшоном, отороченным опоссумом, ковбойская шляпа с загнутыми кверху полями, разноцветные брюки-дудочки и остроносовые туфли-«казаки». Представляете эмоциональное состояние истеро-эпилептоидных организаторов научных посиделок, на которые этот учёный являлся с основным докладом? Это был шок. Шок, однако, проходил вместе с первыми озвученными тезисами, как правило, весьма глубокого и содержательного доклада...

Шизоидам свойственна неаккуратность, неряшливость. Оторванные пуговицы, прорехи на брюках, испачканные манжеты, вытертые до блеска локти, дырявое бельё и т.п. — их удел.

Опять же, трудно сказать, что мешает им привести себя в порядок. Шизоиды с трагической обречённостью будут провожать взглядом очередную отпавшую

и катящуюся по земле пуговицу, но не поднимут её и уж тем более — не пришьют на место. Они всякий раз, осматривая застарелое пятно на рубашке, глубоко вздохнут, но не удосужатся его как следует застирать. Если шизоид, пересилив свою натуру (за счёт небольшого эпилептоидного радикала, затесавшегося в реальный характер), всё же возьмётся исправлять нарушения в одежде, то зрелище получится не для слабонервных. Разнокалиберные пуговицы, разноцветные нитки, которые он будет при этом использовать, превратят его эклектичный наряд и вовсе в клоунский.

Интересно, что шизоиду скорее придёт в голову своеобразная мысль замаскировать тем или иным экзотическим способом имеющийся недостаток, чем навести порядок ортодоксальным путём. Автор знал человека, который, теряя одну за другой пуговицы на брюках (ремень он принципиально не носил), выходил из положения, надевая сверху длинный свитер, достигающий до середины бёдер и тем самым закрывающий от нескромных взоров малопрстойный косметический дефект. Когда же отпала последняя пуговица, и брюки перестали держаться на его чреслах, он нашёл где-то матерчатый пояс от лёгкого женского халата, продел его в ремённые петли, завязал узлом, замаскировал всю эту композицию длинным свитером и, таким образом, восстановил утраченное физическое и душевное равновесие.

Рука об руку с неаккуратностью идёт нечистоплотность. Шизоиды грязноваты. Они редко стирают свою одежду, плохо ухаживают за волосами, кожей, ногтями. Свляющаяся шевелюра, несвежая кожа, обгрызенные, с облупившимся маникюром (или с неэстетичной «траурной каймой») ногти, а также своеобразное амбре, исходящее от тела и белья, с головой выдают шизоида.

Есть у шизоидов и любимые средства оформления внешности. Это — капюшон (или его подобие), длиннополая, с длинными рукавами и большим воротником верхняя одежда, рюкзак за спиной или большая сумка,

висящая на плече, тёмные очки. Представьте человека, надевшего на себя всё перечисленное выше (к тому же вставившего в уши наушники плеера и уткнувшегося в книжку, которую он не перестаёт читать и на ходу, или в заменяющий ее электронный гаджет), и вы получите незабываемый образ типичного шизоида.

Признаками шизоидности являются также длинные волосы (подобие капюшона) и, у мужчин, борода¹.

Вся эта атрибутика неслучайна. Она отражает глубинную *асоциальность* шизоидов, вынужденно противопоставляющих себя миру ортодоксальных людей, не смешивающихся с этим миром. Шизоид интуитивно, посредством капюшона, очков, наушников и т.д., формирует вокруг себя некий футляр, через который очень трудно осуществлять обмен информацией с окружающими.

О том, насколько асоциален шизоид — не только в своей повседневной жизнедеятельности, но и на мировоззренческом уровне, — можно судить по обмену репликами, произошедшему, если верить Зиновию Паперному, между тремя незаурядными людьми: героем Гражданской войны Саблиным, поэтами Маяковским и Хлебниковым.

««Я награждён орденом Боевого Красного Знамени за номером шесть, — сказал яркий истеро-эпилептоид Саблин. — Это значит, что таких людей, как я, в Республике всего шесть человек». «А таких, как я, — вскинулся не меньший истероид Маяковский, — один». «А таких, как я, — серьёзно заключил шизоид Хлебников, — вообще ни одного». И пошёл, по своему обычаю, прятать очередное стихотворение в наволочку».

Излюбленные шизоидами громоздкие сумки и заплечные мешки заставляют проводить невольную параллель с поведением людей, потерявших разум в результате психического заболевания. Мы часто

¹ Эпилептоиды выскабливают себя до состояния бильярдного шара, а шизоиды зарастают дикой и буйной растительностью.

встречаем последних, особенно по осени и по весне, идущих неведомо куда с большими неопрятными сумками в обеих руках, невнятно бормочущих что-то себе под нос. Сколько их? Куда их гонят? Что так жалобно поют? Возникает сам собой ряд вопросов. Тот, кто, поборов брезгливость, заглянет внутрь подобных сумок, увидит гору хлама — ничего больше. Но своим хламом эти люди почему-то дорожат, они не расстаются с ним ни днём, ни ночью.

Разумеется, неверно ставить знак равенства между поведением шизоидов — здоровых, полноценных членов социума, и больных. Разница в их поступках существенная, но жизнь под девизом «всё своё ношу с собой» в чём-то их сближает. В чём? Автор пока не готов ответить категорично, коллеги, тем более что и в сумках шизоидов, наряду с действительно нужными, полезными предметами, немало всякой всячины, давно утратившей товарный вид и потребительские свойства, попросту говоря — дряни (сломанные зажигалки, скомканные конфетные фантики, грязные подушечки жевательной резинки, неизвестные — из-за стёршейся надписи — таблетки и т.п.)¹.

Шизоиды наделены удивительным даром — нет, не *оформления* — преображения *пространства*. Они моментально замусоривают все предоставленные им жилые и рабочие площади. Порядок, любовно наведённый эпилептоидом, шизоид в мгновение ока превратит в хаос. Он будет оставлять одежду там, где снял, посуду — там, где поел, книги — там, где наслаждался их чтением.

Хаос воцарится на обувных, платяных и книжных полках, в столах, в шкафах, в холодильнике — словом,

¹ Возможно, сумка шизоида — это его индивидуальный мир, в который он никого не посвящает, не приглашает. Это — воплощение ухода от общественной жизни, создание своей «системы обеспечения», утверждаемая таким образом асоциальность, барьер между индивидом и социумом. Но любой, кто заглянет в этот особый мир, поразится его неорганизованности, хаотичности.

везде, где это мыслимо и немыслимо. Убирать за собой шизоид отказывается наотрез, приучить его к этому невозможно.

В чём причина такого поведения? В который уже раз встаёт перед нами, коллеги, этот вопрос. На взгляд автора, в его основе лежат несколько взаимообусловленных факторов.

Во-первых, шизоид не способен различить объективно важное и незначимое, поэтому он накапливает в индивидуальном пространстве горы хлама, нередко в ущерб действительно нужным и ценным вещам¹.

Во-вторых, в его сознании, вероятно, этот хаос (а точнее, свалка) является неким своеобразным порядком. Для него вещи не просто валяются, где попало (как это выглядит в глазах ортодокса), а занимают отведённые им места.

В-третьих, и это тоже очень важно, шизоид — астеник, он слаб и телом, и духом. У него нет сил наводить чистоту, убирать. К тому же, его лимитированная энергия и без того тратится в изобилии... На реализацию стереотипов социально приемлемого поведения. То, что легко для ортодокса, шизоиду даётся с большим трудом: завязать шнурки на ботинках, застегнуть пиджак на все, без исключения, пуговицы, не облиться супом за обедом, не споткнуться на ровном месте при ходьбе... Не говоря уже о более сложных и ответственных поступках.

Для шизоида выбор ортодоксального способа поведения из всех прочих, существующих одновременно в его сознании, — дело непростое. Он никогда до конца не уверен, что должен поступить, как все. Он спорит с обществом, идёт на компромисс или, после внутренней борьбы, сдаётся — и это происходит постоянно, в быту, в обыденной жизни, по любому по-

¹ Вспомните, как герой поэмы Гоголя «Мёртвые души» Плюшкин «бережливо» собирал ржавые гвозди и в то же время гноил под открытым небом первосортную пшеницу.

воду. Он вынужден всесторонне обдумывать буквально каждый свой жест, а если не делает этого, то совершает нелепые ошибки. Представляете, сколько энергии забирает подобный образ жизни! Откуда же взяться ей на такие мелочи, как уборка квартиры или мытьё посуды?

Мимика шизоидов — это оркестр, в котором каждый музыкант исполняет свою собственную мелодию. На их лицах зачастую возникают странные вычурные гримасы, никак не связанные, на взгляд стороннего наблюдателя, с характером происходящего, с актуальной ситуацией. На самом деле, так оно и есть, ведь шизоиды живут в мире представлений, в которых отражение реальности искажено и подчас едва уловимо. Кроме того, шизоиды не заботятся об эстетике и сдерживающем самоконтроле внешних проявлений чувств — их тягостные, противоречивые раздумья, сомнения, амбивалентные переживания становятся достоянием окружающих.

Жестикуляция, сопряжённая с шизоидным радикалом, также весьма своеобразна. Её трудно с чем-либо спутать. Движения шизоидов угловатые, резкие, неловкие, плохо координированные.

Пусти шизоида в дом — и он наверняка что-нибудь разобьёт, уронит, обо что-то споткнётся, зальёт чаем белоснежную скатерть, опрокинет тарелку...

Шизоиды отличаются также устойчивой невосприимчивостью к культуре поведения. Человек, кашляющий или чихающий вам в лицо, не прикрывая рта, или подставляющий к вашему носу свою пахучую подмышку и т.п., — шизоид.

Их *позы* неудобные, нефункциональные. Рослый шизоид, сидя, может казаться карликом. Его ноги, руки, туловище складываются так, что впору задаться вопросом: а есть ли у человека вообще такие суставы? Кажется, что поза удерживается не благодаря, а вопреки естественной структуре опорно-двигательного аппарата.

Качества поведения. Полагаю, коллеги, вас не оставляет впечатление, что наличие шизоидного радикала — не награда, а обуза для человека. Асоциальность, сложность усвоения и реализации даже относительно простых стереотипов поведения (грубо говоря, бестолковость¹), непредсказуемость поступков (никогда нельзя быть уверенным, как поведёт себя шизоид, какое качество ситуации он определит как главное) — всё это, без сомнения, затрудняет адаптацию. Что взамен?

Творчество! Шизоид — истинно творческая натура. Он не напрягается, не заставляет себя творить, он просто видит всё иначе, чем ортодокс. Каждую привычную вещь, явление, хорошо всем известное, набившее оскомину, шизоид воспринимает как нечто новое. Почему? — Да потому, что, напоминая, в основу понятия о предмете (явлении) он помещает не главное, как все остальные, а второстепенное качество, никем другим не принимаемое всерьёз.

Шизоиды рождают новизну, под их интеллектуальным влиянием меняется мир, развивается и обогащается представление о природе вещей. Не будь шизоидов — люди стали бы рабами банальности, до сих пор жили бы натуральным хозяйством (да, что там — подножным кормом!), пользовались примитивными житейскими стереотипами, не укротили бы огня, не изобрели бы колеса...

Значит ли это, что каждое умозаключение шизоида — драгоценный дар человечеству? К счастью, нет². В девятистах девяноста девяти случаях из тысячи умо-

¹ Мой коллега, характеризуя общую знакомую-шизоида, грубовато, но любя, говорил: «Она не дура, она — балда!»

² К счастью, ибо творчество — не всегда благо, оно обуславливает изменчивость, для него нет незыблемой истины, а людям обязательно нужны периоды стабильности, консервации, закрепления в культуре всего социально полезного, наработанного предшествующими поколениями. Важно понимать, формируя отношение к творчеству, что оно всегда разрушает ранее существовавшее представление, предшествующую технологию. Будет ли это хорошо, найдется ли нечто лучшее взамен — далеко не факт.

заклучения шизоидов ошибочны, а порой — граничат по качеству с интеллектуальной продукцией олигофренов. Зато в одном...

О, этот золотой случай! Он переворачивает сознание людей, производит революцию в миропонимании: «А ведь Земля-то круглая! А ведь из бобов сои можно приготовить двести вкусных, питательных блюд...»

Кстати, шизоидность — не синоним высокого интеллекта. Интеллект — интегральная характеристика познавательных процессов (мышления, памяти, внимания, восприятия и др.), может у конкретного человека быть каким угодно: высоким, средним, низким... Уровнем интеллекта будет определяться качество прозрений шизоида, соответственно, от этого будет зависеть отношение к нему социума. Кого-то будут считать деревенским дурачком, чудаком, а кого-то — философом¹.

Шизоиды отличаются тем, что легко, без напряжения (имеется в виду, при высоко развитом интеллекте) постигая суть самых запутанных, заумных теорий, в то же время не понимают простых вещей.

Шизоиды легко мирятся с интеллектуальными не-суразицами. Например, в одной из телевизионных передач некий исследователь заявил, что определенный физический эффект может быть достигнут при условии, если Вселенная окажется на самом деле «полым цилиндром диаметром десять в минус энной степени сантиметров». Шизоиды готовы жить ещё и не в таких условиях! Для них равноценно и равновероятно существование и их реальных соседей по лестничной клетке, и зеленых человечков с Марса...

¹ Любопытное определение понятию «философ» дал Толстой в романе «Анна Каренина». Характеризуя одного из центральных персонажей романа — Константина Лёвина, Толстой сказал (цитирую по памяти): «Лёвин был философ, то есть человек, который после долгих, сложных, утомительных рассуждений приходит к выводу, с самого начала очевидному для остальных людей». Ничего не напоминает?

Всё равно в отношениях и с теми, и с другими шизоиды, не желая того, проявят грубость, бестактность. Это, увы, их обычная манера общения.

Они социально неопытны, простодушны, наивны, воспринимают всё на веру, в силу чего часто становятся жертвами обмана, розыгрыша.

Они начисто лишены рефлексии, т.е. способности видеть себя со стороны, глазами другого человека и, сообразно этому, менять своё поведение. Будучи взрослыми, они напоминают больших детей (всё бы ничего, если бы не взрослые последствия их «детских» поступков!).

Вербальная деятельность шизоидов нередко весьма продуктивна. Их, среди прочего, отличает контраст между эклектичной (подчас гротескной, клоунской — в особенности, если проявления шизоидного радикала усилены истероидной яркостью) внешностью и достаточно разумной серьезной речью: лекцией, иным публичным выступлением, статьёй в журнале и т.д. Выше автор уже приводил подобный пример — помните господина в ковбойской шляпе?

Вместе с тем пояснения шизоидов, их попытки ответить на проблемные вопросы, разъяснить окружающим научную задачу или учебный материал, бывает, плохо воспринимаются, «не доходят». Нечто подобное наблюдается и при общении. Шизоиды часто жалуются на то, что другие их не понимают (как в эмоциональном, так и в логическом аспектах).

Выбранные шизоидом пути достижения цели выглядят нелогичными. Многие их действия с ортодоксальных позиций представляются излишними, в то время как нужные отсутствуют.

Вот вам, коллеги, характерный пример. Допустим, вы проголодались и зашли в ближайшую закусочную (в ту, где нет официантов, и посетители сами себя обслуживают). В руках у вас — громоздкий портфель, а вы решили не отказать себе в удовольствии как следует пообедать. По счастливому стечению обстоятельств, за

одним из столиков сидят ваши друзья. Какие действия вы совершите и в какой последовательности?

Те из вас, в ком преобладает ортодоксальное мышление и усвоенные с его помощью стереотипы поведения, вначале подойдут к друзьям и поздороваются: «Рад видеть вас. Как поживаете?» Затем попросят пригласить за портфелем и отправятся к стойке, делать заказ. После получения заказа вернутся к друзьям и с удовольствием попируют в честной компании. Не так ли?

Добрый знакомый автора — шизоид поступил иначе. В аналогичной ситуации он, не обращая, казалось, внимания на приятелей, подошел к стойке и заказал кучу всякой снеди. Когда заказ был выставлен перед ним, он, неожиданно для самого себя, столкнулся с проблемой портфеля. Как перенести всё разом на облюбованный столик, когда одна рука занята тяжёлой вещью? Проще простого! Он зажал портфель между ногами (теперь, о счастье, обе руки свободны!), взял заказ и начал движение. Идти было неудобно, да и со стороны всё это выглядело, мягко говоря, необычно, но это его не смущало¹. На его лице заиграла несколько странноватая, однако вполне дружелюбная улыбка. Теперь стало ясно, что своих друзей он заметил сразу, как только вошёл, но почему-то принял решение несколько повременить с общением.

Внушить шизоиду более рациональную последовательность действий очень трудно. Подобные попытки часто наталкиваются на сопротивление, непонимание с его стороны, протест. Советы им отвергаются. При этом, отказываясь следовать совету близких, по-настоящему заботящихся о нём людей, шизоид легко воспринимает линию поведения, подсказанную ему порой первым встречным проходимцем (снова неумение отличить главное от второстепенного!).

¹ Кстати, шизоиды весьма неприспособлены и легко переносят несовершенство быта, вольготно чувствуют себя в т.н. «полевых» условиях.

Задачи. За какую бы задачу ни взялся шизоид, он непременно в процессе решения отклонится в сторону от намеченной цели.

Шизоид всю жизнь вынужден заниматься исключительно *творческой деятельностью*. Что такое творческая деятельность? Разве мы не обсуждали это с вами, коллеги? Что ж, обсудим.

Деятельность человека подразделяется на шаблонно-регламентированную и творческую.

Шаблонно-регламентированная деятельность имеет заранее поставленную чёткую цель и определённый алгоритм (технологии) её достижения. Например, хирургическая операция или процесс грунтования холста под будущую картину...

Творческой следует называть деятельность, представление о результате которой и способе (технологии) его достижения меняется (формируется) в процессе самой деятельности: «Шила милому кистет, вышла рукавица»¹.

При этом то, что принято называть творческой профессией, включает в себя как элементы творчества (поиск новой формы, новой сути), так и шаблонно-регламентированную деятельность (наработанные профессионалом технологии). Поэтому в творческой профессии нельзя состояться, не будучи отчасти эпилептоидом-технологом, отчасти паранойялом — деятельным человеком, нацеленным на реальный результат, отчасти — шизоидом.

Для обладателя доминирующего шизоидного радикала всякая деятельность (в т.ч. рутинная, бытовая, в процессе которой сам Бог велел пользоваться усто-

¹ Сравните с этой точки зрения две задачи: написать письмо родственнику в Мариуполь и построить Эйфелеву башню в соответствии с инженерно-строительной документацией. Какая из этих задач решается посредством творческой деятельности, а какая — шаблонно-регламентированной? Надеюсь, коллеги, вы понимаете всю опасность свободы творчества при возведении гигантской конструкции, нависающей над центральными кварталами Парижа. В письме же она вполне допустима и даже желательна.

явшимися ортодоксальными стереотипами) становится творческой. На любом её этапе любая мелочь может послужить в сознании шизоида причиной для отступления от магистральной технологической линии (т.н. «соскальзывание»). Воспрепятствовать этому невозможно, даже посредством жёсткого контроля. Это можно только предвидеть и учитывать.

Добавим интересную деталь: «соскальзывание» шизоида на порой случайно подвернувшуюся ассоциацию — процесс бесконечный. Шизоид не знает, где остановиться. Мы сказали: «вышла рукавица» вместо запланированного кисета. Но это лишь потому, что у шизоида кто-то вырвал эту рукавицу из рук. Не вырвал бы — шизоид, глядя на неё, придумал бы множество разных вариантов переделывания рукавицы во что-либо ещё, а затем — и ещё во что-то... Каждая новая ассоциация, новый перенос акцента на тот или иной воспринимаемый признак предмета (явления) привлекает к себе дополнительные информационные потоки. Картина мира расширяется и не знает границ. Так что способ существования шизоида — непрерывный творческий процесс, экспериментирование над собой, людьми, вещами, обстоятельствами.

Таким образом, там, где новый, оригинальный взгляд на вещи необходим (наука, искусство, бизнес) — без участия шизоида в креативной группе не обойтись¹. Там же, где работу следует выполнять

¹ Вот мы и открыли с вами секрет творчества. Он прост: хотите привнести творческое начало в решение любой задачи — перенесите, подобно шизоиду, внимание с главных её условий на второстепенные — и творческий процесс сам собой направится к творческому результату. Например, пьесе А.Н. Островского «Гроза» всегда трактовали как драму сильной и светлой личности в некачественном социальном окружении — «тёмном царстве». Отсюда, дескать, и нелюбовь её главной героини Катерины к недалёкому, слабохарактерному мужу. Она — луч света, а он даже не солнечный зайчик... Трактовали так до тех пор, пока некий творчески одарённый режиссёр не обратил внимание на второстепенную героиню «Грозы» — золовку Катерины, Варвару. Она как-то выразилась туманно о привлекательной внеш-

строго по шаблону, шизоид страшнее врага. Врага можно вычислить и перетянуть на свою сторону, шизоида — ни за что. Поручите ему вытачивать гайки на токарном станке — он с энтузиазмом изготовит тридцать оригинальных вещиц, причём некоторые из них будут напоминать гайки, но ни одна не будет сделана по стандартному образцу. Это касается и предметов, и идей.

Лучше всего шизоиды чувствуют себя в виртуальном пространстве, ими самими созданном. Поэтому они находят свою комфортную профессиональную нишу в программировании, конструировании, писательстве, философии, психологии, изобразительном искусстве и т.п. Конечно, далеко не все плоды их труда становятся близкими и понятными окружающим. Однако мир, как говорится, не без шизоидов. Обладатели этого радикала тянутся друг к другу, становясь если не единой, то одинаково нестандартными людьми¹.

Особенности построения коммуникации. С шизоидами общаться сложно. Поэтому рекомендуется: во-первых, устанавливать с ними формально-доброжелательные отношения, держась на дистанции, не пытаясь без нужды проникнуть в тёмные глубины их своеобразной души; во-вторых, не падать духом, не видя быстрых результатов от попыток научить их уму-разуму. Результаты появятся, но позже (когда? Трудно предугадать: может, завтра, а может — через двадцать лет совместной жизни). В-третьих, если вы не выполнили первой рекомендации и сблизились-таки с шизоидом

ности и темпераменте Катерины. «Вот в чём тут дело! — воскликнул режиссёр. — Эврика! Катерина и Варвара — лесбиянки! Понятно, почему не притягивает муж. Понятно, отчего так злится и в то же время не говорит ничего конкретного свекровь — Кабаниха»... Кроме шуток, любое творчество развивается по аналогичному сценарию, и им, следовательно, можно управлять.

¹ К слову, если вам, коллеги, почему-то не по душе авангардизм, сюрреализм и иной аналогично асоциальный «— изм» — не тушуйтесь. Дело не в вашей эстетической неразвитости, а всего лишь в недостатке в вашем характере шизоидности.

душевно, — не бросайте его, несите в полной мере ответственность за того, кого «приручили».

Обидеть шизоида — всё равно что обидеть малого ребёнка. При этом будьте готовы к тому, что он может к вам охладеть, так же неожиданно и беспричинно, как привязался.

Мы уже упоминали, что для шизоида воспитательное воздействие, дружеский совет близкого человека может не возыметь значения, в то время как замечание случайного знакомого окажется вдруг принципиально важным. Правы те, кто этим рационально пользуется. Хотите повлиять на шизоида — вложите ваши мысли и слова в уста психолога, священника, врача, друга семьи, соседа.

Вопросы и задания:

1. Что такое мышление? Приведите пример.
2. Какова особенность шизоидного мышления? Проведите эксперимент с «соскальзыванием» (только будьте осторожны и ничему не удивляйтесь).
3. В романе Толстого «Анна Каренина» есть немало точных, ярких описаний шизоидного поведения К. Лёвина. Чего стоит эпизод со свадебной рубашкой! Вспоминаете? Лёвин — аристократ, один из богатейших людей России, опоздал на собственную свадьбу из-за неприятности, случившейся с нарядной рубашкой (единственной! запасной у него, видите ли, не было). Как он мечтал об этом браке, как готовился к нему душевно — и чуть было не испортил всё из-за собственной несобранности, непредусмотрительности... Попробуйте найти и другие проявления шизоидности, описанные великим романистом. И не только у Лёвина.

4. Назовите профессии, в которых шизоидный радикал: а) необходим; б) категорически противопоказан.

5. Попробуйте в толпе отыскать взглядом обладателя выраженного шизоидного радикала, осторожно понаблюдайте за ним (будьте тактичны, наступите на горло собственной шизоидности!). Опишите результаты ваших наблюдений. Только, пожалуйста, не станьте случайной жертвой его физической — прежде всего — не ловкости.

ГЛАВА 7. Гипертимный радикал

Ничего случайного в этом мире, как мы с вами всё больше убеждаемся, коллеги, не бывает. Поведение не является исключением.

Невозможно нежиться в лучах славы, не будучи истероидом (тревожного, окажись он неожиданно в центре всеобщего внимания, как говорится, «кондратий хватит»). Не будучи эпилептоидом, не получить удовольствия от генеральной уборки в квартире. Никому, кроме паранойяла, не придёт в голову спать в обнимку с технико-экономическим обоснованием собственного проекта. Только эмотиву по-настоящему небезразлично, почему его сослуживец вдруг побледнел и осунулся. Никто, кроме шизоида, не станет сомневаться в очевидном и искать новое в банальном.

Поэтому, если вы, вставая поутру с постели, радостно говорите самому себе «бонжур», слегка удивляетесь, глядя на человека, спящего рядом с вами (не узнавая его и не помня, как он здесь очутился), и, несмотря ни на что, бодро запеваете: «Нас утро встречает прохладой! — значит, в вашем характере есть гипертимный радикал.

Общая характеристика. В основе гипертимного радикала лежит сильная, подвижная нервная система, с некоторым преобладанием процессов возбуждения¹.

Гипертим, т.е. обладатель выраженного гипертимного радикала, постоянно исполнен сил, энергии, но при этом не сконцентрирован ни на чём определённом, не имеет устойчивой цели, единственного на-

¹ Хочу напомнить вам, коллеги, что с точки зрения нейрофизиологии подобное явление не является строго научным. Но мы и не покушаемся на компетенцию нейрофизиологов. Для нас важно, что указанные выше свойства нервной системы в полной мере обнаруживаются в поведении.

правления, в котором он расходовал бы свои мощные энергетические запасы (вот как сказывается отсутствие органических изменений!). В результате гипертим распыляется на множество мелких (в аспекте их социального значения, время- и энергоёмкости) занятий.

Гипертим — неустойчивый живчик, оптимист. Его постоянно солнечный, безоблачный взгляд на мир невольно передаётся окружающим, и в этом, как раз, заключается основная роль гипертимной тенденции в социуме¹.

Живя по принципу «Эх-ма, горе — не беда!», гипертимы создают вокруг себя жизнеутверждающую, жизнеутраченную психологическую атмосферу.

Сила и подвижность нервной системы обеспечивают истинную уверенность в себе — без позёрства, без чувства превосходства (которое, как известно, является обратной стороной переживания собственной неполноценности), без агрессии (ближайшей родственницы тревожности). Гипертим просто ощущает себя в тонусе, всегда готовым к действию — и всё. Он не боится жить.

Внешний вид. Специфически гипертимного телосложения не существует, хотя как будто астеническое, т.е. слабое, телосложение должно препятствовать формированию гипертимности.

Эрнст Кречмер связывал качества характера, которые мы с вами описываем, как гипертимные, с т.н. пикническим телосложением (коренастые толстячки, наподобие Санчо Пансы или артиста Евгения Леонова). Зачастую это действительно так, однако автору пришлось видеть и вполне гипертимных Дон Кихотов.

¹ Из всех перечисленных радикалов у гипертимов самая «полноценная» нервная система: сильная, динамичная. Поэтому гипертим в основном и занимается тем, что «сеет» её направо и налево. Сеет, так сказать, разумное, доброе, вечное. Гипертимы, на всякий случай, стараются дарить незнакомым малышам конфетки по принципу: «А вдруг мой!»

Гипертимная стилистика *оформления внешности* — это тяготение к одежде для отдыха¹. Гипертимная тенденция также привносит в одежду, макияж, аксессуары и т.д. особый привкус торопливой небрежности (прошу не путать с дремучей неаккуратностью шизоидов!). Гипертимы вечно всё делают на бегу: спеша, дожёвывают бутерброд, допивают сок, одновременно натягивая на голову свитер или застёгивая рубашку... Не мудрено при этом чего-то «недозастегнуть», а то и вовсе — забыть надеть на себя.

Автору рассказывали, как некая гипертимная девушка, собираясь погожим летним утром на работу, забыла присовокупить к своему наряду немаловажную деталь, а именно — юбку. Да, коллеги, она забыла надеть юбку, и ей понадобилось пройти полквартала, чтобы по недоумевающим лицам прохожих понять, что она в чём-то погрешила против общепринятых правил. Думаете, она была смущена, испугана? Совсем нет! Эта история развеселила её, дала лишний повод посмеяться самой и позабавить рассказом об этом юмористическом происшествии своих сослуживцев (что она и не преминула сделать, как только исправила погрешность и добралась до работы).

Полное невнимание к общественному мнению (точнее — к условностям, которые бытуют в социуме), свойственное гипертимам, нередко отражается на их внешности. Мы только что говорили о том, как девушка забыла надеть юбку. А ведь, с её-то характером, она могла бы и вполне осознанно, не завершив полностью туалета, выбежать на улицу «в чём есть», например, если очень захотела бы кого-то уходящего догнать, остановить.

¹ Если для паранойялов, пользуясь определением братьев Стругацких, «понедельник начинается в субботу», то для гипертимов, напротив, «суббота начинается в понедельник». Поэтому, например, в офис они любят приходить в одежде, предназначенной для весёлого, лёгкого времяпрепровождения, которое запланировано ими на вечер (точнее, на остаток суток) после работы.

Отметим, что в подобном поведении нет и намёка на пренебрежительное, высокомерное отношение к окружающим (дескать, что хочу — то и делаю, а на других мне наплевать). Нет. Гипертим естественен в своём отрицании условностей. Он на самом деле не понимает, что, собственно, шокирующего в человеке, разгуливающем в людном месте в одном нижнем белье¹.

Ещё одна психодиагностически значимая деталь, имеющая отношение к одежде гипертимов: их карманы (сумки и т.д.) часто бывают наполнены разнообразными предметами (подчеркнём — полезными, актуальными предметами, чтобы не спутать с шизоидным мусором). В этих предметах овеществлено разнообразие социальных связей и интересов гипертимов.

Ежедневно, а то и по несколько раз в день, набор предметов меняется. На смену одним приходят другие. Это означает, что гипертим, выполнив добровольно возложенные на себя общественные миссии, взялся за их новую порцию. «Лекарства Васиной жене я отнёс», — констатирует он привычно, — теперь завезу Коле батарейки для радио. Лена просила отдать уют в починку, а платье — в химчистку. Эта телефонная карта — для Люси, сигареты — для Маши, а презервативы — для всех, с кем сведёт сегодня судьба».

Пространство, принадлежащее гипертиму, больше всего напоминает вокзал, перевалочный пункт. Там постоянно кто-то находится. Эти люди, подчас, незнакомы между собой и лишь догадываются, кто является хозяином квартиры. Сам хозяин дома бывает редко и заглядывает туда ненадолго, мимоходом. Автор знал выраженного гипертима (с не менее выраженным шизоидным радикалом в характере), у которого в московской квартире вообще не было входной двери.

¹ Помните, как у Булгакова в «Беге» генерал Чарнота шёл по Парижу в подштанниках. Ну, по Парижу, ну, в подштанниках... Что тут такого? В чём трагедия? Если одеться как следует не было возможности, а идти надо. Что же теперь — застрелиться?

Дверной проём был занавешен то ли войлоком, то ли толстым одеялом — наподобие чума или вигвама. Зато любой, осмелившийся откинуть войлок и проникнуть внутрь, находил самый радушный приём (но не находил признаков материального достатка. За этим — к эпилептоиду).

В любом случае, пространство гипертима предназначено целиком для активного отдыха и общения, а также несёт на себе отпечаток небрежности, незавершённости. Всё, что ни делается им для обустройства собственных помещений, будь то ремонт, сборка мебели, распределение бытовых и рабочих предметов по местам, — делается наспех, без установки на достижение высокого качества.

В результате обои как будто наклеены, но с огрехами — местами пузырятся, отстают от стены; мебель собрана и расставлена по квартире, но как-то кривовато, косовато, шатается из стороны в сторону; посуда, книги, инструменты, игрушки и т.д. не аккуратно разложены по полочкам, а второпях распиханы куда попало.

Хрупкие (и относительно хрупкие) предметы страдают от бурного темперамента гипертимов. Нет, гипертимы не ведут себя, как слоны в посудной лавке, — неловко, несуразно, бестолково. Это, как вы помните, удел шизоидов. Гипертимы достаточно ловки, но грубоваты в обращении с предметами. Взяв, например, в руки книгу, они смело раскрывают её «во всю ширь», ломая переплёт, загибают и вырывают понравившиеся страницы. После такого прочтения это уже что угодно, но не книга... Гипертим нальёт себе в гостях водки в самый дорогой, раритетный бокал, выпьет и... с чувством, лихого шарахнет этим бокалом об пол: «За здоровье хозяев дома!» (хозяев-эпилептоидов после этого увозит «скорая» с сердечным приступом).

Некоторое время назад у автора (когда он был ещё читатель, а не писатель) была привычка покупать утром, по дороге на работу, свежую прессу. Поскольку рабочий день начинался, разумеется, не с чтения газет, они

бережно откладывались на край стола до наступления перерыва, когда можно не торопясь, с удовольствием, насытиться актуальной информацией.

Всё так бы и случилось, если бы не гипертим-со-служивец, который, в свою очередь, завёл привычку, увидев, радостно хватать эту стопку газет и кидаться их просматривать. «Так и знал, — разочарованно заявлял он всякий раз, закончив чтение по диагонали, — опять пишут всякую ерунду». После этого он возвращал газеты. Газеты?! Нет, господа, это уже были не газеты. Это были мятые, скомканные, жёванные, местами надорванные бумажки... Оставалось их похоронить в мусорной корзине и, вздыхая и злясь, отправляться к ближайшему киоску за новыми, что и приходилось делать.

Такая же участь постигает и любые сложные, мудрёные устройства, например компьютеры, иную электронную технику, попади они в «ошумелые ручки» гипертима. Что он с ними делает, на какие кнопки нажимает — остаётся загадкой даже для выдавших виды и способных предположить самое невероятное шизоидов. Но дисплеи гаснут, из корпусов пробивается синеватый дымок, и техника, имеющая умную, глубоко эшелонированную защиту «от дурака», способная выдержать близкий ядерный взрыв, умирает от прикасновения гипертима.

В основе этого поведенческого феномена лежит не только их торопливая небрежность. Важно, что гипертимы не понимают значения кропотливого труда и, соответственно, ценности его результатов, поэтому и сама по себе сложная аппаратура, и область её применения не пробуждают в них душевного трепета и любопытства.

Кроме того, гипертимы не видят проку в любой виртуальной реальности, будь то литература, телевидение, театр или компьютерная программа.

Они любят настоящую жизнь, реальные, а не придуманные кем-то события, они хотят не созерцать, не наблюдать со стороны, а участвовать. Какие там, к чёрту,

телесериалы! Гипертим ежедневно попадает в такие переделки, что, найди он время и желание о них рассказать, все пенсионерки и домохозяйки часами сидели бы и слушали с открытыми ртами, не скрывая слёз и вздохов¹.

Любимыми вещами гипертимов, которыми они наполняют своё жизненное пространство, являются не книги, а записные книжки. Новые и совсем затёртые, с белоснежными и пожелтевшими от времени страницами, они попадают на каждом шагу. Гипертим с удовольствием, в редкие минуты затишья, просматривает их, выбирая наугад очередную небрежно сделанную запись, с тем, чтобы реанимировать угасшие некогда отношения.

«Ира, — читает он собственный нечёткий почерк (писал быстро, на коленке). — Кто такая? Не помню. Да вот же, телефон! Сейчас позвоню и выясню». И он начинает набирать цифры телефонного номера, невзирая на то, что на дворе глубокая ночь, что записи этой уже лет десять, не меньше, что ничего не подозревающая Ира, скорее всего, спит, накрутив волосы на бигуди, в супружеской постели рядом с похрапывающим мужем-эпилептоидом — ревнивцем и жмотом...

Завершая разговор об оформлении пространства, добавим, что в интерьере гипертимов, являющихся страстными любителями всевозможных поездок на лоно природы, пикников, национальных и интернацио-

¹ Надеюсь, теперь вы понимаете, коллеги, насколько несерьёзны прогнозы некоторых футурологов, предполагающих, что вскоре весь мир настолько увлечётся возможностями компьютеров, что полностью погрузится в виртуальное пространство. Как бы не так! Шизоиды — верно, погружаются. Так они, извините, его и не покидали. Не было компьютеров — были книги, заменяющие шизоидам реальную жизнь, в которой им сложно самостоятельно разобраться. Но гипертимы — никогда! Им не нужны программируемые виртуальные друзья, собеседники, партнёры по виртуальному сексу... Вся эта чушь — спасительная для асоциальных шизоидов — с сотворения мира не вызывала, не вызывает и никогда не вызовет у гипертимов ничего, кроме снисходительной иронии.

нальных охот, рыбалок и т.п., присутствуют необходимые для всего этого предметы, устройства. Удочки, ружья, мангалы, шампуры...

Именно присутствуют, а не царят, как у эпилептоидов, которые только и делают, что приводят амуницию в идеальный порядок — чистят, смазывают, меняют порох и дробь.

Это различие проистекает из самой логики эпилептоидного и гипертимного радикалов. Функциональный эпилептоид едет на рыбалку за рыбой, на охоту — за дичью, а на пикники он, мизантроп, вообще никогда не ездит, считая их пустой тратой времени. Гипертиму не нужны рыба и дичь, он ищет лишь развлечений, интересных встреч, он жаждет до событий.

Легко узнать гипертима по особенностям *мимики и жестикуляции*. Его лицо излучает если не веселье, то любопытство. Он всегда жаждет поделиться с окружающими своим приподнятым настроением, приобщить к своей жизни, к своим занятиям как можно больше людей. Поэтому он часто в поисках партнёра по общению оглядывается по сторонам; не стесняясь, с лёгкой жизнерадостной улыбкой заглядывает в лица прохожих, встречных-поперечных, подмигивает им призывно.

Он заливисто, энергично смеётся, не скрываясь, не считая нужным сдерживать себя. Это именно гипертим, и никто другой, покатывается от хохота, подёргивая руками и ногами, приговаривая: «Ой, мама», — и захлёбываясь.

Гипертимам — вездесущим живчикам — свойственны приветственные и иллюстрирующие жесты.

Они постоянно приветствуют кого-то взмахами рук и кивками, причём на вопрос: «Кто это?» — далеко не всегда дают уверенный ответ. Приподнятая над головой шляпа, воздушный поцелуй, «салют» тростью, зонтиком, свёрнутой в трубку газетой — жестикуляция из арсенала гипертимов.

Рассказывая о чём-то, гипертим нередко иллюстрирует своё повествование жестами, имитирующими

(схематически моделирующими) те или иные описываемые действия. «Они полетели», — говорит он и начинает ритмично махать руками, разведёнными в стороны. «Они поплыли», — и его руки перемещаются теперь уже попеременно вперёд и назад, совсем как у человека, плывущего кролем. Кроме гипертимов, с их жизнерадостностью, пренебрежением условностями и некоторой грубоватостью, так больше никто не поступает.

Гипертимы все движения совершают быстро — они быстро ходят, быстро едят, быстро говорят. Автор помнит, каким испытанием оборачивался каждый поход в столовую с приятелем-гипертимом (тем самым любителем свежих газет, упомянутым выше). Сначала приходилось идти по улице, развивая спринтерскую скорость (столовая находилась на некотором расстоянии от учреждения). Затем оба, он — легко, непринуждённо, а автор — давясь и обжигаясь, в минуту поедали всю купленную снедь. Ни тебе удовольствия, ни отдыха измученной душе.

Качества поведения. Свойственные гипертимам оптимизм, жизнелюбие и низкую тревожность, являющуюся признаком сильной нервной системы, мы уже обсудили. Поговорили и об их небрежности, невнимании к качеству производимого ими продукта (в широком смысле).

Действительно, за что бы ни взялся гипертим (а он, распыряемый энергией, берётся за многое), он всё делает тяп-ляп и не доведёт начатое до конца. Ему не хватает целеустремлённости, он распыляет свои силы.

Отсутствие тревоги наносит ущерб исполнительности, обязательности, ответственности, осторожности, постоянству во взаимоотношениях.

Гипертим неисполнителен, потому что склонен недооценивать ситуацию и в связи с этим — возможные отрицательные последствия своего поведения. Получив задание и средства для его выполнения, он отправится развлекаться. А когда кто-то тревожный напом-

нит ему, что время, дескать, близится, а результата всё нет, гипертим хлопнет дружески его по плечу и скажет: «Всё равно деньги я прокутил, оставшихся нам для дела не хватит. Пойдём лучше, потратим и эти. Семь бед — один ответ».

Гипертим необязателен — наобещав с три короба, он тут же забудет многое из обещанного. К выполнению возложенных самим на себя поручений гипертим также относится избирательно. Он вовсе не добрый самаритянин, не добровольный социальный работник. Он делает только то, что сулит, в его представлении, новые знакомства, новые интересные приключения.

Гипертим часто проявляет безответственность, поскольку причисляет деловые, серьёзные отношения между людьми к разряду условностей, которыми привык пренебрегать.

У него в голове не укладывается, зачем другие надрываются на работе, когда можно отдыхать и бесплатно наслаждаться жизнью.

Помните, как в анекдоте: «Лежу под пальмой, жую банан и думаю, что если бы я окончил Оксфорд, заработал в поте лица миллионы, купил банановую плантацию в тропиках, нанял работников, то лежал бы в тени пальмы и жевал себе банан. Что, собственно, я сейчас и делаю».

Гипертим неосторожен. Тревога — не блажь, не бесполезное, досадное препятствие на пути лёгкого течения жизни. Это подаренное нам природой средство предостережения, предупреждения о реальных опасностях, которых немало в нашем несовершенном мире. А гипертим лишён тревоги. Он нигде, никогда, ни в ком и ни в чём не чувствует угрозы. Он внутренне расслаблен и благостен, даже когда опасность вплотную подступает к нему. Нередко это приводит к драматическим последствиям.

Гипертим смело знакомится на улице с первой попавшейся компанией — «вливается», говоря языком

рекламы, не думая, какими неприятностями может обернуться подобное знакомство. Он не обращает внимания на хвори, недомогания, предпочитая переносить их на ногах, чтобы не выпасть из захватывающего контекста бытия, поэтому приходит за медицинской помощью, когда болезнь уже зашла далеко. Когда уже поздно что-то делать.

Чем сполна наделён гипертим, так это общительностью. Он охотно расширяет круг общения, следуя своему девизу: «Ни дня без нового приятеля». Не желая знать условностей, гипертим легко устанавливает контакты с представителями разных социальных слоёв, групп, являясь своего рода связующим звеном между этими группами.

«Не бойся стучаться в самые высокие двери», — напутствовал автора гипертимный товарищ. Сам он делал это без напряжения.

Стучался и, лучась улыбкой, заходил. Некий грозный небожитель хмурил брови... Но разве можно сердиться на гипертима? Ведь он ни на чём не настаивает, ничего не просит. Он только говорит: «Господин министр, давно ли вы босиком ходили по траве? Давно ли сидели с удочкой над тихой речной заводью? Не хотите ли вспомнить?» Надо быть последним занудой-эпилептоидом, чтобы прогнать от себя такого человека.

Мы говорили о неосторожности гипертимов. Верно. В то же время они наделены поведенческой гибкостью, изобретательностью и стрессоустойчивостью, за счёт которых выходят из критических подчас ситуаций.

Вот вам пример. Приятель автора (да, да — тот самый мастер по переработке свежей прессы в несвежую) оказался как-то раз в одном небольшом ресторанчике. Кроме него, в зале расположились две компании. Одна, состоящая из крепких молодых людей, очень напоминала «братков», празднующих освобождение друга из мест заключения. Другая — представляла собой большую еврейскую семью, отмечаю-

щую какое-то торжественное событие. В ресторанчике играла живая музыка: пожилой тапёр за роялем и девочка-скрипачка. Вот такая диспозиция, понимаешь. Обе компании до какого-то момента гуляли тихо, не мешая друг другу.

Затем под влиянием выпитого в «братках», по-видимому, зашевелилось нечто вроде национальной гордости великороссов, и они стали недружелюбно, с вызовом, поглядывать в сторону евреев, отпуская агрессивные реплики. Евреи, среди которых было несколько взрослых мужчин, тоже решили не оставаться в долгу и всё чаще бросали гневные взгляды на потенциальных обидчиков.

Атмосфера накалялась. Тогда наш гипертим подошёл к тапёру и заказал «Таганку». Рояль запел, заплакала скрипка. «Таганка, все ночи полные огня...» — подхватили и «братки», и евреи (что поделать, история нашего многострадального Отечества сложилась так, что всех нас роднит не только водка, но и тюрьма). Заметно потеплело. Не делая передышки, гипертим заказал музыкантам «Семь-сорок». Под залихватскую мелодию стали отплясывать и евреи, и «братки». Выразительнее всех танцевал мой приятель (кстати, природный русак). Пожилая еврейка сказала ему потом: «Вы — настоящий еврей. Теперь таких мало»... От взаимной неприязни не осталось и следа. Началось всеобщее братание. Словом, благодаря гипертиму, вечер прошёл как нельзя более удачно.

Всё бы хорошо, да общительность гипертима поверхностная, его социальные связи неустойчивые, недолговечные. Налетев, как вихрь, он кружит человеку голову, чтобы потом, ни о чём не сожалея, вдруг улететь прочь.

Среди любимых гипертимами песен есть две, особенно точно передающие суть этого характера: «Умейте жить, умейте пить и всё от жизни брать, ведь всё равно когда-нибудь придётся умирать».

И вторая: «Может, мы обидели кого-то зря? Календарь закроет этот лист. К новым приключениям спешим, друзья. Эй, прибавь-ка ходу, машинист!»

Да, уважаемые коллеги, скатертью, скатертью стелется дальний путь гипертима и упирается прямо в небосклон...

Задачи. Поручите гипертиму любое — самое сложное, самое ответственное задание — и он превратит его выполнение... В народное гулянье. Будет много разговоров, шуток, взаимных розыгрышей и приколов, воспоминаний о былом. Все засидятся затемно, а то и до рассвета... Но воз нерешённых задач останется на прежнем месте.

При этом, чем более рутинной, трудоёмкой, требующей прилежания и терпения будет работа, тем меньше шансов на её хотя бы частичное выполнение гипертимом. Доверьте ему составлять бухгалтерский отчёт, и он проведёт ночь... В дискотеке. И никакие посулы — заманчивые и угрожающие — не изменят положения вещей.

Что же следует поручать гипертимам? А вот что. Никто так быстро и хорошо не справится с заданием собрать разных людей (ни сном, ни духом прежде не помышлявших куда-либо идти) в одном месте, в одно время.

В современных условиях, когда, с одной стороны, трудно планировать что-то заранее из-за мало управляемой динамики жизни, а с другой — большинство видов труда превращаются в коллективные, эта способность гипертимов становится поистине неоценимой.

Он будет действовать, как в известном анекдоте: сказал одному: «Есть превосходный коньячок, нужен первосортный балычок». Сказал другому: «Есть первосортный балычок, нужен превосходный коньячок». Собрались втроём и хорошо посидели.

Его не надо подталкивать, торопить, контролировать промежуточные результаты (дозвонился — не дозвонился до нужного человека?). Он всё сделает сам,

без напоминаний и с удовольствием. Единственное, о чём следует позаботиться — об ограничении его коммуникабельности разумными пределами. Иначе на конфиденциальный междусобойчик, так сказать, для «узкого круга ограниченных лиц», он созовёт весь город.

Исходя из этого, понятно, что гипертим успешнее всего адаптируется к профессиям типа массовика-затейника, антрепренёра, администратора в шоу-бизнесе, организатора массовых действий. В этом качестве его следует привлекать и в многофункциональные команды.

Помните, у персонажа романа Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев» Виктора Михайловича Полесова ничего не получалось, когда дело касалось его прямых обязанностей слесаря. Ни ворота починить, ни мотоцикл собрать он не мог. Зато, какую расторопность и энтузиазм проявил он, созывая на заседание тайного общества «Меча и орала» недоумевающих и испуганных старгородцев. Наверняка, они не хотели идти, сомневались, отнекивались, отговаривались, ссылаясь на недосуг. Но ведь пришли же, пришли! Вот вам и слесарь «без мотора».

Особенности построения коммуникации. Вы вероятно уже догадались, уважаемые коллеги, что учиться ускорять и облегчать процесс знакомства с гипертимом мы не будем. Не мы с ним, а он с нами познакомится, не успеем и глазом моргнуть. Он привык действовать по принципу: «Я такой гусь, что любой свинье товарищ». Кажется, только скажешь ему первое «здравствуйте», а он уже в твоём домашнем халате жарит на твоей кухне яичницу.

В этом разделе нам лучше посоветоваться о том, как избежать его панибратства, фамильярности, как уклониться от его безудержной энергетики, как не быть вовлечённым в бурный, стремительный поток гипертимной жизни, с которым только ему и дано справиться. Остальные — утонут, захлебнутся, обессилев.

Так как же? От панибратства, склонности мгновенно сокращать межличностную дистанцию, переходить на «ты» с людьми, независимо от их пола, возраста и общественного положения — пожалуй, никак. С этим нужно смириться. Впрочем, беда не велика. А вот от активного, в гипертимном стиле, продолжения знакомства вполне можно отказаться.

Для этого нужно проявить некоторое упрямство. Надо просто не соглашаться на его предложения «прошвырнуться», «задать небесам жару», и гипертим вскоре отстанет, переключившись на более податливый и заводной объект.

Вообще, следует принимать гипертима (как и обладателя любого другого радикала) таким, каков он есть. Строить отношения не с иллюзией человека, а с человеком, во всём своеобразии его поведения.

Нельзя, например, всё время удерживать гипертима возле себя. Не получится. Кто сказал: «Получится»? Эпилептоид?

Если добиваться этого насилием — физическим и / или психологическим — то совместная жизнь превратится в ад. Гипертим, прикованный наручниками к креслу, будет медленно угасать... И, если в вас есть хоть капля эмотивности, вы отпустите его на свободу. «Он улетел, — скажете вы заинтригованным окружающим, — но обещал вернуться».

Да, улетевший «с небольшим докладом на заседание Малого Совнаркома», «поматросивший и бросивший» гипертим вернётся. Он обязательно отыщет вас в своей потрёпанной записной книжке и позвонит. Это случится ночью. Лет через десять. Вы, накрутив волосы на бигуди, будете спать в супружеской постели рядом с похрапывающим мужем-эпилептоидом — ревнивцем и жмотом...

Гипертим — искрящаяся комета, описывающая по жизни круг огромного радиуса и озаряющая своим светом все малоподвижные планеты, попадающие на её пути.

Вопросы и задания:

1. В чём заключается внутреннее условие формирования гипертимного радикала?

2. Найдите признаки гипертимной тенденции в поведении известных персонажей отечественной и зарубежной литературы: Остапа Бендера, Ноздрёва, Фигаро. Подтвердите примерами.

3. Какие ещё радикалы, на ваш взгляд, интегрированы в характеры перечисленных выше персонажей?

4. Назовите области профессиональной деятельности, в которых необходимо (или желательно) наличие в характере гипертимного радикала. Для каких профессий гипертимность является препятствием?

ГЛАВА 8. Тревожный радикал

И вот, уважаемые коллеги, настал момент, когда мы приступаем к изучению последнего... Нет, не так... «Последний» — слишком уж мрачное слово. Лучше сказать: «оставшегося пока непознанным» радикала методики — тревожного.

Признаюсь, что-то автору не по себе. Одолевают его, знаете ли, сомнения. Получится ли у нас овладеть, как следует, этой методикой? Получится ли из этого вообще что-либо путное? Стоило ли за всё это браться? Не поспешили ли мы, не совершили ли ошибки? В общем, как бы чего не вышло.

Общая характеристика. Внутренним условием формирования тревожного радикала является слабая и, судя по всему, малоподвижная нервная система. Что, кроме этого, — для автора пока остаётся загадкой. Однако можно сказать, коллеги, относительно твёрдо: нервная система, не способная выдерживать длительный процесс возбуждения, обуславливает, во-первых, реализацию в случае опасности состояния мнимой смерти (см. главу 3), во-вторых, низкий порог возникновения тревожных реакций.

Напомним, что под мнимой смертью мы понимаем быстро развивающееся, непроизвольное угасание у животного и человека психической и физической активности в ситуации сильного стресса. Если бы это происходило под контролем психики, сознания, мы бы сказали, что у живого существа есть надежда, что опасность пройдёт мимо, что её источник (хищник, агрессор) не станет связываться с «мертвецом».

Надежды, как осознанного переживания, здесь нет, но объективный шанс выжить есть. В возникновении этого состояния заключён вполне определённый адаптационный смысл. Природные пищевые пирамиды очень рационально устроены. В частности, чтобы не терять понапрасну ограниченные запасы белка и других

ценных органических соединений, многие плотоядные животные приспособились питаться мертвечиной. Для этого в их организме присутствуют ферменты, мгновенно расщепляющие трупный яд — одно из самых токсичных соединений в мире — на более простые в структурном отношении, вполне безобидные химические вещества.

В организме хищников, питающихся живой добычей, таких ферментов нет. Поэтому их попытка отведать падали приведёт к неминуемой гибели в результате отравления. Вот они и проходят мимо животных, которых принимают за трупы, — не из благородства или высокомерия, как можно было бы подумать, а из инстинктивного опасения за собственную жизнь.

Впрочем, мы отвлеклись. В поведении человека мнимая смерть, так сказать, во всей красе — явление редкое. Значительно чаще наблюдаются различные формы частичного оцепенения, частичного паралича воли, вялость и рассеянность, неспособность справиться с мыслями в минуту опасности и т.п. Всё это — поведенческие феномены, свойственные тревожным натурам.

Несколько раньше (см. главу 5) мы обсуждали принципиальное различие между эмоциональными и тревожными реакциями.

К тревожным реакциям относятся волнение, беспокойство, собственно тревога, страх, ужас, панический ужас. Говоря бытовым языком, тревожные реакции — это различные степени выраженности страха. В отличие от эмоций (коих — целый спектр), они монотонны и субъективно тягостны. Эмоции способствуют сохранению жизненно важного постоянства внутренней среды организма (т.н. гомеостаза), тревожные реакции нарушают гомеостаз. Поэтому эмоции, чаще всего, хочется переживать, от тревоги всегда хочется избавиться.

Мы уже не раз говорили с вами, коллеги, о том, что страх (тревога) является важным средством раннего предупреждения об опасности. Однако низкий порог

возникновения тревожных реакций приводит человека к ситуации, когда он начинает бояться любых — самых незначительных — изменений обстановки. Вообще, опасается новизны, что оказывает наиболее существенное влияние на стилистику его поведения. Тревожные натуры — консерваторы во всем, от бытовых привычек до эстетических вкусов и политического мировоззрения.

Внешний вид. Мы вынуждены констатировать, что специфического «тревожного» *телосложения* не существует в природе — одним диагностическим признаком, к сожалению, меньше.

В *оформлении внешности* тревожные (т.е. обладатели выраженного тревожного радикала) являются антиподами истероидов. Если последние из кожи вон лезут, чтобы выделиться на общем фоне, выйти на передний план, стать центром всеобщего внимания, то тревожные прячутся от людских глаз, стараются всеми силами слиться с фоном.

Помните, коллеги, мы говорили, что истероида нельзя не обнаружить на общей фотографии — настолько он ярок и контрастен по отношению к окружающим. Так вот, характеризуя с этой точки зрения тревожного, мы уберём из фразы частицу «не». Обнаружить его нельзя. Во всяком случае, очень трудно.

«Где он? — спросите вы. — Да где же?» — «Вон там, на заднем плане, за фикусом. Видите, колено торчит и плечо. Жаль, всего остального не видно».

Истероиды на групповой фотографии располагаются в центре, тревожные — рассеяны по периферии (как сетовал известный персонаж рассказа Зощенко: сняты «мутно, не в фокусе»).

Тревожные выбирают одежду тёмных тонов, неброских цветов: серого, чёрного, коричневого, темно-синего. Предпочитают монохромность (одноцветие) костюма. Украшений (речь в данном случае прежде всего идёт о женщинах) не любят, макияжа стесняются, но боятся отказаться от них совсем, поскольку в этом случае

рискуют выделиться из общей массы, погрешив против конвенциональных норм поведения. Поэтому они, если накрашены, то чуть-чуть, если в серьгах, то микроскопических.

Ходят тревожные всегда в одном и том же. Они прикипают душой к вещам и стараются как можно дольше сохранять их в целости. Обращаются с одеждой бережно, аккуратно. Не скупость (производное от эпилептоидного радикала), а боязнь столкнуться с проблемой перемены гардероба, с необходимостью приобрести и начать носить что-то новое лежит в основе подобного поведения.

Когда, несмотря на все старания, вещам приходит срок, они ветшают и окончательно теряют свою потребительскую ценность, тревожные — после мучительных колебаний, покоряясь неизбежности — идут в магазин и покупают (с третьей или четвёртой попытки) абсолютный аналог утраченной вещи. То же самое, но в обновлённом варианте.

Таким образом, приобрести обновку для тревожных — проблема, появиться в ней на людях — подвиг. Те из окружающих, кто не понял этого или не принял во внимание, рискуют в своих попытках «улучшить внешность» тревожного столкнуться с его сопротивлением, причём не столько с явным протестом, сколько со скрытым, завуалированным саботажем.

Тревожный не хочет наряжаться — и всё тут. Настойчивость при этом приведёт лишь к актуализации всё новых форм противодействия. В конце концов, придётся сдаться и оставить его в покое.

«...отказаться от наряджения, которое предлагали ей, повело бы к продолжительным шуткам и настаиваниям. Она вспыхнула, прекрасные глаза её потухли, лицо её покрылось пятнами, и с тем некрасивым выражением жертвы, чаще всего останавливающимся на её лице, она отдалась во власть m-lle Bourienne и Лизы... После двух или трёх перемен, которым покорно подчинялась княжна Марья, в ту минуту, как она была

зачёсана кверху... В голубом шарфе и масака нарядном платье, маленькая княгиня раза два обошла кругом неё, маленькой ручкой оправила тут складку платья, там подёрнула шарф и посмотрела, склонив голову, то с той, то с другой стороны.

— Нет, это нельзя, — сказала она решительно, всплеснув руками. — Нет, Мари, решительно это не идёт к вам. Я вас лучше люблю в вашем сереньком ежедневном платьице» (Л. Н. Толстой «Война и мир»).

Одним из самых неприятных происшествий, способных привести к дезорганизации поведения (мнимой смерти) тревожного, является ситуация, когда что-то случается с вещами, к которым он привык, и / или заранее, по его обыкновению, приготовил для того, чтобы надеть. Например, если близкую его телу рубашку нечаянно прожгли утюгом, испачкали, взяли без спроса...¹ О, это трагедия посильнее «Фауста» Гёте! Тревожный начинает хаотически метаться по помещению и подвывать, заламывая руки, затем — падает, обессилев. А где-то, в пяти трамвайных остановках отсюда, медленно разгорается рабочий день, начинается репетиция концерта симфонической музыки, интересное кино, встреча с популярным писателем или мастер-класс психолога-практика. И всё это — без него. Без него.

В голову тревожному при этом не приходит, что в гардеробе, если поискать хорошенько, можно найти неплохую замену утраченной вещи. Как же, ведь он настроился, он психологически подготовился к этому предмету туалета, а не к другому! Тревога, охватившая его, парализует ум, расстраивает чувства, обезоруживает волю.

Интересно, что когда истероид сталкивается с человеком, одетым в одинаковое с ним платье, он сильно расстраивается. Тревожный в подобной ситуации успо-

¹ Среди чад и домочадцев попадают-таки истеро-гипертимы, которым ничего не стоит примерить на себя понравившуюся вещь, независимо от её принадлежности, да так в ней и остаться.

каивается: ура! Есть с кем разделить ответственность за выбранный «типовой» имидж.

Та же тенденция беречь привычные вещи, сохранять их неизменное месторасположение, с большим трудом и внутренней борьбой приобретать что-то новое (но ни в коем случае не выбивающееся из установленного, раз и навсегда, скромного образа!) прослеживается и в *оформлении пространства*.

Место, где обитает человек, наделённый тревожным радикалом, узнаешь сразу. Там всё чистенько, опрятно, нет ничего лишнего, немногочисленные предметы строго на своих местах.

Именно что немногочисленные. У эпилептоидов тоже всё аккуратно, но они смело оперируют большим числом предметов, разнообразных вещей, без конца классифицируя их, сортируя, раскладывая по полочкам. Когда собственных полочек эпилептоиду уже не хватает, он протягивает руки к чужим, осуществляя вынужденную (сами, дескать, не могут навести порядка!) экспансию.

Эпилептоид расширяет границы занимаемого им пространства, тревожный — суживает до «прожиточного минимума». Эпилептоид постоянно покушается на чужую сферу компетенции, тревожный рад бы отказаться от части своей, лишь бы его оставили в покое. В этом принципиальное отличие указанных радикалов¹.

Пространство тревожных не похоже также и на пространство истероидов, и не только тем, что у истероидов все предметы, создающие интерьер, яркие, цветастые, запоминающиеся, а у тревожных — блёклые, тёмные, нарочито заурядные.

¹ На самом деле в этих радикалах больше общего, чем различий. Эпилептоид боится жизни не меньше тревожного, но ему хватает сил агрессивно защищать свою территорию и диктовать свои условия тем, кто их готов выслушивать, а тревожный бывает деморализован собственным страхом. Возможно, тревожный радикал есть некое качественное продолжение эпилептоидного, следующий этап развития органических изменений в нервной системе.

Истероиды персонифицируют своё пространство, чётко обозначают, кто в нём обитает, кто осчастливил его своим присутствием: повсюду их фотографические и живописные портреты, именные кубки и салатницы, грамоты, открытки, книги с дарственными надписями: «Дорогому Петру Петровичу в день девяностопятилетия от коллектива районной погребальной конторы. Ждём и надеемся!»

Тревожные, напротив, избегают подобной самопрезентации. Их пространство безлико, оно словно никому конкретно не принадлежит.

Среди вещей, особенно дорогих тревожным, — амулеты, обереги и т.п. Их немного, часто — всего один, но такой, с которым тревожный человек идёт по жизни, не расставаясь. Подобный амулет хранится с особой тщательностью, в самые тяжёлые минуты играя роль клапана, через который отводится излишек страха. К нему обращаются с молитвой, заклинанием: «Спаси, сохрани, избавь, укрепи дух, отведи гнев»... Потеря амулета для тревожных равносильна потере близкого друга. При этом они могут надолго впасть в состояние душевного опенения.

Позы тревожных, их мимика и жестикация весьма сдержанны, нередко как бы вообще отсутствуют. Их движения настолько невыразительны, что их трудно разглядеть, а тем более запомнить. Они всё время «сидят на краешке стула», боясь привлечь к себе излишнее внимание. Можно находиться с тревожным в одной комнате и не чувствовать, что он рядом. Не потому, что человек будет специально прятаться, скрываться. В том-то и дело, что он просто будет вести себя, как всегда, тихо и незаметно, что естественно для него.

Единственное, что более или менее отчётливо отражается на лицах тревожных, так это оттенки страха (при длительном стрессе — хронического). Помните, у Толстого: «Княжна *Марья* *возвратилась в свою комнату с грустным, испуганным выражением, которое редко*

покидало её и делало её болезненное, некрасивое лицо ещё более некрасивым».

Тревожные разговаривают обычно мало, негромко, их голос монотонный, слабо модулированный.

Вместе с тем значимым с психодиагностической точки зрения является контраст поведения тревожных в привычном (хорошо знакомом, проверенном, предсказуемом) и в новом для них окружении.

Тревожная тенденция имеет свойство несколько угадать, отступить на задний план, когда её обладатель находится среди друзей. И тогда другие радикалы, составляющие реальный характер, выходят вперёд, формируя стиль поведения.

Вам, уважаемые коллеги, наверняка не раз приходилось видеть и неутомимого спорщика, и самовлюблённого хвастунишку, и пышущего злобой клеветника, распространяющего сплетни, и поэта, декламирующего свои стихи, и остроумного рассказчика, которые... мгновенно умолкали, прятались, как улитка в раковину, стоило в привычной для них компании мелькнуть незнакомому лицу.

Качества поведения. Тревожный радикал наделяет своего обладателя боязливостью, неспособностью на решительный шаг, склонностью к сомнениям и колебаниям во всех жизненных ситуациях, мало-мальски отличающихся от привычной. Говорят: семь раз отмерь, один — отрежь. Тревожный семьдесят семь раз отмерит, и после этого всё ещё будет пребывать в раздумьях — стоит ли отрезать?

Тревожный человек, говоря словами Чехова (рассказ «Припадок»), *«сторожит каждый свой шаг и каждое своё слово, мнителен, осторожен и малейший пункт готов возводить на степень вопроса»*.

Есть ли в этой совокупности родственных качеств социально позитивный смысл? — Безусловно, есть. Как есть смысл, например, в автомобильном тормозе. Попробуйте-ка обойтись без него — разобьётесь!

По сути, проявляя присущую ему осторожность, тревожный требует от любого, кто стремится к новизне, к внедрению новых условий и правил жизни, по-настоящему убедительных доказательств объективной необходимости перемен, продуманности, взвешенности вносимых предложений.

Препятствуя нововведениям, тревожный ревностно хранит традиции — и производственные, и бытовые, и мировоззренческие. Некий профессор Примроз из Эдинбургского университета скептически отреагировал на знаменитое открытие Вильяма Гарвея: «Раньше врачи не знали кровообращения, но умели лечить болезни». Да уж, «раньше мы ничего такого не знали, но зато всё умели», — любимая песня тревожных. Из этого следует, по их мнению, что вообще ничего в мире не нужно менять. Пусть всё остаётся, как прежде — чинно и благородно. Тревожные, как автор успел уже отметить ранее, — истинные консерваторы.

Существуют, как известно, две основные тенденции в развитии природы и общества: изменчивость (приобретение новых свойств, соответствующих сегодняшним, завтрашним и вообще перспективным требованиям окружающей среды) и наследственность (консервация лучшего, что удалось приобрести на предшествующих этапах эволюции). Тревожные олицетворяют собой, точнее, всемерно поддерживают, наследственность, с тем лишь добавлением, что они стремятся консервировать не всегда лучшее, а лишь привычное.

В деятельности тревожные исполнительны, пунктуальны, организованны, потому что боятся, не выполнив задания в установленный срок, оказаться в нестабильной, непредсказуемой ситуации. При этом, прежде чем взяться за работу, они пытаются минимизировать степень своей ответственности, для чего добиваются от руководителя чёткой постановки задачи, подробных инструкций на все случаи жизни.

«А если вовремя не подвезут необходимых материалов, тогда что? — спрашивает тревожный исполнитель

у своего начальника. — Позвонить и потребовать?» — «Понял. А если они скажут, что у них нет, тогда что?» — «Найти других поставщиков?» — «Понял. А если... Тогда что?» Вполне вероятно, что, утомлённый подобным предохранительным занудством и мнимой бестолковщиной, начальник перепоручит это задание другому сотруднику. В этом случае тревожный, внутренне ликуя, не преминет упрекнуть руководителя в непоследовательности, дескать, сам не знает, чего хочет — то сделай ему, то не делай.

Тревожные постепенно «врастают» в порученное им дело, в избранную профессию, с каждым годом осваивая её всё прочнее и детальнее. Кроме того, им психологически комфортно приходит каждый раз в один и тот же кабинет, садиться за один и тот же рабочий стол, поэтому они не изменяют своему поприщу — служат верно и долго. Это именно тревожные отмечают сорока-, пятидесятилетия работы на одном месте, на одном предприятии (нередко, в одной и той же должности).

«Я помню, как стройным юношей я впервые пришёл на наш комбинат, — говорит в заздравной речи седовласый директор, обращаясь к юбиляру, — и вы, уже в те годы опытный бухгалтер, взяли меня к себе в ученики. Сегодня мы радостно чествуем вас — старейшего бухгалтера Вселенной!» Директор, по гипертимной забывчивости или из эмотивной деликатности, не вспоминает при этом, как «опытный бухгалтер» кряхтел, бухтел и недовольно сопел, тогда, много лет назад, не желая брать шефство над кем бы то ни было.

Действительно, тревожным в тягость осуществление руководящих функций, поэтому часто, будучи хорошими, опытными профессионалами, они категорически отказываются от предложений занять должность начальника, пусть даже самого маленького.

В общении с окружающими тревожные также проявляют избирательность и постоянство. Они долго приглядываются к человеку, прежде чем пойти на poste-

пенное сокращение межличностной дистанции. Но тем, кого они подпустили поближе, к кому привыкли, тревожные остаются преданными на долгие-долгие годы, нередко — на всю жизнь. Их круг общения, таким образом, очень узок и состоит из одного, двух, трёх — не больше, друзей детства (даже не друзей в полном экспрессивном смысле этого слова, а приятных старых знакомых).

Важно понимать, что наличие тревожного радикала не делает общение более доброжелательным, гармоничным, сердечным. Тревожные вовсе не добры, не приветливы, не деликатны. Они лишь предпочитают держаться на расстоянии и помалкивать, когда их не спрашивают.

Задачи. Вы будете удивлены, коллеги, но диапазон задач, с которыми способен в принципе справиться тревожный, не так уж и узок.

Тревожного можно научить выполнять многие виды работ, в том числе, довольно рискованных, объективно опасных. Но при одном обязательном условии — учить его надо будет долго, постепенно, шаг за шагом, причём шаги должны быть очень маленькими, осторожными — не дай бог испугается! Словом, чтобы добиться от тревожного умения прыгать с парашютом, начинать прыжки надо с детской скамеечки — не выше.

Тревожный должен привыкнуть ко всему новому, что, не спросив его разрешения, ему навязала жизнь. Появится привычка — тревога несколько отступит. Нередки ситуации, когда тревожный вначале яростно сопротивляется переменам, затем, приспособившись, притерпевшись к новому положению вещей, не менее яростно возражает против попыток вернуться к старому.

Лучше всего, комфортнее, ему, разумеется, справляться с рутинной, монотонной работой. Хуже всего — с работой, предполагающей публичность, частую смену рода занятий, необходимость принимать самостоятельные решения, тем более, не имея времени на их под-

готовку и осмысление, — смело, экспромтом, на свой страх и риск.

Особенности построения коммуникации. Грубыми коммуникативными ошибками в отношении тревожного будут:

а) озадачить его и оставить без моральной и информационной поддержки, один на один с непредсказуемо развивающимися событиями;

б) поставить его в условия, требующие быстрого принятия решения (независимо от степени сложности решаемого вопроса);

в) отказаться от ранее достигнутых договорённостей, резко изменить согласованные с ним правила коммуникации, пусть даже очевидно для пользы дела.

Во всех этих случаях он испытает сильный психологический дискомфорт, приостановит свою активность (мнимая смерть), а вас запишет в непредсказуемые, что в устах тревожного является наихудшей оценкой человека. Возобновить с ним контакты после этого будет крайне сложно.

Общаясь с тревожным, следует избегать проявлений прежде всего истероидности и гипертимности.

Тревожный, опасаясь негативных для себя последствий, интуитивно сторонится и не одобряет поведения людей, жаждущих публичного признания («Выскачка, — думает он про таких неприязненно, — болтает, обещает... Ещё беду накличет»), а также готовых пуститься в любую авантюру. Тревожные ценят в людях последовательность, постоянство, скромность, отсутствие амбиций и планов переустройства мира (из-за этого, как вы понимаете, достаётся от них и паранойялам).

Испытывая нечто вроде благодарности к эпилептоидам за их настойчивость в установлении и поддержании строгого порядка, тревожные, тем не менее, боятся эпилептоидной грубости и излишней требовательности. Часто, вместо покорности, повиновения и испол-

нительности, к которой склонны, они обнаруживают в ситуации прямого контакта с обладателями этого мизантропического радикала всё ту же несостоятельность, впадая в мнимую смерть.

«Утром, по обыкновению, княжна Марья... Входила для утреннего приветствия в официантскую и со страхом крестилась и читала внутренне молитву. Каждый день она входила и каждый день молилась о том, чтобы это ежедневное свидание (с отцом — В.П.) сошло благополучно.

...княжна испуганно взглядывала на близко от неё блестящие глаза отца; красные пятна переливались по её лицу, и видно было, что она ничего не понимает и так боится, что страх помешает ей понять все дальнейшие толкования отца, как бы ясны они ни были... Каждый день повторялось одно и то же: у княжны мутилось в глазах, она ничего не видела, не слышала, только чувствовала подле себя сухое лицо строгого отца, чувствовала его дыхание и запах, и только думала о том, как бы ей уйти поскорее из кабинета и у себя на просторе понять задачу...

...Княжна взглянула на часы и, заметив, что она уже пять минут пропустила то время, которое должна была употреблять для игры на клавикордах, с испуганным видом пошла в диванную. Между 12 и 2 часами, сообразно с заведённым порядком дня, князь отдыхал, а княжна играла на клавикордах» (Л. Н. Толстой «Война и мир»).

И всё же, выходит, что взаимоотношения с epileptoидами из всех возможных вариантов тревожных устраивают больше всего¹. Доказательством может служить (помимо жизненного опыта, разумеется) следующий фрагмент диалога княжны Марьи и её брата — князя Андрея:

¹ К слову, тревожные очень любят общество эмотивных, но не чувствуют в них необходимой опоры, защиты.

«— Ну, а по правде, Marie, тебе, я думаю, тяжело бывает иногда от характера отца? — вдруг спросил князь Андрей.

Княжна Марья сначала удивилась, потом испугалась этого вопроса.

— Мне?.. Мне?.. Мне тяжело?! — сказала она. — ... я так довольна и счастлива с ним... Я только желала бы, чтобы вы все были счастливы, как я» (Л. Н. Толстой «Война и мир»).

И вот всё, уважаемые коллеги, что мы скажем с вами о тревожном радикале.

Прежде чем, по обыкновению, сформулировать вопросы и задания, автору хотелось бы сказать несколько напутственных слов.

Этап введения в методику «Семь радикалов» завершён. Мы достаточно подробно и близко познакомились с каждым из радикалов, узнали и запомнили их характерные внешние проявления, а также иные качества поведения, им присущие. Образно говоря, мы научились различать буквы. Настало время перейти к чтению слов.

Мы обязательно сделаем это, уже в следующей главе. Но прежде хотелось бы ещё раз провести перед вашим мысленным взором череду поведенческих тенденций, сопряжённых с известными нам теперь радикалами:

- Истероидная тенденция заключается в основном в создании и презентации широкой общественности иллюзорно благополучной модели мира, в которой центральное место занимает собственное «Я» истероида.

- Эпилептоидная тенденция — стремление контролировать информационные потоки (предметы и людей), подавление потенциальной угрозы (опасности) за счёт установления жёсткого, авторитарного формального порядка.

- Паранойяльная тенденция — настойчивое продвижение в сознание масс собственной (заимствованной у шизоида, но упрощённой) модели переустройства мира с целью совместной работы над её реализацией.

- Эмотивная тенденция — гуманизация и гармонизация внутреннего и внешнего мира.

- Шизоидная тенденция — истинно оригинальный, нестандартный взгляд на мир, рождающий творчество.

- Гипертимная тенденция — оптимистическое, задорное отношение к реальности, без ухода в мнимое благополучие.

- Тревожная тенденция — осторожность, консерватизм, стремление многократно убедиться в объективной необходимости и продуманности любого нововведения.

Иными словами, шизоиды нужны социуму для того, чтобы, взглянув на мир, не как все, не ортодоксально, выработать очередную преобразовательную идею; истероиды — для того, чтобы сообщить эту идею, как нечто новенькое, привлекательное, как можно большему числу окружающих; паранойялы — чтобы, упростив идею до лозунга, понятного массам, обеспечить её общественную реализацию; epileптоиды — чтобы построить в колонны и шеренги эти самые массы, мобилизовать их на общественно полезный труд (не пряником, так кнутом); эмотивы — для того, чтобы напоминать всем остальным, что массы состоят из людей, нуждающихся в любви, сочувствии и отдыхе, что, на самом-то деле, идея должна служить обществу, а не общество — идее; тревожные — чтобы удержать социум от поспешных, непродуманных действий; гипертимы — чтобы обеспечить обществу возможность в случае чего отправить подальше всех этих шизо-паранойялов с их идеями, и при этом не впасть в грех уныния, а, напротив, с радужным оптимизмом начать жизнь с начала, с чистого листа, с новой дороги...

Эти тенденции, сливаясь, взаимодействуя и оказывая взаимное влияние, образуют реальные характеры,

с которыми нам предстоит иметь дело, как психологам, педагогам, управленцам.

Подчёркиваю, коллеги: не с отдельными тенденциями (радикалами) мы будем в дальнейшем работать, а с целостным характером, состоящим из совокупности тенденций. Работать — значит определять его основные поведенческие качества, круг доступных и недоступных задач, особенности построения коммуникации...

Это будет вскоре, а пока...

Вопросы и задания:

1. Назовите внутренние условия формирования тревожного радикала. Какие качества этот радикал привносит в оформление внешности, пространства?

2. Какие профессии, на ваш взгляд, лучше всего могут быть освоены тревожными?

3. Найдите описания проявлений тревожного радикала в характере центрального персонажа рассказа А.П. Чехова «Человек в футляре» — Беликова. Какие ещё радикалы входят в его целостный характер?

4. Приведите примеры проявлений тревожного радикала у других литературных персонажей, на ваш выбор.

5. Попробуйте описать общедоступным литературным языком (без применения специальной терминологии) поведение известных и интересных вам людей, наделённых доминирующими истероидным, эпилептоидным, паранойяльным, эмотивным, шизоидным, гипертимным, тревожным радикалами. Сделайте упор на их оформлении внешности, проявлениях качеств характера в профессиональной деятельности, в быту, в общении с окружающими.

ГЛАВА 9. Реальный характер: распознавание и управление

Знакомство с тревожным радикалом завершило теоретическую часть нашего исследования. Пришла пора заняться технологией распознавания реального характера. Для этого потребуется ввести в наш диалог понятие «психологический профиль».

Психологический профиль — это схематическое изображение характера как иерархической последовательности входящих в него радикалов. На первое место в психологическом профиле ставится тот радикал, который играет основную, доминирующую роль, определяя ведущую поведенческую тенденцию в характере. Далее следуют остальные радикалы, которые были выявлены в процессе психодиагностики, по убывающей — вплоть до самого малозначительного.

Психологический профиль можно изображать по-разному. Например, он может представлять собой диаграмму, в которой столбиками различной высоты обозначены радикалы, входящие в реальный характер.

Этот приведённый в качестве примера профиль означает, что в реальном характере наиболее выражен (доминирует) истероидный радикал, на втором месте

(субдоминирует) — гипертимный радикал, третьим по степени выраженности является эмотивный, четвёртым — epileптоидный, пятым — паранойяльный.

Для большей простоты и удобства профиль может быть обозначен не столбиками (хотя тем, кто делает в психодиагностике первые шаги, я рекомендую использовать именно столбики — они заставляют как-то по-особенному задуматься), а последовательностью сокращённых наименований радикалов. В этом случае наш примерный профиль будет выглядеть так: ист. — гип. — эмо. — эпи. — пар.

Мне самому больше по душе цифровой код. Давайте условимся использовать для обозначения радикалов цифры от 1 до 7 (в порядке их изучения: истероидный — 1, epileптоидный — 2, паранойяльный — 3, эмотивный — 4, шизоидный — 5, гипертимный — 6, тревожный — 7). Тогда, выстраивая наш профиль, мы получим такую последовательность цифр: 1, 6, 4, 2, 3.

Полагаю, уважаемые коллеги, у вас сразу же возникло несколько вопросов. Сколько радикалов целесообразно (достаточно) включать в психологический профиль? Сколько радикалов вообще может входить в реальный характер? Как определить эту самую «иерархию» радикалов? Как в одном характере сосуществуют радикалы, основанные на разных (подчас, противоположных) свойствах нервной системы и вообще возможно ли подобное сочетание?

Отвечу последовательно. Первое. *В психологический профиль желательно включать все обнаруженные (определённые в процессе психодиагностики) радикалы.* Существует правило: завершать диагностику характера нужно тогда, когда понимаешь, что ничего нового к уже сказанному тобой об этом человеке добавить не сможешь.

Конечно, многое в психодиагностике (как и в любой другой области профессиональной деятельности) зависит от опыта. От начинающего диагноста сложно

требовать получения исчерпывающей информации об изучаемом характере. С этой точки зрения психологический профиль, состоящий из трёх достоверно определённых радикалов, — это неплохой результат психодиагностических усилий. С его помощью можно решить основные задачи психологического прогнозирования и управления поведением.

Второе. *В реальный характер могут входить, теоретически, все семь радикалов, описанных нами в рамках изучаемой методики.* Принцип таков: чем большим числом радикалов наделён человек, тем более широким спектром адаптационных возможностей он обладает. При этом, однако (от диалектики не уйдёшь!), нарушается монолитность, цельность характера, возрастает его внутренняя противоречивость.

Вообще, весь мир живых существ, не исключая и человека, делится в зависимости от стиля адаптации к окружающей среде на две большие группы — на «специалистов» (приспосабливающихся к какой-то одной среде обитания) и «универсалов» (способных выживать в нескольких разных средах).

Упрощая ситуацию (но не теряя смысла), можно сказать, что «специалисты» нацелены эволюцией на совершенствование одного-единственного способа адаптации. Их пищевой рацион, область обитания и т.д. строго определены и неизменны. Преимущество «специалистов» заключается в том, что они лучше всех приспособлены к жизни в данных условиях. Если среда требует быстроты и ловкости, они наиболее быстры и ловки, если выносливости и терпения — выносливы и терпеливы, как никто другой...

«Универсалы» идут другим путём. Они приобретают в процессе развития вида всё новые и новые способности, пополняя и расширяя арсенал адаптационных инструментов. Их преимущество — в умении существовать в различных условиях. Понятно, что в эффективности освоения той или иной — конкретной — среды обитания «универсалы» уступают «специалистам», но

зато они смело преодолевают границу между разными средами, перед которой «специалисты» беспомощно останавливаются.

Сравним, к примеру, гепарда и медведя (да простят нас зоологи, если что не так!). Гепард приспособлен питаться мясом копытных животных, населяющих полупустыню (саванну и т.п.). В погоне за добычей он может развивать умопомрачительную скорость, недоступную медведю. Попытайся медведь побегать наперегонки с гепардом, он умер бы от разрыва сердца... Но если в результате каких-либо внешних причин популяция копытных резко уменьшится, гепарды будут обречены на голодную смерть, они не смогут, как медведи (которые, кстати, тоже не прочь полакомиться козочкой или лосёнком), объедать ягодные кустарники, ловить рыбу в реке, находить в земле съедобные коренья, залезать на деревья в поисках дикого мёда.

Приспособление людей к социальной среде происходит аналогично. Чем больше в характере радикалов, тем ближе его обладатель к «универсалам». Эдакий «человек — социальная амфибия». Он вполне успешен и в тиши научного кабинета, в кропотливом труде исследователя, и в переполненном актовом зале университета, где эффектно выступает с публичными лекциями, и на спортивной площадке, в сражении за личное первенство по «городкам», и на дачном участке, где возделывает морковные грядки...

«Специалисты» социальной адаптации с лёгкой руки немецкого профессора психиатрии К. Леонгарда получили наименование акцентуантов¹. В характере этих людей отчётливо доминирует, заглушая проявления иных тенденции, один радикал. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. Леонгард писал об акцентуантах, что они, проигрывая остальным в обыденной жизни (разнообразной, требующей универсальности),

¹ Леонгард К. Акцентуированные личности.

опережают в деятельности, для которой присущие им качества характера являются профессионально важными¹.

Таким образом, в реальный характер может входить различное число радикалов, и чем их больше, тем дальше человек, ими наделённый, уходит в стилистике поведения от полюса «специалист» к полюсу «универсал». Что лучше? Невозможно ответить однозначно. Чтобы забить гвоздь, лучше иметь молоток. Чтобы отрезать кусок хлеба — хлебный нож. Чтобы подстричь ногти — маникюрные ножницы... Но зачем-то ведь делают ножи со многими десятками лезвий и иных приспособлений? Значит, они нужны, пользуются спросом в нашей многоплановой динамичной жизни.

Поговорим теперь о том, как определить иерархию радикалов в психологическом профиле.

Построение психологического профиля осуществляется *в два этапа*. На первом этапе исследователь (диагност) распознаёт вообще все радикалы, которые входят в характер. Пока без установления их иерархии. Называет их, обосновывает фактами, т.е. объясняет себе и другим заинтересованным лицам, что именно в поведении человека дало основание говорить о присутствии того или иного радикала в его характере. На втором этапе, собственно, происходит окончательное формирование последовательности радикалов, отражающей степень их влияния на поведение в целом.

Чтобы справиться с первым — *констатирующим* — этапом, достаточно хорошо знать внешние признаки радикалов. Надеюсь, при внимательном прочтении предыдущих глав, это знание вполне может быть получено. Пользуясь случаем, повторю одно из важных правил психодиагностики: если вы обнаружили хотя бы

¹ Мы с вами, коллеги, посвятили немало времени обсуждению профессиональных задач, решение которых существенно облегчается или, наоборот, затрудняется при наличии в характере того или иного доминирующего радикала, поэтому повторяться не станем.

один из признаков радикала (но обнаружили уверенно, без тени сомнения) — смело включайте этот радикал в создаваемый вами психологический профиль.

Со вторым этапом дело обстоит сложнее. В ситуациях, когда необходимо быстро сориентироваться в характере индивида (случайного собеседника, например), довольно будет и приблизительной иерархии радикалов. Иными словами, достаточно определить два-три ведущих радикала профиля и не перепутать их с радикалами, замыкающими реальный профиль (не поставить, к примеру, явному гипертиму на первое место в профиль тревожный радикал), чтобы вполне корректно выстраивать с человеком комфортные взаимоотношения. На самом деле, это вполне возможно.

При таком экспресс-подходе на первые места в психологическом профиле следует ставить те радикалы, признаков которых в поведении изучаемого человека больше всего. Смотрите на человека — и сразу понимаете: «Ба! Да это же — истероид! И как ещё много в нём эпилептоидности!» И здесь, разумеется, не обойтись без двух вещей: а) глубокого понимания сущности каждого радикала¹; б) постоянно тренируемой наблюдательности.

Подумав, добавлю ещё и «в»: коллеги, не мудрите, наступите на горло собственной шизоидности при трактовке наблюдаемых вами проявлений характера. Не наделяйте поведенческий феномен ложной многозначительностью.

В условной середине профиля — на третьем-пятом местах — следует располагать радикалы, признаков которых существенно меньше, по сравнению с ярко выраженными (доминирующим и субдоминирующим) радикалами, но всё же эти признаки вполне очевидны,

¹ Что даст возможность учитывать не только те его признаки, которые были описаны выше, но и иные, индивидуальные, описать которые из-за их многообразия просто невозможно. Другими словами, это даст возможность соотносить любое поведенческое проявление с конкретным радикалом.

их выявление не требует особо заострённой наблюдательности и умственных усилий.

Представим, что перед нами человек, одетый в неброскую, грязно-серого цвета одежду, настолько невыразительный внешне и поведенчески пассивный, что мы не сразу замечаем его присутствие. При этом его причёска, ногти и т.д. явно ухожены, на пальце перстень (небольшой, не яркий, но тем не менее). Одежда, в крое которой преобладают плавные линии, хорошо на нём сидит, удобна ему, выдержана в едином стиле (без признаков эклектики) и соответствует требованиям обстановки. Как мы расставим радикалы в его психологическом профиле?

На первое место следует, по моему мнению, поставить тревожность, поскольку внешние признаки, описанные выше, более всего соответствуют именно этому радикалу. На втором-третьем местах (пока так) расположатся истероидный и эмотивный радикалы. Для более точного распределения радикалов по местам потребуется дополнительная информация. Скажем, об оформлении индивидуального пространства, успехах и затруднениях в профессиональной самореализации и т.д.

Разумеется, чем больше такого рода информации, тем корректнее психологический диагноз (психологический профиль). Но в любом случае даже после столь беглой психодиагностики становится ясно, что, выстраивая отношения с этим человеком, нужно обязательно учитывать его повышенную тревожность и скрытые под ней — до поры — эмоциональную восприимчивость и желание нравиться.

Рассмотрим ещё один пример. Человек, одетый ярко (даже слишком, на взыскательный взгляд), претенциозно, с множеством украшений, старающийся во что бы то ни стало выдвинуться на первый план, в центр внимания, говорящий только о себе с явным преувеличением собственных возможностей и заслуг. При этом его телосложение ближе всего к астеническому, и он носит длинные волосы. Очевидно, что первые две позиции его психологического профиля могут быть

названы вполне уверенно. Конечно, это истероидный и шизоидный радикалы.

Для определения радикала, занимающего третью позицию в профиле, информации как будто недостаточно. Или всё-таки кое-что есть?

Мы упоминали о том, что сочетание истероидного и шизоидного радикалов (в цифровом коде — 1, 5), за счёт одновременной яркости и эклектичности, приближает внешность их обладателя к т.н. клоунской. В вышеприведённом примере ни о чём подобном сказано не было (а упустить из виду этот характерный образ, как вы понимаете, невозможно), говорилось лишь о чрезмерной яркости оформления внешности. Это наталкивает на мысль о присутствии в данном характере тенденции, которая гармонизирует шизоидную, противодействует сопряжённой с ней эклектике, т.е. об эмотивности.

Где же располагается эмотивный радикал в обсуждаемом психологическом профиле — до или после шизоидного?

По-видимому, всё-таки после, поскольку истеро-эмотивное сочетание (1, 4) является наиболее выигрышным внешне, привлекательным для подавляющего большинства наблюдателей. При взгляде на человека, им наделённого, не возникает мыслей о чём-то «слишком» или «чересчур».

Профиль 1, 4, 5 — это броская, художественно оформленная внешность, которую трудно не заметить и не оценить по достоинству, это представительная, учтивая манера держать себя в обществе, сочетающая желание нравиться с искренним вниманием к окружающим. На наличие шизоидности будут указывать лишь удлинённые холёные волосы, ногти. Возможно, какие-то экзотические безделушки в руках (чётки, веер и т.п.), украшения, имеющие некую символику (масонский перстень, например). И, безусловно, признаки астенического телосложения.

Сравните это описание с обсуждаемым примером, и вы поймёте, что между ними существует разница.

В примере обнаруживается отчётливый эгоцентризм, назойливость в стремлении обратить на себя внимание. Следовательно, гармонизирующего влияния эмотивности недостаточно, чтобы нивелировать грубовато-инфантильное желание шизо-истероида завладеть аудиторией, понравиться всем без разбора (на самом деле добиваясь обратного эффекта — вызывая раздражение у многих). Так что психологический профиль данного персонажа, вероятнее всего, таков: 1, 5, 4.

Существует эмпирически установленное правило: *чем больше умственных усилий, напряжения требует поиск поведенческих признаков радикала, тем ближе к концу профиля его следует располагать.*

В нашем примере истероидность мы увидели сразу. Тут же, практически без размышлений, — шизоидность. Определение эмотивности потребовало рассуждений (что более затратно, не правда ли?). Если ещё поднатореть, то можно задаться вопросом: чем обусловлено настойчивое желание изучаемого нами персонажа так много говорить о себе, о своих возможностях и заслугах? Не кроется ли за этим намерение обратить присутствующих «в свою веру», а стало быть, паранойяльность? Во всяком случае, исключить этого нельзя. Как гипотеза принимается.

Таким вот образом, уважаемые коллеги, и выстраивается цепочка рассуждений при разработке психологического профиля. Ничего особенного, как видите.

Не нужно пасовать перед ситуациями, когда проявления нескольких радикалов присутствуют, кажется, в равных пропорциях. Это, всего-навсего, означает, что поведенческие тенденции, обусловленные этими радикалами, почти равно представлены в реальном характере¹.

¹ На самом деле доминирующий радикал, ведущий человека по жизни, определяющий его основные устремления, всё же есть, но при экспресс-диагностике «универсального» характера этим обстоятельством, без особого ущерба, можно пренебречь.

Как правило, в таких случаях их ситуативная иерархия (а при выстраивании краткосрочных отношений, в оперативном режиме, дело приходится иметь именно с ней) динамично меняется, подчиняясь «*принципу камертона*»: наибольшую выраженность в поведении получает тот радикал, который обеспечивает наилучшую адаптацию к конкретной обстановке (и в этом тоже преимущество «универсалов»!). Этот радикал отчётливо виден, его трудно не распознать. И апеллировать при начале отношений следует именно к нему. Если всё же будет допущена ошибка при определении этого (условно, ситуационно) ведущего радикала — беда не большая. По отношению к универсальному характеру с равно выраженными радикалами коммуникативную ошибку совершить трудно — куда-нибудь, да попадёшь. Важно, правда, не записывать в такие «универсалы» всех подряд, что может стать следствием некачественной, неумелой психодиагностики.

Чтобы этого не произошло, я рекомендую никуда не спешить, не торопиться с выводами в отношении изучаемого характера, а подходить к делу дотошно, во всеоружии наблюдательности и профессионализма. Не всегда же разработка психологического профиля выполняется на скорую руку! Правильнее будет взять карандаш и лист бумаги, устроиться спокойно за столом и воспользоваться для выстраивания искомой иерархии методикой *попарного сравнения радикалов*.

Что это за методика? Давайте познакомимся с ней на каком-то конкретном примере. К сожалению (с позиций освоения технологии) и к счастью (с точки зрения психодиагностической этики) у нас с вами, коллеги, нет возможности проанализировать поведение какого-либо реально существующего человека с целью построения его психологического профиля¹. Поэтому тре-

¹ У нас с вами пока нет общих близких знакомых, а даже если есть, то они не давали нам никакого права обсуждать их публично.

нироваться придётся, что называется, «на кошках», т.е. главным образом на литературных персонажах (не возбраняется также исследовать профили популярных исторических и политических деятелей — прошлого, разумеется!).

Предлагаю проанализировать характер Дарьи Дмитриевны Булавиной (главной героини романа А. Н. Толстого «Хождение по мукам»). При этом начать, согласитесь, логично будет не сразу со второго этапа построения психологического профиля, а с начала — с первого этапа, с распознавания радикалов. Итак, приступим.

С Дарьей Дмитриевной Булавиной — Дашей — читатель знакомится с первых же страниц романа, однако яркого впечатления эта героиня не производит. Понять и определить её характер сложно. В ней чувствуется какая-то недоговорённость, сдержанность, самоконтроль, обуздывающий душевные проявления.

«В третьем ряду кресел, у среднего прохода, подперев кулачком подбородок, сидела молодая девушка в суконном чёрном платье, закрытом до шеи (не будем приписывать особенности Дашиного наряда тогдашней моде, другой персонаж романа — почти ровесница Даши, Елизавета Киевна — одета совершенно иначе — В.П.). Её пепельные тонкие волосы были подняты над ушами, завёрнуты в большой узел и сколоты гребнем. Не шевелясь и не улыбаясь, она разглядывала сидящих за ... столом, иногда глаза её подолгу останавливались на огоньках свечей... Во время перерыва девушка пошла в буфетную и стояла у дверей, нахмуренная и независимая...»

Отсутствие определённости в поведении, неяркость, какая-то «размытость» образа наводят на мысль о наличии в психологическом профиле изучаемого лица **тревожного** радикала. Именно тревожность сдерживает, «гасит» другие радикалы, позволяя им проявиться только в привычной обстановке. Эта диагностическая гипотеза подтверждается следующей сценой:

«Даша... Стала протискиваться к вешалке. Сердитый швейцар... Таская вороха шуб и калош, не обращал внимания на Дашин протянутый номерок. Ждать пришлось долго...»

Для того чтобы на внешне привлекательную молодую девушку, к тому же, самолюбивую, эгоцентричную (как выясняется в дальнейшем), не обратили внимания (и она не создала для этого адекватного повода) — нужна, согласитесь, веская причина. И причина эта — тревожность в её характере. Среди незнакомых людей Даше неуютно, она робеет в их присутствии.

Помимо тревожности, представляется важной склонность Даши усложнять собственное отношение к окружающим, к себе самой, к своим душевным состояниям и настроениям, к явлениям и процессам, привычным и естественным для подавляющего большинства людей. Она многое понимает по-своему, во многом видит неоднозначность, неопределённость, иносказание.

«Девушка в чёрном суконном платье не была расположена вдумываться в то, что говорилось с дубовой кафедры. Ей казалось, что все эти слова и споры, конечно, очень важны и многозначительны, но самое важное было иное, о чём эти люди не говорили...

...нарушилось тонкое равновесие, точно во всём Дашином теле... зачался какой-то второй человек, душный, мечтательный, бесформенный и противный. Даша чувствовала его всей своей кожей и мучилась...»¹

То есть мы обнаружили у нашей героини **шизоидность**. Эту гипотезу подтверждает целый ряд содержательных деталей.

Во-первых, несмотря на уже вполне зрелый по тем временам девятнадцатилетний возраст, Дашины вкусы

¹ Оцените, коллеги, этого «второго человека». Напомню, что по сюжету романа это чувство возникло у Даши как реакция на пробуждающийся интерес к сексуальным отношениям. Для людей, мыслящих ортодоксально, подобное раздвоение личности в любой жизненный период, в том числе — в период полового созревания, нехарактерно.

не определены. В частности, одежду (а для женщины при традиционном укладе общества одежда — это реализация целого комплекса важных коммуникационных технологий) ей выбирает старшая сестра — Катя. А это значит, что Даша себя не знает и плохо понимает, что ей нужно в жизни, как её воспринимают окружающие.

Во-вторых, Даша, как мы уже отмечали, склонна к усложнённым размышлениям, она пытается каждый эпизод своей жизни непременно осмыслить, для того, чтобы затем включить его в создаваемую в собственном внутреннем пространстве — несколько своеобразную — систему мировоззрения, миропонимания. Даша не может жить и действовать интуитивно. У неё существенно снижена способность к эмоциональной рефлексии, в результате чего она часто допускает невольную и неосознаваемую ею самой бестактность во взаимоотношениях с людьми.

Желая получить ясное представление о той или иной щекотливой ситуации, существующей за рамками её индивидуального опыта, она буквально выпытывает «правду» о происходящем у окружающих, прежде всего — у близких, не понимая, что тем самым наносит непоправимый вред их взаимоотношениям. А когда это понимание приходит — во всей своей очевидности — это всегда неожиданно для Даши:

«Семейное несчастье (по требованию Даши её сестра — Екатерина Дмитриевна призналась мужу в своей неверности — В.П.) произошло так внезапно, и домашний мир развалился до того легко и окончательно, что Даша была оглушена...»

В-третьих (и это тоже нельзя сбрасывать со счёта, учитывая генетическое, во многом, происхождение радикалов), отец сестёр Булавиных — доктор Дмитрий Степанович Булавин — в поведении обнаруживает отчётливые черты шизоидности:

«Доктор... Кашлял... И почёсывал под раскрытой рубашкой волосатую грудь. Читая, он прихлёбывал

с блюдца жидкий чай, сыпал пепел на газету, на рубаху, на скатерть... Дмитрий Степанович посмотрел на дочь поверх треснувшего пенсне... и сломанным гребешком начал начёсывать на лоб седые кудрявые волосы...»

Очевидная неряшливость и пренебрежение культурой поведения. К тому же — сломанный гребешок, треснувшее пенсне... Эти предметы в обиходе далеко не бедного, известного в большом губернском городе врача (впоследствии — влиятельного политического деятеля) могли появиться лишь при наличии в его характере шизоидности.

Итак, в психологический профиль характера Даши мы готовы включить тревожный (7) и шизоидный (5) радикалы. Но этим профиль явно не исчерпывается. Дарья Дмитриевна любит музицировать, интересуется живописью, влюбляется, искренне радуется, испытывает угрызения совести (эмотивность — 4); у неё стройное, атлетически сложенное тело, она довольно сильна физически, неплохо, с азартом играет в теннис, поддерживает, наперекор шизоидности, порядок в своей комнате, соблюдает, хотя и не всегда, режим дня (эпилептоидность — 2); хотя у неё и нет какой-либо определённой жизненной стратегии, но настойчивости она не лишена, что обнаруживается при решении бытовых, житейских задач, а также при выполнении данных ей поручений (паранойальность — 3):

«Даша вставала рано, садилась за книги и сдавала экзамены, почти все — «отлично»... Целые вечера Даша играла на рояле... Часов в одиннадцать Даша закрывала рояль, задувала свечи и шла спать, — всё это делалось без колебаний, деловито...»

Она неплохо справляется с необходимостью вживаться в разные роли, из психологически сложных ситуаций она перемещается душой в мир оптимистических, позитивных иллюзий (истероидность — 1):

«Что ни говори о Дашиных сложных переживаниях, — прежде всего она была женщиной... Неделю

тому назад, когда она увядала, как ландыш, у окна, и казалось, что жизнь кончена, и ждать нечего, — её не прельстили бы, пожалуй, никакие сокровища. Теперь всё вокруг раздвинулось, — то, что она считала в себе оконченным и неподвижным, пришло в движение. Наступило то удивительное состояние, когда желания, проснувшиеся надежды устремляются в тревожный туман завтрашнего дня... Среди паутины трещин в туманном стекле Даша увидела какую-то другую женщину, медленно натягивающую шёлковые чулки. Вот она опустила на себя тончайшую рубашку, надела бельё в кружевах. Переступая туфельками, отбросила в сторону штопаное. Накинула на голые худые плечи мех... Ты кто же, душа моя? Кокоточка? Налётчица? Воровка?.. Но до чего хороша... Так, значит, всё впереди? Ну, что ж, — потом как-нибудь разберёмся...»

Кроме того, Даша наделена гипертимностью: она не стремится к увеселениям, приключениям, но и не чурается их. Таким образом, поведение Дарьи Дмитриевны Булавиной, каким его описал прекрасный психолог и мастер слова А. Н. Толстой, обусловлено «универсальным» характером, в который входят тревожный, шизотипный, эпилептоидный, эмотивный, истероидный, гипертимный и паранойяльный радикалы.

Какова же их иерархия? Приступим к попарному сравнению радикалов. После первого этапа работы над психологическим профилем он выглядит так: 7, 5, 2, 4, 1, 6, 3.

Сущность «попарного сравнения» заключается в сопоставлении ближайших друг к другу радикалов в профиле, с целью определить, какой из двух сравниваемых радикалов оказывает наибольшее влияние на поведение изучаемого индивида. При этом каждый из двух радикалов ставится то на первое, то на второе место в паре. Впрочем, сказанное станет гораздо понятнее, если мы опробуем эту методику на практике.

Начнём слева направо, как при письме. На мой взгляд, так будет удобнее. Сопоставим первые два радикала: 7 и 5. Какой из них наиболее выражен в этом характере? Как выглядит их реальное сочетание в профиле: 7, 5 или 5, 7?

Чтобы правильно ответить на эти (и аналогичные) вопросы, нужно понимать, что *первый из сопоставляемых радикалов в паре задаёт цель поведения* (т.е. тот результат, к которому человек стремится в первую очередь), а *второй — отражает инструмент (способ) достижения этой цели*.

Какова же цель поведения, определяемая тревожным радикалом? Давайте вспоминать соответствующий раздел. Цель, задаваемая тревожным радикалом, это консервация жизненных обстоятельств, стремление избавить себя от любой новизны, от всего, что чревато ответственностью и непредвиденными энергозатратами. Так или нет? Ну, конечно же, так.

А что мы скажем о цели, к которой стремится обладатель доминирующего шизоидного радикала? Да, верно: цели как таковой у шизоида нет. Он существует в постоянном процессе творчества, поиска чего-то оригинального, экспериментирования над собой, людьми и природой. Поддержание этого процесса — и есть цель, сопряжённая с шизоидностью.

Теперь обратимся к личности Даши. Какая же поведенческая цель ей ближе — тревожная или шизоидная? Думаю, ни у кого из нас нет сомнения в том, что, при всей Дашиной тревожности, она отнюдь не убеждённая домоседка, не «улитка» в привычной и милой сердцу, обжитой «раковине». Перемены в её жизни весьма значительны и динамичны, и для многих из них она сама становится катализатором. Порой действительно складывается впечатление, что Дарья Дмитриевна с любопытством экспериментирует над собой и другими (это видно, в том числе, и из приведённых выше отрывков из романа: что будет, если сестра Катя признается мужу,

что она ему изменила с другим мужчиной — разве это не эксперимент над близкими людьми?).

Следовательно, при сравнении степени влияния на поведение героини тревожного и шизоидного радикала, победу одерживает шизоидный. Причём со значительным перевесом (хорош бы был роман о девушке, всю жизнь просидевшей дома! Хотя, такие произведения в литературе тоже, по-моему, есть). В итоге: 5, 7. Продолжаем наше сравнение.

Следующая пара должна быть составлена из радикала, «проигравшего» при предыдущем сравнении, и из его соседа справа. То есть: 7 и 2. Нужно будет, как и в первом случае, ответить на вопрос: «Каково реальное расположение этих радикалов в профиле Даши: 7, 2 или 2, 7?»

Цель тревожного радикала нами уже определена. Давайте сформулируем цель эпилептоидного радикала. Эпилептоид стремится упорядочить информационные потоки вокруг себя, т.е. распределить, расклассифицировать предметы и людей в своём обитаемом пространстве, выделить каждому его место. Эпилептоиду важно хорошо понимать, что происходит вокруг, что его ждёт завтра и в более отдалённой перспективе, какими ресурсами он располагает, какие у него имеются рычаги влияния на ситуацию.

Так 7, 2 или 2, 7? Вспомним, Даша активно влияет на процессы, участницей которых она становится. Во имя торжества своих жизненных правил, она готова пойти на разрыв отношений даже с близкими ей людьми. В опасной ситуации возрастает её агрессивность — она убила мужчину, попытавшегося её изнасиловать. При этом нигде в романе нет упоминания о том, что когда-либо Дарья Дмитриевна испугалась настолько, что страх парализовал бы её волю. Следовательно, 2, 7 — эпилептоидная тенденция выражена в характере Даши сильнее, чем тревожная.

Возникает любопытная ситуация: эпилептоидный радикал в профиле «обгоняет» тревожный и встраивается вслед за шизоидным. Но вслед ли? А что, если эпилептоидный радикал у Даши Булавиной мощнее шизоидного? Это необходимо выяснить. Итак, теперь сравниваемые радикалы — это 5 и 2.

Сочетание 5, 2 обозначает шизоидную цель (постоянный творческий поиск, нестандартное, всё время меняющееся, отношение к внешнему и собственному внутреннему миру), достигаемую эпилептоидными средствами (профессиональный детализированный подход к делу, использование ремесленных навыков, попытка классификации и систематизации своих и чужих рассуждений, проявления агрессивности по отношению к оппонентам и к самому себе, в случае затруднений).

Таков, например, Константин Лёвин — персонаж романа Л.Н.Толстого «Анна Каренина». Он постоянно «ищет себя», пытается как будто обрести «символ веры», смысл существования, но всякий раз уходит в своих бесконечных размышлениях далеко в сторону от этой цели. Создаётся впечатление, что если бы нашёлся некто, кто объяснил бы Лёвину — чётко и убедительно, — куда ему следует направить свои недюжинные силы, Константин был бы разочарован: не ответ ему нужен, а непрекращающийся поиск ответа как образ жизни. Так проявляет себя шизоидная доминанта.

Вместе с тем в поисках жизненной сути Лёвин то и дело прибегает к, своего рода, проверкам на прочность сделанных им «промежуточных» выводов (окончательных у шизоидов не бывает). Он охотно занимается крестьянским трудом, ведёт самостоятельно обширное хозяйство в родовой усадьбе, экспериментирует с новыми техническими средствами и агрономическими новинками. Он пишет книгу, стараясь наполнить её страницы полезными, рациональными выводами из собственных наблюдений за крестьянами, за их отно-

шением к труду¹. В общем, активно овеществляет свои шизоидные интеллектуальные искания. И в этом — эпиплептоидное подспорье шизоидным идеям. В результате дело (необычное, мало кому интересное и т.п.), подсказанное шизоидной доминантой, воплощается с эпиплептоидной дотошностью, технологичностью, аккуратностью и последовательностью. Это и есть сочетание 5, 2. Сочетание, характерное для учёных-экспериментаторов, не знающих, что собственно им предстоит обнаружить в ходе опыта, но тщательно подготавливающих к нему всё необходимое оборудование, материалы и скрупулёзно фиксирующих в журнале свои наблюдения. Или для художников, профессионально владеющих техникой рисунка, но формирующих в своей голове некий замысел, когда их карандаш уже скользит по бумаге, нанося на неё какие-то линии, штрихи, из которых вдруг проявляется неожиданный образ...

Сочетание 2, 5 обозначает психологический феномен совсем иного рода. Его обладатель — прежде всего эпиплептоид, а уже потом — шизоид. Другими словами, цель поведения такого человека — сделать свою жизнь упорядоченной, устоявшейся и понятной, добиться подконтрольности «обитаемой территории» и «своей стаи». Шизоидность подсказывает ему при этом нестандартные пути достижения цели: иногда — нерациональные, глупые, ведущие в тупик или отдаляющие от вожаемой упорядоченности жизни, а порой — свежие, небанальные, позволяющие легко выигрывать у конкурентов.

Какой образ более подходит Даше? На мой взгляд, второй. Всё-таки она не отвлечённый философ, ломающий себе голову вечным «миронепониманием». Она — вполне земная женщина. Она хочет любви, семьи,

¹ Однажды Лёвин, увлечшись ходом собственных мыслей, пришёл к выводу, что его счастье заключается в том, чтобы превратиться в сельского хозяина, жениться на крестьянке и перенять полностью крестьянский образ жизни. Правда, новое сильное впечатление коренным образом вскоре изменило это намерение.

спокойствия. Корит себя за глупые мысли, за опрометчивые поступки, создавшие препятствия на пути к этим простым жизненным ценностям. Шизоидных решений и действий в Дашиной биографии немало, но не они определяют цели её поведения. Шизоидность действительно где-то ей мешала, где-то помогала (так, её будущий муж — Телегин — впервые обратил на неё внимание именно из-за её необычной личностной структуры: обаятельная простота на поверхности и угадывающаяся неразгаданная глубина внутри)¹. Но истинное счастье она обрела не от какого-то очередного «прозрения» (как Лёвин), а оттого, что её муж наконец-то вернулся с войны, под привычный кров их старинного дома. Так что, 2, 5.

Психологический профиль Даши Булавиной пока выглядит так: 2, 5, 7. Двойка выиграла при сравнении с пятёркой. А пятёрка — ещё в самом начале, если помните — победила семёрку. Но это ещё не конец. Неизвестно пока, как поведут себя при сравнении оставшиеся четыре радикала².

Тревожность на этом этапе замыкает профиль. Поэтому следующей сравниваемой парой должны стать радикалы 7 и (что там у нас по порядку?) 4. Тревожный радикал мы будем сравнивать с эмотивным.

Целью, к которой направляет человека эмотивный радикал, является приведение обитаемого пространства, людей и предметов в нём, к состоянию гармонии. Гармонизация отношений между людьми,

¹ Шизоидный радикал (если он, конечно, не «зашкаливает») делает своего обладателя в глазах окружающих весьма интересным, необычным, любопытно непредсказуемым.

² Надеюсь, вы понимаете, что не столько желание познакомить вас с личностью литературной героини движет мной в этом непростом и не быстром процессе. Мы осваиваем методику попарного сравнения радикалов — а она стоит затрачиваемых усилий, уж поверьте! Вообще, мне хочется показать, что распознавание характера — это не искусство, доступное избранным «интуитивистам», а вполне добротная профессиональная методика, которой, при желании, могут овладеть очень и очень многие люди.

гармонизация условий жизни — вот цель эмотивов. Они добры, бережны ко всему, с чем соприкасаются. Они любят и умеют наслаждаться бесконечными нюансами окружающего их мира. Можем ли мы утверждать, что эмотивная тенденция преобладает в характере Даши над тревожной? Часто ли мы видим Дашу на страницах романа тонкой, чуткой, сопереживающей? На самом деле — довольно часто. По крайней мере, чаще, чем испуганной, подавленной страхом, не способной совладать с всепобеждающей тревогой и потому бегущей от ответственности и перемен. Поэтому, 4, 7, а не 7, 4.

И что же? Четвёрка выигрывает у семёрки, значит, нам предстоит вновь повернуть вектор попарного сравнения в противоположную сторону — справа налево. Что там было впереди семёрки — пятёрка? Вот с ней-то и будем сопоставлять победившую в предыдущем «раунде» эмотивность. Будем выяснять, что более адекватно реальности: сочетание 5, 4 или 4, 5.

Первый из этих вариантов означает шизоидный поиск «новых форм и смыслов», осуществляемый с эмотивной бережностью к людям и всему живому. Исследователь с таким характером не станет экспериментировать на заключённых концлагеря или подопытных животных, врезая им во все места фистулы. Но и от творчества он не откажется (даже во имя торжества добра и всеобщей любви — всё-таки эмотивность здесь в подчинённом положении).

Второй вариант — 4, 5 — это творчество на службе у чувства прекрасного, когда красота и доброта черпают свои возможности, в том числе, и из шизоидного источника. Но цели гармонизации жизни здесь преваляют над любопытством к оригинальным находкам. Например, это сочетание радикалов проявляется в желании выбрать для человека небанальный подарок. В поиске подарка, нетрадиционного повода для него, в сопоставлении качеств личности и свойств даримой вещи и т.п. проявляется шизоидность. Но цель — сде-

лать человеку приятное — определяется эмотивным радикалом.

Выбор варианта, наиболее сопоставимого с характером Дарьи Дмитриевны, осуществить непросто. В тексте романа очень много указаний на её высокую эмоциональную чувствительность. В то же время её шизоидность проявляется, как кажется, ещё чаще и сильнее. На помощь может прийти вот какая дополнительная информация (почерпнутая из существа сравниваемых радикалов, а необходимость глубокого знания этого существа я, коллеги, подчёркивал неоднократно): эмотивный радикал делает своего обладателя альтруистом, человеколюбом, а шизоидный — эгоистом.

Взгляните-ка на Дашу Булавину под этим углом зрения. Какая же она альтруистка? В чём её альтруизм? Может, в том, что она, из формально, как-то не человечески понятых «нравственных соображений», заставила сестру, под угрозой разрыва отношений, признаться в супружеской неверности? Или в том, что, потеряв ребёнка, она свалила всю вину за неудавшуюся, как ей показалось, жизнь на своего мужа, которого — не усомнившись ни на минуту — бросила и уехала к отцу? Или в том, что она затем предала отца — его идеи, взгляды, веру (пусть, с её точки зрения, ущербную, но всё же)? Или, может быть, в том, что она готова была отдаться (то ли из любопытства, то ли за побрякушки) актёру и анархисту Мамонту Дальскому, но тут же охладела к нему и даже явно побрезговала, увидев, как он гибнет? Как-то маловато во всём этом альтруизма, вы не согласны?

По всему выходит, что эмотивность в характере Даши всё же менее выражена, чем шизоидность. И место четвёрки при любом дальнейшем течении событий — после пятёрки. Психологический профиль младшей из сестёр Булавиных теперь выглядит так: 2, 5, 4, 7.

Пришло время сравнить тревожность с истероидностью — тоже в нашем случае, нелёгкое сравнение. В ро-

мане мы часто встречаем описание Дашиного желания нравиться, но оно всегда существенно притормаживается тревожной осторожностью, некоторой скованностью. Даша не торопится высказать в чей-то адрес (особенно в адрес малознакомых людей) свои претензии к ним, к их манерам, в том числе, к манерам ухаживать за женщинами. Поэтому многие мужчины в её присутствии заходят слишком далеко, пытаются физически овладеть ею, нередко просто не видя признаков того, что это ей не нравится. Она долго сдерживает себя, терпит и возмущается только тогда, когда не сделать этого уже просто нельзя.

Сочетание 1, 7 нужно трактовать как стремление нравиться людям, привлекать их к себе создаваемой позитивной иллюзией, но с неотступным чувством, что за сделанное и сказанное придётся отвечать. Тревожность в таком сочетании не может совладать с желанием индивида быть центром внимания окружающих, но лишает демонстративность многих инструментов — например, яркости, изменчивости. При таком характере человек ведёт себя как истероид, как правило, только в хорошо знакомом ему окружении. В иных условиях он либо лишает себя удовольствия переодеваться слишком часто и прикипает к одному, неизменному (хотя и довольно яркому) образу, либо сохраняет изменчивость нарядов, но отказывается от их яркости, заметной оригинальности, обнаруживает намерение следовать моде, а не создавать свой запоминающийся индивидуальный стиль.

Комбинация 7, 1 — это прежде всего тревожный характер. С его трусливостью, избеганием мало-мальской ответственности и новых людей, желанием, во что бы то ни стало, законсервировать жизненные условия на годы вперёд. Истероидный радикал привносит в такой характер, с одной стороны — способность время от времени прятаться в иллюзию (дескать, «в Багдаде всё спокойно»), а с другой — робкую, но ощутимую тягу к славе. Да уж, индивид с характером, укладывающимся

в профиль 7, 1, «больше всего на свете боится быть замеченным и очень обижается, если его не заметили». Он «премудрый пескарь», который ждёт своего Салтыкова-Щедрина, чтобы в уютной, домашней, безопасной тиши почитать о себе в каком-нибудь журнале («Только без имён, пожалуйста, без имён!»).

Кто же Даша Булавина? «Демонстрантка» она или тревожная натура в первую очередь? Сошлёмся на тот факт, что, несмотря на «чёрное суконное платье, закрытое до шеи», она весьма популярная персона в своей молодёжной среде. А также на то, что она никогда не упускала случая понравиться людям, в том числе — малознакомым, что при доминирующей (в исследуемой паре) тревожности было бы невозможно. Истероидность побеждает при сравнении с тревожностью. И, соответственно, должна попробовать свои силы в сопоставлении с эмотивностью. «Ветер сравнения» снова переменялся.

4, 1 — это, выражаясь образно, сказка, рассказываемая горячо любимому ребёнку с целью успокоить его душу, примирить с действительностью, внушить надежду на лучшее. Это ложь врача тяжело и безнадежно больному, когда на вопрос: «Я ведь поправлюсь, доктор?» врач отвечает: «Ну конечно, мой дорогой». Это все иные случаи, когда иллюзия и имитация служат благой, одухотворённой цели. 1, 4 — это красота (чувство вкуса, гармонии, такта), выступающая в качестве основного инструмента самопрезентации. Никто и ничто не устоит перед сочетанием единицы и четвёрки. Талант подать себя ярко, заметно, выигрышно в полной мере обеспечивается достойными ресурсами и технологиями.

Даша Булавина красива. Она нравится всем, кто её знает. Она нигде не остаётся незамеченной, как бы порой ни старалась (из-за своей тревожности). К тому же эгоистическое (истероидное) начало в ней выражено в гораздо большей степени, чем альтруистическое (эмотивное). Значит, не 4, 1, а 1, 4.

Сравнение продолжается. Что ж, никто ведь и не обещал лёгких путей и крылатых побед. Терпение, господа. «Терпение и труд» — вот девиз успешной психодиагностики. Ну, и наблюдательность, разумеется.

Итак, единица продолжила своё победное шествие к началу профиля. Посмотрим, не остановит ли её пятёрка?

Сочетание 5, 1 — это творчество в жизни, в науке, в искусстве и т.д., уживающееся с истероидным умением выдавать намерение за свершившийся факт, ошибку прибора за открытие нового свойства материи. Это любопытство к тому, что происходит в лаборатории, с одновременным желанием поведать об этом как можно большему числу слушателей и зрителей. 1, 5 — это творческий поиск неизбитых способов самопрезентации. Мы хорошо помним, что зачастую этот поиск приводит к формированию внешности «клоуна», к примерке на себя образов «давно минувших дней» и т.п. Бывают, впрочем, и удачные находки.

Какое из этих двух сочетаний наиболее верно передаёт характер Даши? Помнится, видеть себя в зеркале и любоваться нарядами ей нравилось всё-таки больше, чем участвовать в философских диспутах. Во всяком случае, в первом она видела больше для себя проку. Вновь побеждает истероидность: 1, 5. Последним (во всяком случае, пока) бастионом на пути единицы к доминированию в профиле остаётся двойка — эпилептоидность.

Рассмотрим и эту пару. 2, 1 — означает привлечение благожелательного внимания общества к насаждаемым индивидом нормам и правилам поведения. Так, хлопотливая и умелая хозяйка хвастает перед подружками и соседками идеальным состоянием своей квартиры и безукоризненно приготовленными кушаньями. Так, политик, выстраивающий жёсткую вертикаль власти, машет рукой толпе сограждан, изображая приветливость, и искренне радуется громким похвалам в свой адрес (хотя не всем и не всегда разрешает себя хва-

лить). Главным в подобном характере является стремление упорядочить жизнь, но при этом обнаруживается ещё и зависимость принимаемых решений от внешней оценки, в каком-то смысле — конъюнктурность форм и методов, используемых при наведении порядка. В свою очередь, 1, 2 — это, с одной стороны, профессиональное, а с другой — навязчивое, агрессивное создание выигрышного имиджа. Это качественно сработанные иллюзии, от которых не так-то просто отмахнуться, отказаться — их автор и по лицу может ударить оппонента, и в тюрьму посадить.

Даша Булавина, судя по всему, всё-таки больше эпилептоидная женщина, чем истероидная. Для неё вызывать восторг у окружающих не так важно (а для истероидов ничего важнее нет), как найти своё место в жизни. Причём, почти в буквальном смысле — «найти место». Где жить, с кем жить, чем жить (чем зарабатывать на жизнь) и т.д. Несмотря на очевидное влияние на её характер дезориентирующей шизоидности, расслабляющей истероидности, умиротворяющей эмотивности, вуалирующей всё на свете тревожности, мы чувствуем силу этой тяги к понятной и управляемой жизни, к своему «месту». Только найдя это «место», Даша успокаивается и радуется.

Щёлкнув по носу единицу, двойка остаётся пока на первом месте в профиле, который, после этой череды попарных сравнений, представляется таким: 2, 1, 5, 4, 7.

В психологическом профиле, составленном по завершении первого этапа его разработки, далее следует гипертимность — шестёрка. Будем для начала сравнивать её с аутсайдером — с тревожностью.

Тревожно-гипертимное сочетание — 7, 6 — это любовь к пикникам (на знакомой с детства лужайке, в узком кругу друзей) как к повторяющемуся элементу привычного образа жизни. Ничего нового в свой жизненный уклад обладатель этого сочетания не включает, но покалякать о том о сём, обсудить новости, посплет-

ничать и поиграть в фанты с товарищами детства он не прочь. Таковы Ёжик и Медвежонок — персонажи замечательного анимационного фильма Ю. Норштейна «Ёжик в тумане». Таков Женя Лукашин из «Иронии судьбы»: «Каждый год тридцать первого декабря мы с друзьями ходим в баню».

Сочетание 6, 7 обозначает гипертимность, скованную тревожностью. Кстати, индивидов подобного характерологического склада немало. Они довольно общительны, без труда контактируют с незнакомыми прежде людьми, относительно легки на подъём, вовлекаются в разного рода приключения, похождения — и в этом проявляется их ведущий гипертимный радикал. Но они никогда ничего не делают по своей инициативе. В гипертимной компании они — ведомые, всегда на вторых ролях.

Дарья Дмитриевна Булавина более гипертимна, чем тревожна. Да, она не заводит, не инициатор развлечений и «зажигания небес», но не было случая, чтобы она отказалась от участия в весёлой компании. Например, она охотно едет в ресторан в сопровождении сестры Кати, её мужа и их друзей, получая от этого удовольствие. Легко, по первому зову, срывается с места и отправляется на море, в Крым. Вообще, хорошо себя чувствует среди активных и даже авантюрных людей, проявляет любопытство к незнакомцам. Поэтому следует отдать преимущество в этой паре шестёрке. И снова мы обязаны перенести внимание на левый «фланг» выстраиваемого профиля. Гипертимность придётся сравнивать с эмотивностью.

Обладатели сочетания 4, 6 — это добряки, любящие бывать в компаниях весельчаков (соответственно, 6, 4 — весельчаки, ищущие общества добряков). Если говорить более серьёзно и обстоятельно, то 4, 6 отражает прежде всего эмотивную доминанту. Цель поведения таких людей — гармонизация отношений, создание атмосферы сотрудничества всех со всеми, для чего они охотно используют разнообразные инструменты

коммуникации (расширение круга общения до бесконечности, весёлые шутки, поездки, всевозможные аттракционы). «Что-то он загрустил, — говорит человек подобного склада, внимательно и по-доброму глядя на своего коллегу, — возьму-ка я его с собой — отдохнём, попаримся в баньке, пивка попьём, с девчонками потусуемся».

Тем, чей характер описывается сочетанием 6, 4, свойственно стремиться к общению, к развлечениям, к бесшабашной и бесцельной трате переполняющей их энергии. При этом, однако, такие люди не забывают, что у их приятелей могут быть свои переживания, проблемы, что их нельзя травмировать, забавы ради. Песенная строчка: «Может мы обидели кого-то зря?» — смущает их гипертимно-эмотивную душу. Таким представляется, скажем, Степан Аркадьевич — Стива Облонский («Анна Каренина»). Он не может отказать себе в увеселениях, но очень переживает, если его бурный темперамент и сластолюбие как-то больно задевают его друзей, близких. Поплакав над их несчастной судьбой, виновником чего он считает и себя, Стива вновь «пускается во все тяжкие».

Не знаю, как на ваш взгляд, коллеги, но мне Даша Булавина представляется более доброй, чем весёлой. Она активно участвует в судьбе других людей — и не для того, чтобы избавиться от скуки, а с желанием помочь. В романе мы чаще видим её переживающей, чем хохочущей и общающейся с кем попало. Поставим четвёрку впереди шестёрки. 2, 1, 5, 4, 6, 7 — так теперь будет выглядеть наш (точнее, Дашин) профиль.

Остался последний радикал — паранойяльный. Сравним его с тревожным. Какой же из них более значим для поведения нашей героини?

Комбинация 7, 3 — это паранойяльное упорство в отстаивании своего права ничего не менять в жизни. 3, 7 — сдерживаемая социальная активность; стремление к созиданию с оглядкой на обстоятельства. Кто же Даша? По-видимому, ей свойственно сочетание 3, 7.

Хотя тревожность в ней довольно сильна, но не она определяет её жизненные устремления и, уж тем более, не имеет в её характере паранойяльной поддержки.

Тройка выигрывает при сопоставлении с семьёркой, а как остальные радикалы? Давайте, коллеги, проведем заключительную серию попарных сравнений. Где-то паранойяльность должна будет остановиться, так ведь?

6, 3 — это настойчивое общение, всемерное (с появившимся элементом социального значения) расширение контактов. Вращаться в обществе — становится целью таких людей. Про героя фильма «Прохиндиада, или Бег на месте» знающие его люди говорят: «Ему не нужны деньги, ему нужны связи». Эта характеристика неплохо отражает суть данного сочетания радикалов. Связи ради связей, ради общения, ради участия в непрерывающейся череде событий, но при этом, во-первых, настойчиво поддерживаемые, укрепляемые с целеустремлённостью паранойялов, и, во-вторых, нагруженные неким созидательным смыслом: кого-то куда-то устроить, с кем-то полезным свести.

3, 6 — это безудержное «громадьё» планов в сочетании с неуёмным стремлением воплотить их в жизнь, привлекая к этому как можно больше людей и надеясь только на лучшее, на успех. Какие социально ответственные планы зрели в голове у Даши, вы помните? Я что-то не помню. Поэтому я предлагаю сделать наш выбор в пользу сочетания 6, 3.

Итак, психологический профиль Даши Булавиной после процедуры попарного сравнения радикалов сформировался следующим образом: **2, 1, 5, 4, 6, 3, 7**. Насколько корректен этот профиль — трудно сказать, т.к. мы пытаемся оценить вымышленный персонаж, а не реального человека, обладающего гораздо большим количеством содержательных поведенческих подробностей, доступных наблюдению и осмыслению. Но для нас ведь главной целью всех предпринятых усилий было знакомство с процедурой, с технологией по-

этапного выстраивания психологического профиля, не правда ли? И эта цель, хочется верить, достигнута нами. Теперь, надеюсь, мы сумеем проделать то же самое в отношении любого интересующего нас человека. И там, где психодиагностически значимой информации нам будет не хватать, мы найдём способ заполучить её (посредством наблюдения, собеседования, получения отзывов о нём других людей и т.д.).

А теперь давайте попробуем, на примере построенного психологического профиля г-жи Булавиной, освоить технологию развёртывания его (профиля) в психологический портрет.

Психологический портрет индивида — это систематизированное описание стиля его поведения (включая особенности и приоритеты в осуществлении деятельности и общения) в социальной среде, сделанное на основе разработанного психологического профиля литературным (подчеркнём!), доступным для всеобщего понимания языком.

Психологический профиль Дарьи Дмитриевны Булавиной, напоминая, выглядит так: 2, 1, 5, 4, 6, 3, 7. Если мы вспомним содержательное описание пар радикалов, приведённое выше, то это позволит нам избежать излишне прямолинейной трактовки сочетания всех этих семи радикалов. Разумеется, в психологическом портрете радикалы нельзя описывать поодиночке, ведь многие из них — взаимоисключающие, получится чепуха. В портрете должен быть отражён результат их взаимного влияния. Так же, как мы это уже делали, сопоставляя радикалы попарно. Вспомнили? Тогда — за работу!

Перед нами обследуемая (так принято в профессиональном описании характера обозначать его обладателя), более всего стремящаяся к упорядочению среды своего обитания, к пониманию и рациональному управлению той системой жизненных целей, ценностей и средств, в которую она погружена (2). При этом она охотно и умело пользуется вниманием окру-

жающих, стараясь в их глазах оставаться примером упорядоченной жизни (2, 1). Зачастую, однако, подлинное наведение порядка в мыслях, делах и отношениях обследуемая заменяет инфантильно-иллюзорными представлениями о якобы уже достигнутых на этом пути результатах. Увы, эти иллюзии разбиваются о реальность, заставляя обследуемую досадовать на себя и окружающих и искать новые, нестандартные пути приведения своей жизни в порядок. Эта нестандартность поведения порой мешает установлению ясных, понятных всем сторонам, предсказуемых отношений с другими людьми (2, 1, 5).

Она довольно впечатлительна, восприимчива к эмоциональным оттенкам ситуации (4), но может иногда отдавать приоритет мелочам, не замечая главного, и потому ошибаться в трактовке происходящего. Не очень хорошо понимает нюансы психологических состояний, в которых находятся её партнёры по общению, в силу чего нередко, пытаясь осознать, что же на самом деле происходит между ней и людьми, понять смысл отношений, упорядочить их, допускает коммуникативные ошибки (2, 5, 4).

Будучи человеком требовательным, стремящимся «расставить все точки над «i», обследуемая склонна искать виноватых в своей не вполне удавшейся жизни, занимается в том числе «самокопанием», осуждает себя и окружающих (главным образом последних) за то, что результаты, к которым она стремится, достигаются медленно, с ошибками, с неоправданными жертвами. При этом она не теряет надежды на лучшее, хотя и не заботится о том, каким способом, за счёт чего это «лучшее» будет устроено (2, 1, 5).

В целом, она достаточно гибко приспосабливается к переменам в своей жизни (не упуская, разумеется, главной цели — в конце концов, добиться её упорядоченного течения) (2, 1). Но время от времени, не найдя в себе возможностей уйти от реальности в иллюзию или сыграть наиболее уместную социальную роль, об-

следуемая поступает грубее и агрессивнее, чем следовало бы, обнаруживая жестокость и высокомерную холодность по отношению как к близким, так и к посторонним людям (2, 5).

Обследуемая не лишена авантюристичности, не пугается перемены мест жительства и рода занятий, разнообразит круг своего общения (6), хотя и не намерена отступать при этом от своих взглядов и правил (2). Общение нужно ей не само по себе, а, скорее, служит средством для установления порядка в отношении: с его помощью она пытается научиться разбираться в людях, обогащает свой коммуникативный опыт, чтобы потом легче было классифицировать людей в своём окружении и систематизировать контакты с ними (2, 6). Не лишена также настойчивости (3), хотя свойственная ей некоторая разбросанность (6), склонность экспериментировать над собой и людьми (5) лишает её подлинной результативной целеустремлённости. В её жизни многое происходит помимо её воли. Разве что в повседневном существовании, в каждом конкретном эпизоде её жизни проявляется относительно целостная натура обследуемой, её стремление всё же настоять на своём, а не подчиняться постороннему влиянию (5, 6, 3). Социально значимых целей обследуемая перед собой не ставит (лишь иногда она проявляет к ним быстро угасающий интерес, переключаясь исключительно на себя, на свои локальные переживания, мысли и впечатления).

Страх, сковывающего её, обследуемая никогда не испытывала. Тревожность в её характере проявляется лишь в том, что в незнакомой обстановке она не торопится высказать своё мнение, взять на себя инициативу в разговоре, вначале осматривается, привыкает (7). Но разумной эту осторожность не назовёшь — она в большей мере интуитивная, мало влияющая на выбор обследуемой манеры дальнейшего поведения.

В этих словах и выражениях можно описать характер Даши Булавиной, основываясь на её психологическом профиле 2, 1, 5, 4, 6, 3, 7. Надеюсь, коллеги, вы обратили внимание на то, что в этом описании доминирующий радикал (2), определяющий главную цель поведения, звучит твёрдо и уверенно. С той же убеждённостью в правоте суждений описана и субдоминанта (1).

Проявления радикалов 5 и 4 описываются уже с добавлением ограничительных слов: «порой», «может иногда», «довольно», «нередко». А о значении радикалов 3, 6, 7, расположенных в «хвосте» психологического профиля, и вовсе говорится, как о чём-то необязательном: «не лишена», «лишь», «мало влияющая».

Таким способом мы, не погружая людей, заинтересованных в подобном психологическом описании (например, руководителей, воспитателей), в технологические подробности, раскрываем перед ними нюансы характера обследуемой (обследуемого): с этими, дескать, качествами, особенностями поведения, вы столкнётесь в ней (в нём) непременно, а эти будут проявляться порой, не всегда, лишь в конкретных условиях.

Давайте, коллеги, переведём дух. Разумеется, о стилистике поведения Даши Булавиной можно было бы сказать ещё многое, но свою миссию на этом этапе я считаю выполненной.

Несколько слов о наиболее распространённой в практике **структуре психологического портрета**. Она состоит из *постоянной* (облигатной) и *переменной* (факультативной) подструктур.

Постоянным в психологическом портрете, как правило, является описание, как было продемонстрировано выше, особенностей деятельности и общения индивида: работоспособности, склонности (или несклонности) к различным видам труда, условий, влияющих на его эффективность, отношения к людям, коммуникационной культуры, реагирования на субъективно

сложные ситуации и т.д. В зависимости от реальной управленческой задачи к этому, в качестве факультативной информации, могут добавляться ответы на те или иные конкретные вопросы.

На сегодняшнем российском рынке труда, как показывают социологические исследования, из профессий, базирующихся на практической психологии, наиболее востребованы три: *психолог-менеджер по персоналу, психолог-консультант т.н. «очень значительных персон» и психолог-психотерапевт (точнее, психокорректор)*.

Соответственно, в психологические портреты, являющиеся базовой продукцией, производимой психологами-практиками, чаще всего бывает включена оценка индивидуальных особенностей обследуемого с точки зрения перспектив его профессиональной пригодности (облегчения или, наоборот, усложнения адаптации к обсуждаемой профессиональной деятельности, участку труда), обучения, ротации по горизонтали и / или по вертикали, мотивации к труду.

Спросим себя: а как бы мы трудоустроили Дарью Дмитриевну Булавину, обратиться она к нам в качестве претендентки на вакансию или за консультацией по вопросам профориентации?

Дашу, с её 2, 1, 5 (а учитывать в подобной ситуации рекомендуется главным образом первые два-три радикала), целесообразно принимать на работу в качестве, скажем, используя образы знаменитой сказки А.С. Пушкина, «ткачихи» или «поварихи». Пусть, с её склонностью к ремесленному труду, «наткёт полотна» или «приготовит пир» — с шизоидной выдумкой, по оригинальным рецептам. Её заявления по поводу доступных ей масштабов деятельности (дескать, «на весь мир одна», «на весь крещёный мир») мы, конечно же, выслушаем, одобрим, но не примем всерьёз, отнеся их на счёт истероидной субдоминанты. Но саму истероидность игнорировать ни в коем случае не станем, чтобы, истосковавшись по моральным поощрениям, по при-

знанию заслуг, наша «ткачиха-повариха» не замыслила бы, в отместку, чего-нибудь по-эпилептоидному пакостного (не написала бы донос руководству, не закатала бы кого-то «в бочку» и т.п.).

Продолжим тему профессиональных забот психологов-практиков. В работе с VIP-ами особое значение приобретает формирование их привлекательного имиджа. А это отнюдь не просто. Чтобы созданный профессионалами выигрышный, запоминающийся образ внешности и поведения известной личности не только достиг некой сиюминутной цели, но и закрепился, способствуя дальнейшему её продвижению «через тернии — к звёздам», необходимо, чтобы его прочной основой были реальные, а не выдуманные, качества характера. Носить чужое лицо — слишком утомительное, затратное занятие.

Другое дело — объективно познать индивидуальность и, используя её сильные стороны, построить на их фундаменте красивое светлое здание обновлённой личности, раскрепостив тем самым внутренние возможности для дальнейшего социального роста. Иными словами, не посадить человека «в чужие сани», в которых долго не усидишь, а смастерить ему свои — лёгкие, удобные, прочные, быстрые... Там, где психолог сотрудничает с имиджмейкером (или совмещает эти профессии), в психологическом портрете появляется раздел, в котором данная задача подробно обсуждается.

Работа над имиджем Даши Булавиной (коль скоро именно она выступает в роли нашей модели) в основном включала бы в себя подчёркивание — средствами оформления внешности, обучения искусству «ступить и молвить» — её эпилептоидности. Дарье Дмитриевне легче жить в упорядоченном мире (включаящем все его мелочи и подробности). Хорошо бы её так и приодеть, и причесать, и обучить соответствующим манерам — и тогда от подлинности её имиджа, от адекватности внешней его стороны внутреннему пси-

хологическому содержанию выиграли бы абсолютно все. При этом опираться было бы удобно на её истероидность (истероиды любят холить свою внешность, охотно отдаются в руки имиджмейкеров), а преодолеть пришлось бы шизоидность (шизоиды подчас упорствуют в желании быть излишне оригинальными, не принимают советов).

Но умелое управление отношениями может превратить и врага в союзника. В конце концов, шизоиды охотно включаются в поиск новых форм, в эксперимент, а доминирующий эпилептоидный радикал сам обозначит направление этих экспериментов и не даст всем участникам процесса создания имиджа сильно уклониться в сторону.

Психологу, специализирующемуся на психокоррекционной работе, важно знать, какие качества характера человека, обратившегося к нему за помощью, почему и на каком жизненном этапе стали вдруг препятствовать поступательному развитию личности.

С моей точки зрения, понятие «конфликтная личность» применительно к психически здоровому человеку — нонсенс. Надеюсь, в процессе обсуждения радикалов мне удалось убедить вас, уважаемые коллеги, в том, что ни одна из связанных с ними тенденций не наделена «отрицательным зарядом» (иначе, она просто была бы уничтожена эволюционным процессом, удалена из социума).

Конфликт возникает в тех случаях, когда индивид оказывается погружённым в социальную ситуацию, настолько неадекватную его характерологическим особенностям, что это негативно сказывается на самом процессе социализации. Когда характер отчётливо мешает человеку стать компетентным, достигать результатов в рамках возложенной на него сферы ответственности. Поведение в конфликте, индивидуально окрашенное (демонстративное, брутальное, пугливое, тоскливо-обречённое, противоборствующее и т.д.) за счёт присущих человеку поведенческих качеств, явля-

ется протестом на эту неадекватность. Понять, в чём именно она заключается, и что нужно сделать, чтобы помочь страдающему человеку, чтобы превратить его протестный потенциал в преобразовательный — главная задача психолога. Обсуждение путей и способов её решения в подобных случаях обогащают психологический портрет.

Уверен: будь нашей клиенткой Дарья Дмитриевна Булавина, мы постарались бы — советами, убеждением и иными технологиями управления поведением — уберечь её от тревог неупорядоченной, хаотичной жизни, чем погасили бы пожар конфликта и сохранили её психическое здоровье в неприкосновенности.

Перечисленными вариантами, конечно, не исчерпывается многообразие содержания факультативной подструктуры психологического портрета¹.

Однако, как сказал Козьма Прутков, нельзя объять необъятное. Научитесь, уважаемые коллеги, разрабатывать психологические профили, составлять психологические портреты, возьмётесь за решение реальных вопросов практической психологии — и жизнь не замедлит обогатить вас профессиональной эрудицией и опытом.

А теперь позвольте мне последовать совету вышеупомянутого почитаемого всеми философа: «Если у тебя есть фонтан, заткни его!» Обсуждавшаяся нами тема визуальной («нетестовой») диагностики характера, с выходом на прогнозирование и управление поведением, завершена. Остальное зависит от ваших

¹ Можно, к примеру, задаться вопросом: «мог ли студент Родион Раскольников убить старуху-процентщицу? Если да, то применил бы он для этих целей топор?» И тут же — в рамках психологического портрета — ответить: «Да, мог. Именно топором. Им, эпилепто-шизоидам, иначе нельзя. Попал в затруднительное материальное положение, долго думал, придумал — убью старушку. Оптимальный выход! Взял топор, идёшь по улице — всем видно, что именно несёшь; доставать неудобно, крови много, крику ещё больше... С шизоидной точки зрения — «идеальное» орудие убийства».

собственных усилий, желания, от целеустремлённости, азарта, интереса к людям. Дерзайте!

Как говорил один из тех, кто брался учить автора профессии и вообще уму-разуму (человек глубокий, интересный, но, к сожалению, весьма косноязычный): «Я хотел вас зажечь!»

Вопросы и задания:

1. Дайте определение понятиям «психологический профиль», «психологический портрет». Какие этапы включает построение психологического профиля? Из каких подструктур состоит психологический портрет?

2. Опишите общедоступным литературным языком основные особенности деятельности и общения, присущие индивидам, чьи психологические профили включают в себя следующие сочетания: 1, 6; 2, 7; 2, 5; 1, 5, 6.

3. Составьте психологический профиль кого-либо из ваших знакомых и разверните (реконструируйте) его в психологический портрет. Представьте, что вы решаете в отношении этого человека задачу профессиональной ориентации (трудоустройства). К профессиям какого рода его адаптация могла бы пройти наиболее успешно? Какие профессии ему противопоказаны? Почему? Обсудите это в факультативной части разрабатываемого психологического портрета.

4. Разработайте психологические портреты ваших любимых литературных героев. Поэкспериментируйте с ними, встав на позиции специалиста по профессиональному психологическому отбору, имиджмейкера, консультанта, приглашённого для решения их психологических проблем.

5. Потренировавшись «на кошках», беритесь за решение реальных задач (только будьте крайне осторожны, бережны по отношению к людям, не торопитесь оглашать ваши выводы и прозрения — не навредите!).

Ответы на часто задаваемые вопросы:

Чем объясняется феномен «универсальности» характера?

Речь идет о принципиальной возможности совмещения в одном характере нескольких радикалов, имеющих разные нейрофизиологические основания. Сразу оговорюсь, что исчерпывающего объяснения этого феномена у меня нет. Гипотетически можно представить, что человек обладает не бесчисленным множеством одинаковых нейронов, а самыми разнообразными по качеству нервными клетками. Есть среди них и «сильные», и «слабые», и «вязкие», и «подвижные»... Любой поведенческий акт (поступок) обслуживается комплексом нейронов, т.н. нейронным ансамблем. В подобные ансамбли рекрутируются клетки с индивидуальным набором свойств. Их разнообразные комбинации и обеспечивают в результате различные формы поведения.

Представьте кубышку (мешочек, кошелек — не важно) с монетами не только разного достоинства, но и разной даты выпуска, разной степени истертости и т.д. Запустив в него руку, вслепую, и набрав в горсть монеты, мы получаем аналог нейронного ансамбля (где монеты символизируют нейроны различного качества). Номинальная стоимость каждой монеты в этом примере будет обозначать энергию (силу) нейрона, степень новизны — уровень подвижности, реактивности. От того, сколько и каких монет содержится в кубышке, будет зависеть итоговая «стоимость» набранного в горсть (результатирующая сила, подвижность, реактив-

ность). Если изначально различные монеты в кубышке (нейроны в головном мозге) находятся примерно в равных пропорциях, то и их попадание в горсть тоже будет равновероятным. И это обеспечит их равную представленность — «универсальность» — в наборе (нейронном ансамбле). Если же какие-то монеты (к примеру, новенькие десятирублевки) существенно преобладают над прочими, то появляется некий доминантный тренд: в каждой горсти в основном будут присутствовать эти самые десятирублевки. Так формируется «специализированность».

Разумеется, эта модель слаба и весьма приближительна по отношению к тому, что на самом деле происходит в мозгу. Но нечто важное она, все же, передает — наше поведение обслуживают качественно неоднородные нейроны, поэтому возможно разнообразие в относительном единстве.

Существуют ли радикалы, которые не могут совмещаться в одном человеке?

Нет, радикалы могут встречаться в любых комбинациях.

Существуют ли радикалы или их комбинации, которым невозможно или очень затруднительно понять друг друга, и лучше не тратить силы на выстраивание коммуникаций между такими людьми?

Принципиально, все психически уравновешенные люди уживчивы. Психологическая совместимость — это вопрос управления взаимодействием. Если конкретный склад характера (неважно, какой) позволяет человеку быть социально (профессионально и т.д.) компетентным, то он персона грата в отношениях с заинтересованными в нем людьми. Ведь конфликт, по сути, — это протест против некомпетентности, из-за которой не удастся наладить сотрудничество. Вместе с тем, на прак-

тике, все же лучше уживаются люди, близкие по складу характера. Меньше энергии тратится на поиск точек соприкосновения.

Существуют ли радикалы-посредники, которые могут помочь выстроить коммуникации между антагонистическими радикалами?

Все радикалы в той или иной степени антагонисты, а точнее — противоположны по набору качеств и достигаемым целям. Это различные инструменты приспособления к окружающей среде. Эффективность их использования в себе и окружающих — это и есть «умение жить», в самом позитивном смысле. Так что формирование системы взаимодействия радикалов не предусматривает никакого «посредничества». Нужно лишь насыщать каждый из радикалов характера продуктивными, социально приемлемыми технологиями поведения. И тогда целостное (результатирующее) поведение становится гармоничным, адаптивным. Например, сочетание в характере «антагонистических» шизоидного и эпилептоидного радикалов делает невоспитанного человека агрессивным бестолковым упрямцем, склонным упрощать сложное (до примитива, до пошлости) и усложнять простое, к тому же упрочивать и защищать свое уродливое миропонимание, как крепость. Те же самые радикалы являются обязательным базовым условием для овладения любой творческой профессией. И счастлив тот, у кого эти радикалы конструктивно обслуживают один другого.

Реально ли самому разработать свой психологический профиль, или это должен делать обязательно другой человек?

Самоидентификация возможна. Я рекомендую при составлении собственного психологического профиля анализировать реальные поступки, которые человек

совершил в своей жизни. Это должны быть значимые поступки, повлиявшие на судьбу. Какой выбор он тогда делал? Между чем и чем? Что представлялось важным настолько, что перед этим отступали все другие резоны? При этом надо не рассуждать умозрительно: как бы я поступил, если бы..., а как можно точнее припоминать обстоятельства поступка. И помнить: все радикалы — благо. Природа не производит некачественных людей. Так что не надо ничему удивляться, сопротивляться в себе, а тем более комплексовать.

Можно ли говорить о радикалах целой группы людей? То есть о характере группы и как его определить?

Характер у группы, конечно, есть. Он определяется обстоятельствами, в которых и ради которых формировалась группа (например, специфическими требованиями профессиональной деятельности), и / или индивидуальным характером ее лидера. Так что для определения характера группы надо разрабатывать т.н. психограмму (набор психологических требований к профессии, часть профессиограммы) или психологический портрет лидера, или нечто подобное. Важно понимать, что этот «общий» характер является чем-то внешним по отношению к каждому члену группы. И каждый либо принимает его и остается в группе, либо не принимает — и уходит. Так, профессия не столько деформирует личность профессионала, сколько вбирает в себя тех, кто изначально обладал соответствующими профессионально важными личностными качествами.

Можно ли в таком случае управлять характером группы?

Смените лидера, поменяйте условия деятельности, существования. Персональный состав скорректируется

самостоятельно, в порядке саморегуляции группы. Хотя и этому процессу можно разумно способствовать.

Можно ли говорить о соответствии радикалов или их наборов четырем категориям по типологии Адизеса? Его типология близка к взгляду со стороны бизнеса, было бы очень интересно Ваше мнение по этому поводу.

Признаюсь, я не эксперт по управленческому подходу Адизеса. То, что я знаю об этом подходе, о четырех (по Адизесу) главных функциях руководителя, никак не противоречит моему подходу. Во многом я с ним согласен. Разве что, отталкиваясь только от функций, невозможно разработать психологический портрет профессионала (и руководителя, и специалиста). Для этого нужно более подробное исследование всего, что составляет его повседневную работу.

Существуют ли простые тесты на определение радикалов и их наборов, которые можно было бы использовать, например, при найме сотрудников?

Таких тестов не существует. «7 радикалов» — принципиально «нетестовая», проективная методика. Она предполагает развитие наблюдательности пользователя, умения логически осмысливать поведение конкретного человека в конкретных условиях.

Можно ли говорить, что существуют определенные наборы, которые, как правило, лучше всего подходят для стандартных функций в компании:

- владелец,
- директор,
- коммерческий директор,
- директор по персоналу,
- директор по производству,
- финансовый директор.

Да, такие профили можно и нужно составлять. Это называется «психограмма должности». Только начинается все не с психологии, а с точного, по правилам профессиографии, описания конкретной должностной позиции. Необходимо не функциональное (какие задачи решает, каких целей достигает, с кем взаимодействует), а т.н. операциональное описание (какие действия — в деталях — совершает в течение рабочего дня). И уже после этого решается вопрос, какими качествами характера (а также специальными способностями) должен обладать сотрудник, чтобы легко и с удовольствием выполнять свою работу.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора.....	5
Предисловие к изданию 2017 года.....	9
Глава 1. Введение в характерологию.....	11
Глава 2. Истероидный радикал.....	32
Глава 3. Эпилептоидный радикал.....	56
Глава 4. Паранойяльный радикал.....	85
Глава 5. Эмотивный радикал.....	104
Глава 6. Шизоидный радикал.....	120
Глава 7. Гипертимный радикал.....	146
Глава 8. Тревожный радикал.....	162
Глава 9. Реальный характер: распознавание и управление.....	178
Приложение.....	217

Научно-популярное издание

Пономаренко Виктор Викторович
ПРАКТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРОЛОГИЯ
Методика 7 радикалов

Ответственный редактор *Е. Королева*
Технический редактор *О. Серкина*
Компьютерная верстка *Е. Коптевой*
Корректор *Г. Кузьмина*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008); 58.11.1 — книги, брошюры печатные

Произведено в Российской Федерации. Изготовлено в 2019 г.

Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»

129085, Российская Федерация, г. Москва,

Звёздный бульвар, дом 21, строение 1, комната 705, пом. I, 7 этаж.

Наш электронный адрес: **www.ast.ru**

«Баспа Аста» деген ООО

129085, Мәскеу қ., Звёздный бульвары, 21-үй, 1-құрылыс, 705-бөлме, I жай, 7-қабат.

Біздің электрондық мекенжайымыз: **www.ast.ru**

Интернет-магазин: www.book24.kz

Интернет-дүкен: www.book24.kz

Импортёр в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».

Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.

Дистрибьютор и представитель по приему претензий на продукцию, в Республике Казахстан:

ТОО «РДЦ-Алматы»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор

және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының

өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8(727) 2 51 59 89, 90, 91, 92

Факс: 8 (727) 251 58 12, вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 19.06.2019. Формат 84х108¹/₃₂.

Гарнитура «Segoe». Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,76.

Тираж

экз. Заказ

ISBN 978-5-17-116268-9

9 785171 162689 >

